

В. Р. Ваврик

ТЕРЕЗИН И ТАЛЕРГОФ

Терезин и Талергоф. - М., 2001. - 144 с.

© Союз Православных граждан, Института стран СНГ,
Московское общество друзей Карпатской Руси

Тел.: 950-82-82

E-mail: kfrolod@materick.ru

www.mrezha.ru/ua

*Художественное оформление и компьютерная верстка:
Введенский Н.Е.*

На первой странице обложки сщмч. Максим Сандович.

*Канонизирован Польской Православной и Русской Зарубежной
Церквями. Внесен в Собор галицко-русских святых 3-4 апреля 2001 г.*

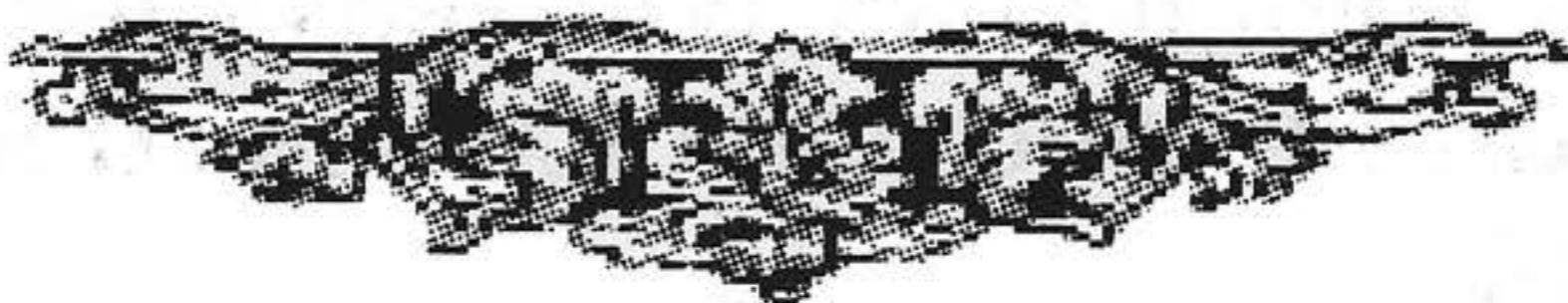
Издательский дом «Софт Издат».
Лицензия ИД № 00657 от 05.01.00.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в типографии ИД «Софт Издат».
Лицензия ПД № 00310 от 25.01.00.

Заказ № 2601. Формат 60x90^{1/16}. Объем 9 усл. печ. листов.
Тираж 2000 экз. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Налоговая льгота - общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93, том 2, 953000 - книги и брошюры

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА И СЕПАРАТИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА

Южно-русский вопрос является для нашей Церкви и Отечества одним из принципиальных. Вызовы идеологов так называемого “мазепинства”, или украинского сепаратизма, против русской государственности и культуры являются принципиальными и требуют ответа, особенно в контексте того, что “мазепинцы” не брезгуют никакими фальсификациями и подтасовками. Ныне их фальшивками обманывают миллионы людей.

Откровением для современного читателя будет история галицко-русского духовного и национального возрождения XIX-XX веков и кровавой бойни, учиненной против галицких и карпатских русинов австрийской военщиной, при деятельной поддержке “самостийно-мазепинской” партии и униатской церкви в начале XX века.

Прежде чем перейти к уникальной книге В. Р. “Терезин и Талергоф”, представляется уместным изложить исторический контекст описываемой трагедии и ответить, вкратце, на главные выпады украинских сепаратистов.

Сначала приведем выдержки из монографии Эдуарда Панарина “Историческая действительность и националистическая мифология”:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

“Многие исторические публикации, написанные с украинских сепаратистских позиций, описывают взятие Киева войсками Андрея Боголюбского в XII веке (1169 г.). При этом читателю внушается мысль, что Киев в то время был населен “украинцами”, а князь Андрей был “великороссом”, что и объясняет якобы особые, невиданные зверства его войск в Киеве. Таким образом, княжескую усобицу в единой по языку и культуре стране представляют как нападение одного народа на другой. Но ведь то время было эпохой непрекращающихся усобиц по всей Руси. Как с этнических позиций объяснить постоянные войны между суздальцами и новгородцами или между черниговцами и киевлянами? Последнее обстоятельство, по понятным причинам, националистами не упоминается. А ведь древний киевский летописец считал разгром Киева объединенными смоленско-черниговскими войсками под предводительством князя Рюрика Ростиславича, случившийся в ту же эпоху (1203 г.), небывалым бедствием, стало быть худшим, чем более раннее взятие Киева Андреем Боголюбским. “И сотворися великое зло в Русстей земли, якого же зла не было от крещения над Киевом... Подолье взяша, пожгоша ино. Гору взяша и митрополью святую Софью разграбиша... Десятинную разграбиша и монастыри все и иконы одраша... то положиша все себе в полон.” [1]. Далее летопись сообщает, что союзные с Черниговом половцы убивали монахов, священников и монахинь, забирая молодых монашенок в свои лагеря. Как же с этнических позиций объяснить это событие? Почему “украинский” князь Игорь Святославович, герой “Слова о полку Игореве”, ставший из новгород-северского черниговским князем, организовал антикиевскую коалицию в союзе с “великорусским” смоленским князем? [2]. (Участие левобережных половцев, традиционных союзников черниговских князей, во взятии Киева было само собой разумеющимся, как и союз киевлян с правобережными торками.) Чем же взятие Киева Андреем Боголюбским было хуже взятия Киева черниговцами? Разве тем, что Андрей Боголюбский не прибегал к помощи кочевников и смолян, а взял Киев с помощью галицкого князя Владимира?

Не было в то время этнических различий между русскими и украинцами; одни и те же книги читались и в Киеве, и в Новгороде, одни и те же князья княжили то в “России”, то на “Украине”. (Например, Остромирово Евангелие было написано в Киеве для новгородца, а Владимир Святой и Ярослав Мудрый

княжили сначала в Новгороде, а затем только в Киеве.) Бессмысленно искать повод для вражды между русскими и украинцами в этой эпохе, как это иногда делает украинская национальная историография. В заключение этой темы остается добавить, что “украинские” левобережные и правобережные князья продолжали свои традиционные усобицы и накануне разгрома Киева Батыем. В 1235 г. черниговские князья Михаил и Изяслав отвоевали владение Киевом у Данилы Галицкого, который вновь захватил Киев в 1238 г., когда войска Батыя были уже на Руси.

Русь, разъединенная внутренними усобицами, не могла устоять перед напором дисциплинированных войск Монгольской империи, к тому времени уже объединивших силы многих степных племен. В трудное время, последовавшее за монгольским завоеванием, Русь пытались разодрать на части шведы, немцы и литовцы. В этих условиях Александр Невский и его потомки в Северо-Восточной Руси проводят политику объединения русских земель в единое государство. Признавая власть ордынских ханов (сила солому ломит) и подавляя преждевременные против нее выступления, они постепенно выторговывают себе право самостоятельно решать внутренние вопросы и собирать дань без участия монголов. Положительные результаты этой политики видны из сравнения Северо-Восточной Руси с Юго-Западной Русью, отдавшейся литовцам и полякам вскоре после монгольского завоевания. Северо-Восточная Русь под властью монголов сохраняет свою национальную, религиозную и политическую самобытность: русский извод церковнославянского языка остается в ней не просто господствующим, но фактически единственным литературным языком; центр русского православия из Киева перемещается во Владимир-Суздальский (1299 г.), а затем - в Москву (1322 г.); русские князья, потомки Рюрика, включая перебежавших из “Литвы” Волконских, Оболенских, Пожарских и т.п., составляют русскую аристократию и выдвигают из своей среды самодержавного монарха; уже в XIII веке успешно отражаются нападения шведов, немцев и литовцев, а позже объединенная Россия разбивает монголов на Куликовом поле и самостоятельно освобождается из-под монгольской власти. С другой стороны, в Юго-Западной Руси господствующим языком постепенно становится польский, оказавший сильное влияние на развитие украинского и белорусского языков; церковь подвергается гонениям и насилиственной унией; Рюриковичи исчезают и заменяются внача-

ле литовскими князьями, а затем польскими магнатами; страна до XVII века включительно не может самостоятельно освободиться от иноземного ига и вынуждена просить в этом деле помощи у соседей Московского государства.

Между тем украинская сепаратистская пропаганда не устает обвинять москалей в поклонении татарским ханам, противопоставляя “татарскому прихвостню” Александру Невскому (или его внуку Иване Калите) его современника и своего героя Данилу Галицкого, получившего от Римского папы королевскую корону. При этом делается вид или прямо утверждается, что Данило не только не кланялся монголам, но и чуть ли не единственный во всей Руси организовал им сопротивление. Посмотрим же, что говорит об этом галицко-волынская летопись 6748 (1240 г.): “[Под этим годом летопись вначале описывает штурм монголами Киева и разгром Галиции.] Прежде того ехал бе Данило князь ко королеви Угры, хотя имети с ним любовь сватьста. И не бе любови межи ними, и воротися от короля. И приеха в Синеволодьско во монастырь святыя Богородицы. Наутре же, востав, виде множество бежащи от безбожных татар и воротися назад в Угры... Иде из Угор в Ляхи на Бардуев и пиде в Судомир... [где он встретил свою жену, также бежавшую от монгол в Польшу] ...Данилови же рекшу, яко не добро, нам стояти еде близ воюющих нас иноплеменьником, иде в землю Омазовскую ко Болеславу, Кондратови сынови, и власть ему князь Болеслав град Вышгород [где он и оставался до тех пор, “дондеже не прия весть”, что монголы ушли в степи.]” [3].

Таким образом, князь Данило не только не организовывал сопротивление монголам, но и при их появлении бежал вначале в Венгрию (Угры), а затем - в Польшу. В Польше же, не чувствуя себя в безопасности близ галицкой границы, он бежал дальше в Мазовию к своему союзнику Болеславу. Но может быть, князь Данило посвятил всю свою жизнь борьбе с монголами? Посмотрим, что говорит об этом та же летопись: 6758 (1250 г.) “Приде к Батыеви на Волгу, хотящу ся ему поклонити... И поклонися по обычаю их, и вниде в вежю его. Рекшу ему: “Данило, чему еси давно не пришел?.. Пьеси ли черное молоко, наше питье - кобылий кумуз?” Оному же рекшу: “Доселе есмь не пил. Ныне же, ты велиши, - пью.” Он же рече: “Ты уже наш, татарин, пий наше питье.” Он же, испив, поклонися по обычаю их.” [Затем Данило посещает Батыеву жену, которая благос-

клонно угощает его вином, а не кумысом.]” ...О злее зла, честь татарская! Данилови Романовичу велику, обладавшу Рускую землею: Киевом и Володимером [Волынским], и Галичем... ныне седит на колену и холопом называется! [Затем летопись упоминает Ярослава Сузальского, отца Александра Невского, погибшего в Орде, и Михаила Черниговского, предпочитавшего умереть, но не “поклониться кусту” перед ханской юртой.] “...Бывшу же князю у них дний К и Е [т.е. 25 дней], отпущен бысть и поручена бысть земля его ему и иже бяху с ним.” [4].

Остается недоумевать, чем же Данило Галицкий был лучше Александра Невского? Тем ли, что ища помощи у поляков и римского папы, он способствовал тому, что Галиция прежде всех других русских земель стала польским воеводством (начало XIV века) и более всех утратила свои древнерусские корни? По этому поводу вспоминается бессмертный Тарас Бульба: “Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?” У древнерусских людей чувство этнической принадлежности было тесно связано с Православием. По-видимому, одной из главных причин, по которой Александр Невский отказался от королевской короны, предлагавшейся ему Римским папой вместе с обещаниями военной помощи взамен на обращение в католичество, было предчувствие, что с утерей Православия будет утеряна и национальная самобытность Руси. С другой стороны, монголы были веротерпимы и не навязывали своей религии русским; более того, некоторые из них переходили в Православие, включая даже монгольских царевичей (например, св. Петр Ордынский), которые в то время могли лишиться за это своих наследственных прав. Уже в 1265 г. в Сарае, столице Золотой Орды, была учреждена православная епархия. Вероятно, именно это предпочтение Александра Невского ради сохранения православной веры - политической зависимости от веротерпимых монголов союзу с воинствующими западными католиками - побудило Русскую Православную Церковь причислить Александра Невского к лику святых. Как мы уже отметили выше, решение Александра пожертвовать политической независимостью ради веры в конце концов помогло Северо-Восточной Руси вновь обрести политическую независимость, а противоположное решение Данилы способствовало скорой утрате политической (и тем более духовной) независимости в Галиции. Так и выходит, вольно переводя слова Христа, что старающийся спасти душу [жизнь] - ее потеряет, а не боящийся умереть - спасет.

Большая часть Юго-Западной Руси (за исключением Галиции, отошедшей к Польше) вскоре оказалась под владычеством языческих литовских князей, где до брака литовского князя Ягайло с польской королевой Ядвигой и последующей католизацией сохранилась культурная автономия для русских православных. Но уже тогда, в относительно благоприятную для православных эпоху в литовском государстве, киевский митрополит предпочел перебраться из владений литовского князя во Владимир-Суздальский (1299 г.), тогдашнюю столицу Северо-Восточной Руси. Несколько позже митрополит Киевский и Владимирский Петр из теряющего свое значение Владимира хотел было перебраться в более богатую и сильную Тверь, но недальновидный князь тверской оттолкнул его своей грубостью и высокомерием, и митрополит переехал в Москву, местный князь которой, Иван Калита, был с ним в дружеских отношениях (1322 г.). Но когда Москва стала столицей Русской Православной Церкви, она стала притягательным центром для всех русских земель и вскоре настолько усилилась, что затмила Тверь и стала самым важным городом Северо-Восточной Руси. Значение Православной Церкви в жизни древнерусских людей понимали и литовские князья. Поэтому их очень беспокоил тот факт, что православное духовенство и миряне подчиняются московскому митрополиту. Много раз литовские князья пытались установить собственную митрополию, независимую от Москвы, чтобы лишить Москву преимущества церковной столицы. Но константинопольские патриархи, под чьей юрисдикцией находилась тогда Русская Православная Церковь, предпочитали православных русских князей, а не литовских язычников (а позже - католиков) и в течение многих лет отвергали их домогательства. На протяжении полутора веков (1299-1458) единая Русская Православная Церковь управлялась из Северо-Восточной Руси, о чем сепаратистские пропагандисты предпочитают не вспоминать. Однако в середине XV века в Русской Церкви произошел раскол по политическим границам между Литвой и остальными русскими землями. Причиной этому была флорентийская уния Православной и Римо-Католической Церквей (1440 г.), которую Русская Церковь отказалась признавать. В те годы османские турки уже захватили большую часть Византийской империи и осаждали Константинополь. Римский папа предложил византийцам унию церквей взамен на западную военную помощь. Император и Патриарх

согласились, хотя, как показали последующие события, общественное мнение среди православных было против унии. Митрополитом Московским и Киевским в то время был грек Исидор, сторонник унии. По принятии унии на соборе во Флоренции и Ферраре (1438-1440), он предпринял путешествие по Восточной Европе. В то же время русские делегаты Собора поспешили домой с тем, чтобы осудить принятую унию. Когда Исидор вернулся в Москву (1441 г.), он был Кардиналом Московским и Всея Руси; на нем был латинский крест, и на своей литургии он помянул римского папу вместо православных патриархов. Это была последняя литургия Исидора в России. Его немедленно арестовали, и собор русских епископов объявил его еретиком. Из Москвы Исидор бежал в Тверь, находившуюся в плохих отношениях с Москвой. Но и там он был арестован местными властями. В конце концов он совсем уехал из России. С этого момента Русская Церковь стала фактически независимой от Константинополя. Вскоре после принятия унии турки захватили Константинополь (1453 г.), и вследствие этого унияди очень быстро потеряла всякую привлекательность для греков, которые от нее сами вскоре отказались. Но моментом разногласия между Москвой и Константинополем поспешили воспользоваться литовские власти, в чьих владениях находилось много православных. В 1458 году Казимиру IV удалось посвятить епископа Григория, сторонника унии, в сан Митрополита Киевского; его юрисдикция простиралась на православных, находящихся в польских и литовских владениях. Политическое давление заставило принять новое устройство одного за другим всех живущих в Литве православных епископов, большинство которых были против унии и за единство Русской Церкви. Таким образом. Русская Церковь оказалась расколотой на две митрополии, московскую и киевскую. Поставление независимого от Москвы митрополита в литовских владениях было лишь первым шагом на пути подчинения Православной Церкви католическим властям, которые были заинтересованы в обращении православных в католицизм с тем, чтобы предотвратить сепаратистские настроения среди русских, украинцев и белорусов, живших в их владениях. Политическое давление на православных не прекратилось с отделением литовских епархий от московской митрополии, что естественно вызвало со-противление православных. В 1481 г. православные князья во главе с Михаилом Олельковичем и Федором Бельским пыта-

лись свергнуть Казимира. Потерпев неудачу, они бежали в Москву. По той же причине в 1503 г. отделилась от Литвы и поддалась Москве Черниговская земля, за которой последовали Смоленская, Брянская и Северская (со столицей в Новгород-Северском) земли. (Эти земли были вновь захвачены Польшей через сто с небольшим лет, в смутное время начала XVII в. Смоленск и Брянск был отвоеван Россией в середине XVII в., а Чернингов и Северщина тогда же вошли в состав гетманской Украины, находившейся под российской протекцией.) В 1596 г. оставшимся под польско-литовской властью православным землям была навязана Брестская уния, и на польско-литовских землях вскоре не осталось православной иерархии. Лишь в 1620 г. патриарх Феофан тайно рукоположил 7 епископов в Киеве, в т.ч. одного митрополита, и таким образом восстановил Киевскую митрополию под юрисдикцией Константинопольской патриархии. Киевская православная митрополия продолжала подпольное существование до 1633 г, когда она была узаконена новым королем Владиславом. Вскоре произошло воссоединение левобережной Украины и Киева с Россией (1654 г.), за которым последовало и объединение Русской Церкви (1687 г.), произшедшее с благословения Константинопольского Патриарха, под чьей юрисдикцией находилась киевская митрополия. Сразу же по воссоединении церквей, выходцы из киевской митрополии начинают играть ведущую роль в духовной жизни и даже в руководстве Русской Церкви (Симеон Полоцкий, Степан Яворский, Феофан Прокопович, Дмитрий Ростовский). Впрочем, и до объединения Русской Церкви Епифаний Славинецкий и его ученики уже сыграли значительную роль в реформе Патриарха Никона.

Как когда-то литовские князья, так и теперь современные украинские националисты хорошо понимают объединительную роль Русской Православной Церкви, противоречащую их разъединительным целям. Поэтому они стараются не только основать “украинскую патриархию” или автокефалию, но и переписать историю таким образом, чтобы доказать изначальную церковную отделенность Украины от России. Пока что им не очень-то везет: ни одна Православная Церковь мира не признала ни “патриархии”, ни “автокефалии”. Ныне на Украине признающих юрисдикцию Московской Патриархии примерно в 6 раз больше, чем придерживающихся “национального православия”. В области же истории Церкви ни одна их ложь не вы-

держивает и поверхностного столкновения с простейшими историческими фактами.

“Доба козаччины” довольно полно описана в хрестоматийной книге Н. Ульянова “Происхождение украинского сепаратизма” Мы хотели бы обратить внимание читателей только на два момента. Украинская пропаганда, как правило, обвиняет правительство Алексея Михайловича в нарушении Переяславского “договора”. Дескать, царская Россия вместо того, чтобы сражаться за Украину, вкупе с Польшей вероломно разделила ее на две части, заключив перемирие в 1667 г. Таким образом, царское правительство будто бы предало правобережную Украину Польше. Рассмотрим, однако, обстоятельства, при которых произошло заключение этого перемирия.

После вероломного нарушения поляками Зборовского договора и поражения казаков под Берестечком стало ясно, что самим казакам не устоять против польских войск. В октябре 1653 г., после неоднократных казацких посольств, Земский собор в Москве согласился принять Украину под протекцию Московского государства, нарушив тем самым договор о вечном мире с Польшей. В январе 1654 г. Переяславская казацкая рада присягнула Алексею Михайловичу. При этом казаки пытались получить равноценную присягу от московского правительства, на что московский посол Бутурлин ответил категорическим отказом, с чем казаки были вынуждены согласиться. Таким образом, переяславская присяга была односторонней, а вовсе не равным договором между Царем и Радой, как это пытаются представить украинские националисты.

Московские и казацкие войска были удачливы в войне с Польшей (кроме Галиции). Военные действия временно прекратились, и были начаты переговоры о мире, на которых Москва требовала передачи всей Украины и Белоруссии в московское подданство. Но в этот момент новый гетман Иван Выговский предал Царя, заключив мирный договор с Польшей, по которому Украина получила бы автономный статус внутри Речи Посполитой (1658 г.). Как известно, Польша прежде нарушала договоры, заключенные с казаками (например, Зборовский); и в этот раз польский комиссар Беневский, заключивший договор с Выговским, говорил, отчитываясь перед польским сенатом, что де отделение Руси (Украины) в отдельное княжество долго не продержится, дескать, все со временем вернется в прежнее русло [5]. Но Выговский все же польстился на его обещание.

Многие казаки остались верными и избрали нового гетмана, Безпалого. В 1659 г. князь Трубецкой двинул с большой армией на помощь Безпалому. Выговский же призвал на помощь себе крымскую орду и с помощью татар напал на Трубецкого у Конотопа. Большой отряд, возглавляемый князем Пожарским, рассеял казаков Выговского, но слишком увлекся преследованием, оказался в окружении татар и был вынужден сдаться. Князя Пожарского отвели к хану, где князь плюнул хану в лицо и был обезглавлен; 5 тысяч русских пленников были перебиты казаками Выговского. Трубецкой отступил к Путивлю. Вскоре, однако, крымский хан увел свои войска в Крым. 22 августа 1659 г. войска Выговского под предводительством его брата Данилы попытались самостоятельно напасть на войска Трубецкого, но были разбиты. Почти сразу же, 30 августа, Шереметьев написал письмо царю о том, что весь левый берег снова признал власть Москвы. Но примерно через год Москве изменил и Ю.Хмельницкий, и снова левый берег признавал царя, а правый колебался между Польшей и Турцией. Эта череда измен украинской старшины посреди войны России с Польшей, спровоцированной самими же украинцами, истощила московское государство. Война и изменения стоили Москве много денег и человеческих жизней. Выходило, что старшина левобережной Украины более хотела быть с Москвой, чем старшина правобережной Украины. Вот почему война Москвы с Польшей закончилась таким образом. Не москали и не ляхи разделили Украину: Украина была разделена самими украинцами, часть которых была за Москву, а часть - против. Истощенная войной и изменениями Россия вряд ли могла бы продолжить войну за правобережную Украину, чья правящая элита была настроена пропольски.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание читателей, это эволюция взглядов украинских историков Костомарова и Кулиша, особенно в отношении украинского казачества. Будучи в юные годы соратниками Т. Шевченко, они воспринимали своих героев-казаков как сторонников и борцов за демократическое народное государство. [6]. В зрелые же годы, после многих лет исследований, несомненно оставаясь украинскими патриотами (в смысле любящих Украину людей), они решительно пересмотрели свои взгляды на многие вопросы украинской истории, в т.ч. и казачество. [7]. Хотелось бы надеяться, что многие другие, столкнувшись с действительными историческими фактами, смогут расстаться с иллюзиями, созданными националистической мифологией.

Мазепа и “мазепинцы”

Украинская сепаратистская пропаганда сделала из гетмана Мазепы национального героя Украины. Утверждается, что гетман был не предателем, а борцом за независимую Украину; предавая Россию и Петра Великого, он-де стремился создать независимое украинское государство. Между тем, известный малороссийский историк Н.Костомаров достаточно убедительно показал, что Мазепой руководили прежде всего личные корыстные интересы. [8]. Видев победы шведского короля Карла XII над русскими войсками, Мазепа предполагал поражение России и не без оснований считал, что гетманская Украина в этом случае перейдет под контроль польского союзника воинственного шведского короля, Станислава Лещинского, выдвинутого Карлом XII на польский престол вместо короля Августа II, союзника Петра Великого. В этих условиях Мазепе думалось, что верному подданному Петра Великого, каким до сих пор был гетман, не посчастливится на польской Украине. Своевременный переход на сторону Карла и Лещинского мог бы помочь Мазепе сохранить свое положение богатейшего магната и при новых властях.

Исторические источники не оставляют сомнений в том, что Мазепа вел подобные переговоры с польским правителем Станиславом Лещинским и Карлом XII. Целью Мазепы в этих переговорах было продать Украину Польше в обмен на вновь создаваемое княжество в Белоруссии, где бы Мазепа был полновластным князем, признающим формальную зависимость от польского короля. Вот как Густав Адлерфельд, камергер Карла XII и участник Северной войны, непосредственно вовлеченный в те события, описывает соглашение между Мазепой и Станиславом Лещинским [9]:

Solte die ganze Ukraine imgleichen die Herzogth Umer, Severien, Kiow, Tschemikow und Smolensko wieder unter polnischer Herschaft kommen und der Krone einverleibt werden, dahingegen versprach man dem Mazeppa zu seiner Vergeltung den Titui eines FUrsten beizulegen auch ihm die Woiewodschaften Witepsk und Polotzk auf die Art wie der Herzog von Curland sein Land, besetzt zu Uberlassen.

Вся Украина, включая княжества Северское, Киевское, Черниговское и Смоленское, должна вернуться под владычество Польши и оставаться под ее короной, за что Мазепа награждается титулом князя и получает Витебское и Полоцкое воеводства с теми же правами, которые имеет Герцог Курляндский в своей земле.

Неудивительно, что Мазепа стремился скрыть содержание этого договора не только от русских властей, но и от своих казацких соратников, которым он выставлял свою любовь к матери Украине и верность Запорожскому войску. Копия договора между Мазепой и Станиславом Лещинским была найдена в гетманской канцелярии, захваченной войсками Меньшикова при взятии Батурина. На это указывают манифесты Петра Великого и универсалы гетмана Скоропадского. Достоверность информации, содержащейся в этих манифестах, можно было бы подвергать сомнению, но тот факт, что современный шведский источник (автор которого лично знал и вполне сочувствовал Мазепе) подтверждает наличие подобного договора, устраивает всякие сомнения по этому поводу. Кроме того, в польской исторической литературе этот факт считается сам собой разумеющимся. Например, Юзеф Фельдман, описывая политическую борьбу в Польше между Августом II и Станиславом Лещинским, симпатизирует последнему из-за его антиабсолютистской и антирусской ориентации. Сильной картой Лещинского в борьбе с Августом, по мнению Фельдмана, был его договор с Мазепой о возвращении Украины Польше [10]:

W roku nastepnym [1708] emisariuszjego [Mazepy] zawart traktaty z Karolem i Leszczyn'skim, z pierwszym natury czysto wojskowej. Z drugim politycznej. Cała Ukraina z Siewerszyna, Kijowszczyzna, Czemichowszczyzna i Smolen'szczyzna powrócić miała do Rzeczy... Samemu Mazepie przyobecano nagrode w postaci księstwa lennego na wzór Kuriandji, wykrojonego z województw witebskiego i polockiego.

В следующем [1708] году его [Мазепы] посланец заключил договоры с Карлом и Лещинским, с первым чисто военного характера, со вторым - политического. Вся Украина с Северщиной, Киевщиной, Черниговщиной и Смоленщиной должна была вернуться в Речь Посполитую... Самому Мазепе была обещана награда в виде удельного княжества вроде Курляндии. выкроенного из воеводств Витебского и Полоцкого.

Таким образом, Мазепа предавал не только Петра Великого или Россию, но и саму Украину. Предательская натура Мазепы проявилаась и после его бегства в шведский лагерь. Камергер шведского короля Карла XII Густав Адлерфельд, вероятно, гораздо бы менее сочувствовал Мазепе в своих записках, если бы он знал о тайных переговорах между старым гетманом и Петром Великим, проводившихся за спиной Карла XII. На пути к шведам два украинских города захлопнули свои ворота перед старым гетманом, и Мазепа более не пытался искастить поддержки украинского народа [11]. Соединившись со шведами, Мазепа увидел, что шведские силы гораздо слабее, чем он думал, а после падения своей крепости Батурина окончательно понял, что он здорово просчитался. Это же поняли и те немногие, что последовали за гетманом. Один за другим они бежали от шведов и возвращались к царю Петру, пообещавшему амнистию всем вернувшимся до определенного срока. Среди вернувшихся был и миргородский полковник Данило Апостол.

Апостол привез с собой тайное устное сообщение от Мазепы: гетман раскаивается и просит прощения и позволения вернуться. За это гетман предлагает силами своих сердюков, находящихся в шведском лагере, выкрасть короля Карла и доставить его Петру. Таким образом, тяжелая война будет закончена одним ударом. Петр с энтузиазмом принял план Мазепы, но переговоры несколько затянулись. Предусмотрительный Мазепа, боясь за свою жизнь, требовал от Петра гарантii своей безопасности, подтвержденных некоторыми европейскими дворами. В конце концов эти гарантii были даны. И вот Данило Апостол пишет письмо Ивану Мазепе о том, что переговоры между ним и канцлером Головкиным (представлявшим Петра Великого) успешно завершились. Копия этого письма опубликована Н.Костомаровым [12].

Однако тот факт, что переговоры затянулись, насторожил гетмана и заставил искать его другого выхода из скверного положения, в которое он себя поставил. Не прекращая переговоров с Петром через Данилу Апостола, он пишет письмо к Станиславу Лещинскому, настоятельно побуждая его двинуть свои войска на гетманскую Украину. По-видимому, Мазепа уже мало рассчитывал на помилование Петра, полагал, что свежие польские войска могут улучшить шансы шведских войск, казавшиеся ему скверными. Любопытно, что Мазепа называет

Украину “отчиной” Лещинского (т.е. наследственным имением польского короля) и заканчивает свое письмо словами: “wiemy poddany y sluga naunizszy Jan Mazepa Hetman” (“верный подданный и слуга наизнанку Ян Мазепа, гетман”). Это еще раз подтверждает, что Мазепа отнюдь не собирался быть гетманом независимой Украины, иначе он не называл бы себя “подданным” польского короля.

На несчастье старого гетмана, русские драгуны перехватили посланцев Мазепы к Станиславу, и его письмо попало к Петру Великому. Узнав, что Мазепа, уже предав Карла Петру, повторно предал Петра Станиславу, разъяренный царь прекратил переговоры и отменил свое помилование Мазепе. Письмо же было немедленно опубликовано в манифесте гетмана Скоропадского с тем, чтобы разрушить всякие иллюзии о Мазепе у тех, кто их еще сохранял. Оригинал письма, написанный Мазепой на польском языке с примесью латинских выражений, также опубликован в цитированном выше дореволюционном издании Костомарова [13].

Раз уж мы заговорили о Мазепе, мы не можем обойти стороной вопрос о любимом “коньке” самостийников - разрушении Батурина, резиденции гетмана. Н. Ульянов лишь коротко отмечает, что несмотря на утверждения украинской пропаганды, никаких особых эксцессов, помимо тех, что случаются при взятии сопротивляющихся крепостей, в Батурине не произошло. Мы бы хотели немного подробнее остановиться на этом вопросе, тем более что эту тему эксплуатируют не только безответственные рядовые пропагандисты вроде некоего профессора филологии Львовского университета, опубликовавшего недавно книжонку под названием “Орда” и насочинявшего в ней подробностей о том, как москали бросали зарезанных украинских женщин и детей в батуринские колодцы. Эту же тему не менее безответственно, хотя и более осторожно и наукообразно, разрабатывает и небезызвестный Орест Субтельный, канадский историк украинского происхождения, претендующий на положение ведущего историка Украины. Так, в своей книге “Ukraine: A History” Субтельный утверждает: “Все население Батурина, 6000 мужчин, женщин и детей, было перебито” [14]. Никакой ссылки на первоисточник при этом, правда, не содержится. В другой своей книжке “The Mazepists” (“Мазепинцы”), он, вроде бы дает и ссылку (ниже мы приводим английский текст и наш перевод) [15]:

PETER I'S INITIAL REACTION

The Russian recovered quickly Menshikov's quick, energetic measures were especially effective. Arriving in Baturyn within a day of the Hetman's departure, Menshikov realized what had occurred and, without delay, ordered his men to storm the town. After taking the town in a fierce two-hour battle, Menshikov ordered a systematic destruction of Baturyn and the massacre of all its inhabitants. About 6.000 men, women, and children were slaughtered. The tale of Baturyn produced the desired effect. As the news of Mazepa's defection spread throughout Ukraine, it was accompanied by the terrible tale of what had occurred at Baturyn (1). At this point, many would be Mazepists probably reconsidered their plans about joining the Hetmat.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ ПЕТРА I

Русские оправились быстро. Особенno эффективны были быстрые, энергичные действия Меньшикова. Прибыв в Батурин через день по отбытию гетмана, Меньшиков осознал, что случилось, и без промедления приказал своим людям штурмовать город. Взяв город после жестокой двухчасовой битвы, Меньшиков приказал систематически разрушить Батурина и перебить всех его жителей. Около 6.000 мужчин, женщин и детей были убиты. Судьба Батурина произвела желаемый эффект. Распространяясь по всей Украине, новость о бегстве гетмана сопровождалась ужасным рассказом о том, что произошло в Батурине (1). В этот момент многие потенциальные мазепинцы вероятно пересмотрели свои планы присоединиться к гетману.

Знак (1) отсылает читателя к примечанию, находящемуся на стр.226 этой книжки Субтельного, в которой написано:

Peter I to F.M. Apraksin, 30 October 1708, Pisma & bumagi, VII, 2, p.253. Menshikov first informed the Tsar about Mazepa's defection. Cf. Menshikov to Peter I, 24 October 1708, Pisma & bumagi, VII, 2, p.864.

Петр I к Ф.М.Апраксину, 30 октября 1708, "Письма и бумаги", VII, 2, с.253. Меньшиков сначала сообщил царю о победе Мазепы. Ср. Меньшиков к Петру I, 24 октября 1708, "Письма и бумаги", VII

Хотя с первого взгляда этот пассаж О.Субельного может произвести впечатление солидного исторического исследования, подкрепленного соответствующими ссылками на первоисточники, знающий и наблюдательный человек немедленно за-

метит, что его ссылка фальшива. Как известно, штурм Батурина войсками Меньшикова произошел ранним утром 2 ноября 1708 г., а письма, на которые ссылается Субтельный, написаны в конце октября, вскоре после побега Мазепы, но прежде, чем Батурин был взят. Таким образом, в этих письмах ничего о “сопровождавшем новость о бегстве гетмана ужасном рассказе о том, что произошло в Батурине “быть не могло; но при этом контекст ссылки Субтельного заставляет легковерного читателя предполагать, что даже если в этих письмах и не содержатся цифры 6 тысяч замученных мужчин, женщин и детей, то в нем, по крайней мере, содержится какое-то подтверждение избиения русскими войсками гражданского населения в гетманской резиденции.

Хотя уже ясно, что Субтельный или ошибся, или сознательно старался ввести своих читателей в заблуждение, небезынтересно узнать, что же было в этих письмах, приводимых Субтельным в качестве доказательства факта избиения гражданского населения в Батурине. Как явствует из приведенного Субтельным письма Меньшикова Петру, князь Меньшиков в момент написания письма (24 октября) вел переговоры с мазепинскими сердюками, засевшими в крепости Батурина. Меньшиков докладывает царю, что переговоры пока ни к чему не привели, осаждаемые не хотят пускать царские войска в крепость и, очевидно, ожидая скорого прибытия шведов, тянут время. В то же время он отмечает, что по его наблюдениям Мазепу поддерживает в основном только генеральная старшина, а большинство простых казаков и сотников в городских полках проклинают измену Мазепы. Таким образом, даже в таком маленьком параграфе, приведенном выше, Субтельный сознательно или бессознательно допускает еще одну ошибку. Ведь по его словам, Меньшиков, “прибыв в Батурин через день по отбытии гетмана... без промедления приказал своим людям штурмовать город”, а на самом деле из письма, приводимым самим Субтельным выясняется, что еще 24 октября, за неделю до штурма Батурина, Меньшиков уже вел переговоры с мазепинскими сердюками.

О чем же идет речь в другом письме Петра Великого к Ф.М.Апраксину от 30 октября, приводимым Субтельным в качестве доказательства трагедии в Батурине [17]? Петр сообщает адмиралу Апраксину об измене Мазепы; что Мазепа, доверяя только по генеральной страшине, обманул около 2 тысяч

простых казаков, перешедших с ним Десну, и только по приближении к шведам открыл им свои замыслы. Украинский народ, пишет Петр, к счастью, не поддерживает измены своего гетмана. Вот и все, никакого упоминания Батурина и, тем более, избиения младенцев в этом письме нет.

На чем же все-таки основывается Субтельный, и откуда взялась цифра 6 тысяч замученных мужчин, женщин и детей? Чужая душа - потемки, но можно предположить, что за замученное гражданское население выдают мазепинских сердюков, погибших при штурме крепости. Вот сообщение из лондонской газеты “Дейли Курант” [18].

Yesterday arriv'd mail from Holland... From the Czar of Muscovy's Camp near the River Desna 16 Nov... GENERAL Mazappa, afer 70 Years Commander in chief of the Cossacks, had been engag'd by the Swedish Generals to come over with his Troops to their Army... by Order of his Czarish Majesty, Prince Menshikof march'd with Body of Troops to Baturyn, the ordinary town of Residence of Mazeppa; enter'd by Assault; put to the Sword 5 or 6000 rebellious Cossacks, and caus'd some of the chief to be broken on the Wheel...

Вчера прибыла почта из Голландии... Из лагеря Царя Московии около реки Десна 16 ноября... ГЕНЕРАЛ Мазепа, 70-ти лет, Главнокомандующий казаков, был связан со шведскими генералами, чтобы перейти со своими войсками в их армию... по приказанию Его Царского Величества, князь Меньшиков отправился с корпусом войск в Батурино, город обычного проживания Мазепы и, взяв его штурмом, предал мечу 5 или 6 тысяч мятежных казаков и казнил некоторых из главарей на колесах...

Вот здесь и всплывает число 6000 мирных жителей города, включая женщин и детей. По Костомарову, для защиты Батурина в городе было оставлено 4 сердюцких полка. (Эти полки отличались от обычных городских полков тем, что не базировались ни в какой конкретной области, а были под прямым командованием гетмана, полностью от него завися и, в сущности, составляя его гвардию, личную охрану.) Кроме того, в Батурине находилась значительная часть войсковой артиллерии и часть городских полков Лубенского, Прилуцкого и Миргородского, другая часть которых (около 2 тысяч человек) была уведена Мазепой с собою к шведам [19]. Таким образом, военный гарнизон Батурина не мог составлять менее 6.000 человек, что

и подтверждается некоторыми данными [20]. Это и понятно: Мазепа не мог рассчитывать, что Батурин продержится до прихода шведской армии без крепкого гарнизона. Однако, лондонская газета сообщает, что погибло как раз от 5 до 6 тысяч казаков. Можно ли считать, что эти 5-6 тысяч были мирными жителями Батурина? Вряд ли, ведь куда бы тогда делся батуринский гарнизон, составляющий 6 тысяч человек? Если бы погиб и гарнизон, и все мирные жители, как следует из утверждений Субтельного, тогда число убитых должно было бы быть по крайней мере в два раза больше. Таким образом, сообщение лондонской газеты нельзя считать доказательством избиения гражданского населения в Батурине, хотя именно это и делают некоторые американские ученые украинского происхождения. Например, Т.Мацькив, пересказывая сообщение “Дейли Курант” в своей книге, пишет: “...он [Меньшиков] казнил от 5 до 6 тысяч населения” [21]. Возможно, и Субтельный, как и Мацькив, так же недобросовестно использовал это же или подобное сообщение.

Гражданское население ни этой газетой и никаким другим первоисточником не упоминается, за исключением шведских памфлетов, которые стесняется цитировать даже Субтельный и которым в отношении действий русских войск доверять никак нельзя, так как их целью было очернить русских в глазах Европы. (Те же памфлетисты описывали зверское отношение русских к шведским военнопленным, в то время как всем известно великодушие и уважительное отношение Петра Великого в своем “шведским учителям”.) Сам Костомаров, который так и не смог расстаться с мифом об избиении гражданского населения в Батурине, тем не менее отмечает: “Впрочем, многие успели уйти заранее и остаться целыми. Это видно из того, что впоследствии возвращались в Батурин многие обыватели на свои места”. То, что батуринские посады (часть города за пределами крепости) были вновь заселены практически сразу же по окончании этих трагических событий, еще раз заставляет усомниться в достоверности сообщений о батуринском избиении.

В историю батуринского избиения трудно поверить прежде всего потому, что для русских, в том числе и для Меньшикова, было совершенно ясно, на чьей стороне находится украинский народ. Как уже было сказано, два украинских города захлопнули ворота перед своим изменившим гетманом. Более то-

го, украинские обыватели и селяне самостоятельно организовывали партизанские отряды, подстерегавшие мелкие группы шведских фуражиров, о чем сам Меньшиков одобрительно писал царю Петру. В конце концов, это стало ясно и Карлу XII, который стал рассматривать Украину враждебной территорией и чьи войска жгли украинские села. Трудно поверить, что Меньшиков захотел наказать ни в чем не виновных простых украинцев за измену гетмана и потому, что русские вовсе не были такими зверями, какими их изображает украинская пропаганда. Напротив, иногда случалось, что русские войска удерживали украинских казаков от зверств в Польше. Например, Отвиновский описывает, как украинские казаки опустошали краковское воеводство и заключает: “Если бы при этих казаках не находилось 600 великороссиян, то, кажется, в краковском воеводстве не осталось бы в живых ни человека, ни скотины” [22]. Если русские жалели даже поляков, с которыми они традиционно вели войны на протяжении столетий, то зверства по отношению к “своим” украинцам тем более невероятны.

“Голодомор”

Пожалуй, ни одно историческое событие не эксплуатировалось “мазепо-бандеровской” пропагандой так, как трагические последствия коллективизации начала 1930-х годов. То, что представлялось Сталину как “усиление классовой борьбы в деревне”, теперь представляется как “уничтожение украинского народа русским народом”. Попробуем по мере возможности разобраться в этом большом вопросе. Для этого прежде всего рассмотрим вопрос о том, на самом ли деле советский режим был на Украине “иностранным” режимом, как об этом вещает украинская пропаганда. Начнем с установления Советской власти на Украине.

Генерал Деникин в своих мемуарах писал: “Есть основание предполагать, что [одна из самых ранних] офицерская организация генерала Крымова имела первоначальной целью создания из Киева центра будущей борьбы” [23]. Но белое движение, находившееся тогда в зачаточном состоянии, не смогло успешно организоваться в условиях националистической политики, проводимой Украинской Центральной Радой. Тот же Деникин отмечал, что: “Центральная Рада продолжала вести шовинистическую политику по отношению к России и русским, де-

лая тем самым невозможным сложение противобольшевистских сил” [24]. Об этой политике Центральной Рады свидетельствует и злой враг Деникина, крестьянский анархист Махно, который между прочим писал: “...население [Гуляй-Польского] района было определено враждебно настроено против политики Украинской Центральной Рады, агенты которой, разъезжая по району, травили всякого и каждого революционера, называя его предателем ‘неньки Украины’ и защитником ‘кацап’, которых по ‘идее’ Украинской Центральной Рады (по выражению ее агентов), конечно, нужно было убивать ‘як гнобытилис мови’. Такая идея оскорбляла крестьян. Они стягивали с трибуны проповедников и били, как врагов братского единения украинского народа с русским [25]. Это отношение к “русскому вопросу” Центральной Рады начало меняться лишь тогда, когда стало ясно, что большевики вскоре захватят власть на Украине. На пороге краха Украинской Центральной Рады ее военный министр Петлюра обратился к Шульгину (лидеру киевской монархической группы, поддерживавшему связь с Добровольческой армией) для привлечения русских офицеров в украинские части, обещая при этом порвать с большевизмом Винниченко и с австрофильством Грушевского. (Как известно, сам Петлюра, как и Винниченко с австрийским подданным Грушевским, были членами социалистических партий.) Но было слишком поздно; разгулявшаяся народная стихия опрокинула режим Центральной Рады. По выражению Деникина, большевизм советов брал верх над полубольшевизмом Рады, петроградский централизм - над киевским сепаратизмом. Малочисленный большевистский отряд Муравьева без какого-либо сопротивления со стороны национальной власти вошел в Киев 26 января 1918 г. Правительство Рады бежало в Житомир и, заключив сделку с немцами и австрийцами, на их штыках вернулось в Киев. Но немцы не собирались поддерживать социалистические устремления членов Рады. Заключив предварительно с Радой грабительский экономический договор, они передали власть гетману Скоропадскому. Внутренняя политика Украины резко качнулась вправо, в стране стал наводиться внешний порядок, под которым зрело недовольство крестьянских масс, уже вкусивших вожделенную вседозволенность революционной анархии и раздраженных возвратом старых помещиков и эксплуатацией германских властей. В то же время политика гетмана в отношении России и русских немногим отличалась

от политики Украинской Центральной Рады: поношение России, “под игом которой Украина стонала в течение двух веков” [26]. Опять же, такое положение продолжалось до тех пор, пока положение гетмана стало угрожающим в связи с неудачами немцев и австрийцев на фронтах Первой мировой войны. В конце сентября 1918 г. Гетман попытался сблизиться с Добровольческой армией. Тогда представитель Добровольческой армии в Киеве генерал Ломновский получил указание от Деникина сотрудничать с украинскими военными властями с целью спасения Украины от большевизма [27]. Вскоре события приняли более драматический оборот благодаря тому, что Германия и Австро-Венгрия, поддержавшие режим гетмана, потерпели поражение в Первой мировой войне. 1 ноября киевские военные начальники заявили гетману, что войска их выходят из его подчинения, являемаясь поборниками общерусских интересов, 2 ноября в своей “Грамоте” гетман заявил о “восстановлении Великой России”, в которой Украина как ее важнейшая составляющая часть должна сыграть решающую роль [28]. Но опять же, было поздно: разгулявшаяся уже крестьянская стихия, недовольная возвратом помещиков при гетмане, под националистическими знаменами социалиста Петлюры смела и гетманский режим, и малочисленных русских дружиинников, вышедших на защиту бежавшего гетмана [29]. Следует подчеркнуть, что крестьянская поддержка Директории Петлюры не распространялась далее передела земли, в чем и заключалась его сила против гетмана; националистические же идеалы поддерживались в основном лишь узкой группой украинской социалистической интеллигенции, но не крестьянством, составлявшим подавляющее большинство населения Украины. Об этом говорят в своих мемуарах и Деникин, и его злейший враг Махно [30]. После сокрушительного поражения петлюровцев под Екатеринославом (Днепропетровском), нанесенного им крестьянской армией Махно, власть Петлюры не распространялась на восток и юг дальше Киева, а вскоре и вовсе рассыпалась. Дальнейший ход гражданской войны на Украине определялся в основном противостоянием двух общерусских сил: белой армии Деникина и красной армии Троцкого.

Подводя итоги периоду гражданской войны на Украине, можно сделать два основных вывода: 1) националистические украинские силы оказались гораздо слабее общерусских украинских сил [31], а 2) победа красных на важнейшем фронте

гражданской войны, находившимся в основном на территории Украины, свидетельствует о том, что, как и русское крестьянство, украинское население было готово поддержать скорее революционных большевиков, обещавших землю, чем казавшиеся им реакционными белые войска; роль же националистических режимов была маргинальной и сводилась к распылению антибольшевистских украинских сил. Советская власть на Украине была установлена при активном участии украинцев (Дыбенко, Пархоменко и т.д.; да и тот же Махно дважды выступал союзником большевиков против Деникина и против Врангеля). При этом Директория Петлюры продержалась в Киеве лишь 40 дней, а гетман Скоропадский со своими националистическими лозунгами держался исключительно благодаря немецким штыкам. Таким образом, становление Советской власти на Украине не приходится считать делом рук исключительно “кацапов”.

В какой же мере Советская власть на Украине была “иностранный” по окончании гражданской войны? Следует заметить, что в 1920-х годах советский режим в соответствии со сталинским принципом “национальное по форме, социалистическое по содержанию” проводил политику “коренизации кадров” (т.е. местная бюрократия должна была быть национальной) и “украинизации”. Применительно к Украине, в начале 1920-х гг. Сталин говорил: “Нельзя идти против истории. Хотя русский элемент все еще доминирует в украинских городах, ясно, что со временем эти города неизбежно украинизируются” [32]. В соответствии с этой политикой, украинские комиссары Александр Шумский и Николай Скрипник в 1920-х годах проводили политику в области образования, мало чем отличавшуюся от политики гетманского министра просвещения Зеньковского, закрывавшего или украинизировавшего русскоязычные учебные заведения. Именно в 1920-е годы была проведена большая работа по созданию украинской лексики и терминологии, отличавшейся от русской; в публикуемые словари украинского языка брались заимствования из каких угодно языков (польского, немецкого, латинского), но только не из русского, дабы “защитить и очистить родную речь от “русизов”” [33]. Украинаизация дошла до того, что в некоторых регионах Восточной Украины, в частности Донбасса, местные газеты на русском языке впервые с начала 1920-х годов появились лишь во время.. гитлеровской оккупации [34]. А между тем, в те же 1920 годы в соседней с Украиной России против восставших

крестьян применяли артиллерию и авиацию, командарм Тухачевский делился на страницах военных журналов опытом организации концентрационных лагерей в повстанческих районах, люди ели друг друга в Поволжье, уничтожалась Русская Православная Церковь, русскую интеллигенцию расстреливали, ссылали в Соловки, а в лучшем случае высыпали за рубеж на особых пароходах. Но это нисколько не смущало вполне довольных советской политикой на Украине украинских националистов вроде проф. Грушевского, бывшего председателя Украинской Центральной Рады, который в 1920-х годах счел возможным вернуться в Киев и работать в Академии наук УССР, где он в тишине своего кабинета продолжал сочинять свою версию украинской истории.

Какое же моральное право имеют украинские националисты, морально и физически поддерживавшие большевиков в течение 1920-х годов и оказавшие им большую, хотя и косвенную, услугу в борьбе с белым движением, обвинять русский народ в установлении советского режима на Украине? Как и в годы гражданской войны, националистически настроенные социалисты и коммунисты в 1920-х годах отвлекали силы украинского народа от борьбы с опаснейшим врагом и русских, и украинцев - большевизмом. Кого винить в том, что Грушевский был ненадолго арестован в 1930 году, если самого Грушевского, незадолго до этого сотрудничавшего с Советской властью, не трогали репрессии против русской Церкви и интеллигенции, очевидцем которых он был в 1920-е годы? И как соотнести голод на Украине в начале 1930-х годов и голод в российском Поволжье середины 1920-х годов?"

Э. Панарин

Галицкая Русь в борьбе за веру и народность

Как уже отмечалось, важнейшим фактором умолчания украинской сепаратистской пропаганды является история карпато-русского национального возрождения и его подавления, а точнее - геноцида.

Галицкая Русь была насильственно отделена от русских земель в последней четверти XIV века, попав в польскую неволю. Феодальная раздробленность и внутренние противоречия привели к гибели древнерусского государства: обескровленные внутренней борьбой части Руси потеряли свою независимость и были оккупированы татарами, поляками и литовцами. Древнерусская столица Киев была низведена в польско-литовском государстве до уровня уездного города. Случившаяся трагедия постепенно привела к отрезвлению русского народа, вызвала потребность консолидации в духовном возрождении. И Галицкая Русь не только не отступила тогда от общерусского православного единства, но была в его авангарде. Именно коренной галичанин святитель Петр был идеологом объединения русских земель вокруг Москвы. Галицкая Русь - это родина знаменитых православных братств, ставших оплотом Православия и русской культуры в условиях латино-польской оккупации.

Особую роль в национально-освободительной борьбе русского народа сыграли православные братства Западной Руси. Православные братства - это корпоративные объединения православного духовенства и мирян. Потребность в теснейшем объединении была вызвана католическим геноцидом, попытками Ватикана и Речи Посполитой стереть с лица земли Православную Русь, а также разложением православной иерархии, полностью зависимой от польского правительства. Сама идея отдельной от Москвы Западно-Русской митрополии с целью постепенного его подчинения Ватикану была впервые выдвинута отступником от Православия Московским митрополитом Исидором, изгнанным из России и возведенным в Ватикане в кардинальское достоинство.

В XVI-XVII веках в католических кругах прорабатывается новая идея, призванная не допустить консолидации русского народа и усиления влияния Русской Православной Церкви, что было бы гибельным для с трудом сколоченной Брестской

унии и трещавшей по швам Речи Посполитой. Сами униаты признают, что проект создания “Киевского Патриархата” был изобретен Ватиканом. Под этим названием имеется в виду именно католический Патриархат восточного обряда (Рим создал свои униатские “патриархаты” в противовес Православным патриаршим кафедрам - Антиохийской и Иерусалимской и др.) (комм. 1).

В этих условиях Православные братства получают от константинопольских Патриархов права на “чрезвычайное управление Церковью”, на контроль за деятельностью шатающихся в вере архиереев, церковного суда и т.д.

Огромную роль сыграли братства в фактическом срыве Ватиканского плана Брестской унии - в католичество перешла только большая часть иерархии, но без духовенства и народа.

Очень интересна переписка между отступниками от Православия во главе с Киевским митрополитом Михаилом Рагозой и ревнителями Православия - Львовскими братствами, афонским иноком Иоанном Вишенским, Александрийским Патриархом Мелетием Пигасом. Отступники, прекрасно понимая, что у них нет богословских оправдательных документов своего предательства, обвиняют православных в “непослушании епископу” и т.д. Письма же Патриарха Мелетия, Иоанна Вишенского полны более чем резких выражений по отношению к вроотступникам, из которых волком в овечьих шкурах, “прелюбодеи” являются самыми мягкими. (Архив Юго-Западной России, Киев, 1859-1911; издано в 37 томах.)

Православные братства, монастыри (наиболее знаменитые на Западной Руси - Св. Почаевская Лавра и Манявский скит) стояли и на страже Православия, и на страже общерусского единства. Так, знаменитая Успенская Ставропигиальная Церковь во Львове построена на пожертвования русского царя Федора Иоановича.

А галичанин, иеродиакон Захария Копыстенский написал в 1622 г. знаменитый труд “Палинодия”, являющийся как антиуниатским богословским трактатом, так и фактически первым учебником русской истории. В “Палинодии” прославляется “мужество народа Российского”, северная часть которого покорила Казань и Астрахань, а другая часть “яфето-rossкого поколения, в Малой России, выходече, татары и места турецкие на море Чорном воюют” (В. Б. Завитневич “Полинодия” Захарии Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI и XVII вв.)

Невозможно также пройти мимо Иоанна Вишенского (1550 - 1623), афонского инока, ревнителя веры православной, достойного скорейшей канонизации. На Афоне Иоанн Вишенский велел заживо похоронить себя в пещере у Эгейского моря, откуда беспощадно порицал отступников: Михаила Рогозу, Ипатия Потея, епископа Брестского. Иоанн Вишенский написал множество ярких посланий, в которых прямо называет латинян не просто еретиками, слугами дьявола (в своей знаменитой “книжке”). Отступников от веры он беспощадно бичует в “Послании к митрополиту и епископам, принявшим унию”. Очень интересна и актуальна полемика Иоанна Вишенского с иезуитом Петром Скарой. Оба придают церковно-славянскому языку принципиальное значение. Для Иоанна Вишенского церковно-славянский язык богодуховен, “его же дьявол ненавидит”, Скарь же в своей борьбе с Православием дискриминацию и уничтожение церковно-славянского языка рассматривает как одну из важнейших задач.

Из всех произведений, несомненно, написанных Иоанном Вишенским, до нас дошло 17: “Книжка” (“термин о лжи”), сборник о десяти главах с вступлением и двумя предисловиями, послания львовскому братству, Домнику, Иову Княгининскому, Михаилу Вишневецкому, знаменитая “Зачапка мудрого латынника трем глупым русинам” полемика со Скарой, вышеупомянутый “Краткословный ответ Петру Скарge”, “Позорище мысленное”.

“Книжка” была составлена Иоанном Вишенским в 1599-1600 гг. Специально для “Книжки” были написаны И.Вишенским главы: первая - “Обличение дьявола миродержца”, седьмая - “О еретиках”, написанная в дополнение к главе шестой - “Извещению краткому о латинской прелести”, восьмая и девятая - “Загадка философам латинским” и “Спор краткий”, глава десятая - повесть “О обретении тела Валаама, архиепископа Охридского града”, крайне интересны глава вторая - “Послание благочестивому государю Василию, княжати Острожскому” первым православным христианам Малой России (1598-1599 гг.), и пятая - “Писание к утекшим от православной веры епископам”.

Отступникам Рагозе, Поцею и Терлецкому Иоанн Вишенский писал: “Спросил бы я вас - что такое труда очищение? Но вам и не снилось об этом: не только вы этого не знаете, но и ваши папы - Иисуса ругатели - так называемые иезуиты о том не пекутся и дать ответ не могут...

Постучись в лысую голову, бискуп Луцкий! Сколько ты во время своего сacerdozия человеческих душ к Богу послал? Его милость Коштелян Поцей, хотя и Коштеляном был, но только по четыре слуги за собою волочил, а теперь, когда бискуп стал, то больше десяти сочтешь; так же и его Милость Митрополит, когда простого рогозиного был, то не знаю, мог ли держать двух слуг, а теперь больше десяти держит” В послании к князю Острожскому Иоанн Вишенский пишет: “Латинская злаковарная душа, ослепленная и напыщенная поганским тщеславием и гордыми догмами, Божьи премудрости, разума духовного, смирения, простоты и беззлобия вместить никак не может. Охраняйте, православные, детей своих от этой отравы; теперь вы явно пострадали, когда на латинскую и мирскую мудрость разлакались, вы не в папу крестились и не в королевскую власть, чтобы вам король давал волков и злодеев, ибо лучше самим без владык и попов, от дьявола поставленных, чем с владыками и попами, не от Бога званными, церквой быть, ей ругаться и Православие попирать” (Церковь, Русь и Рим. Н.Воейков, Джорданвиль, 1983).

Другим важнейшим документом борьбы с латино-униатами является “Перестрога”, написанная неизвестным автором. В ней пламенный защитник православной церкви говорит об упадке галицко-русского княжества, об уничтожении русских книг фанатиками-доминиканцами, об отсутствии просвещения на Галицкой Руси и о произволе разнузданной шляхты над русским народом.

Очень важным является тот факт, что общерусский литературный язык кодифицирован, в основном, во Львове и в Киеве, что именно он всегда был книжным, литературным языком Львова, Вильны, Киева, Москвы, Ярославля, словом, всей Руси. Первая “церковно-славянская грамматика добrogлаголивого эллино-славянского языка совершенного искусства осьми частей слова ко наказанию многоименитому Российскому роду” выпущена Львовским братством в 1591 г.

Выпускник Львовской православной братской школы, учений монах, обладавший энциклопедическим образованием, Памва (Павел) Берында (ск. в 1632 г.) “Протосингел от Иерусалимского Патриаршего престола и архитипограф Российской Церкви” является автором первого русского словаря - “Лексикон славенорусский или слов толкование”. А гражданский шрифт, разработанный Львовским братством на рубеже XVI-XVII вв. был введен Петром как гражданский алфавит для всей России.

О великом русском святом Иове, игумене Почаевском (1550-1651), написано довольно много.

Стоит также отметить, что галичанами были Киевский митрополит Иов Борецкий, ревностный защитник Православия, человек, который в 1624 г. впервые четко поставил вопрос о воссоединении разделенного русского народа, и патриарший местоблюститель Русской Православной Церкви митрополит Стефан Яворский (1652-1722).

Стоит коснуться и вопроса о месте и роли общерусского литературного языка, как ныне он насильственно изгоняется из своей исторической родины, Юго-Западной Руси.

Какова же была языковая ситуация в середине XVII в Юго-Западной Руси? Она обрисована в грамматике Иоанна Ужевича (1643 г.), В ней описывается “*Lingua sacua*”, или “словенороссийский язык” (так назывался церковно-славянский) - высокий книжный язык, язык богослужения и богословия, *lingua slavonica*, или “проста мова” - гражданский, светский, литературный и деловой русский язык, и *lingua popularis* - диалектная речь. (Б.А. Успенский “Краткий очерк истории русского литературного языка (ХI-XIX в.в.)” М., 1994).

В Киеве в 1627 г. “протосингел от Иерусалимского патриаршего престола и архитипограф Российской церкви” ученый монах, подлинный энциклопедист того времени Памва Берында издает толковый словарь “Лексикон словенороссийский или слов объяснение”. В нем “русская” речь (в послесловии к Киевской Постной Триоди 1627 г. Берында называет “проста мову” “российской беседой общей”), противопоставляется народным диалектам - “волынской” и “литовской” мове. Кодификация “словенороссийского” языка была произведена в основном в Киеве, Львове и Вильне. “Грамматика” - Мелетия Смотрицкого стала учебником церковнославянского языка для всей Русской Церкви буквально на века. “Проста мова” стала основой общерусского литературного языка: “...Действительно, “проста мова” не оказала почти никакого влияния на современный украинский и белорусский литературные языки... Однако на историю русского литературного языка “проста мова” как компонент юго-западно-русской языковой ситуации оказала весьма существенное влияние. Достаточно указать, что если сегодня мы говорим об антитезе “русского” и “церковно-славянского” языков, то мы следуем именно юго-западно-русской, а не великорусской традиции.... Это связано с тем, что условно называется иногда “трех-

тым юго-славянским влиянием”, т.е. влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси на великорусскую книжную традицию в XVII в.: во второй половине XVII века это влияние приобретает характер массовой экспансии юго-западно-русской культуры на великорусскую территорию” (Б.А. Успенский “Краткий очерк русского литературного языка (XI-XIX в.в.) М., 1994).

“Говорят, что Петр Великий гражданскую печать выдумал, а, оказывается, он, просто-напросто, заимствовал ее у галичан и прочих малорусов, которые употребляли ее еще в XVI в. Заголовки многих грамот и статутов, виденные мною в Ставропигии, начерчены чисто нашими гражданскими буквами, а текст, писанный в XVI в. - очевидный прототип нашей скорописи и наших прописей елизаветинских и екатерининских времен.” (“Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева,” С-Петербург., 1868).

Что касается диалектов - “волынской”, “литовской” и многих других “мов”, то о “целесообразности” создания на их основе местных литературных языков лучше всего сказал замечательный галицко-русский историк Денис Зубрицкий в своем письме к М.А. Максимовичу: “ ...Ваши мне сообщенные основательные и со систематической точностью изданные сочинения - откуда идет русская земля, и исследования о русском языке (комм. 2) читал я с величайшим любопытством и вниманием. Вы опровергли сильным словом мечтательные утверждения писателей и выдумки как о происхождении народа, так и о русском языке, которые мне всегда не нравились... Что касается до наречий русского языка, то их бесчетное число, внимательный наблюдатель, странствуя по русской земле, найдет почти в каждом округе, хотя и не приметное различие в произношении, изречении, прозодии, даже в употреблении слов, и весьма естественно. По исчислению г-на Шмидель Litterarischer Anreiger 1882 г. есть 114 наречий немецких столь одно от другого расстоящих, что немец друг друга не разумеет, но язык есть всегда немецкий, и невзирая на сие, ученые немцы в Риге, Берлине, Вене и даже в Страсбурге употребляют в книгах и общежитии лучших обществ одно словесное наречие. Я бы желал, чтобы и русские тем примером пользовались...” (Путями истории, Т.2. изд. Карпато-русского литературного общества, Нью-Йорк, 1977),

Что же касается создания литературы на “киево-полтавской мове”, то здесь уместно процитировать Н. Костомарова: “Пока польское восстание не встревожило умов и сердец на Руси... са-

мое стремление к развитию малороссийского языка и литературы не только никого не пугало признаками разложения государства, но и самими великороссами принималось с братской любовью.” (Н. Ульянов, “Происхождение украинского сепаратизма”, М., 1996).

Национальное самосознание Киевской и Галицкой Руси XVI - XVII вв.

Какому же народу и к какой стране жители Киева и Львова причисляли себя? Ответ находим у знаменитого южно-русского филолога и историка Михаила Александровича Максимовича, предком которого являлся св. Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, просветитель Сибири, а потомком - св. Иоанна (Максимовича), архиепископ Сан-Францисский, великий святитель и чудотворец XX века. В 1843 г. Михаил Максимович написал свою знаменитую работу “Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси”, которую уместно процитировать: “Не очень давно было толкование о том, будто Киевская и вся западная Русь не называлась Россией до ее присоединения к Руси восточной: будто и название Малой России или Малороссии придано Киевской Руси по соединении ее с Русью Великой или Московской. Чтобы уничтожить на всегда этот несправедливый и нерусский толк, надо обратить его в исторический вопрос: когда в Киеве и в других западно-русских областях своенародные имена Русь, Русский начали заменять по греческому произношению их, именами Россия, Российский?

Ответ: с 90-х годов XVI века... Основанием такого ответа служат тоговременные акты письменные и книги, печатные в разных областях Русских... Приведу свидетельства тех и других.

Вот первая книга, напечатанная в Киеве, в типографии Печерской Лавры - Часослов, 1617 года. В предисловии к ней иеродиакона Захария Копытенского сказано: “Се правоверный христиане и всяк благоверный читателю, от нарочитых мест в России Кийовских, сиречь Лавры Печерских...”

Основательница Киевского Богоявленского братства Анна Гулевична Лозына, в своей записи о том 1615 г. говорит, что

она учреждает его - “правоверным и благочестивым христианам народу Российского, в поветах воеводств Киевского, Волынского и Брацлавского будучим...”

Окружная грамота 1629 года, напечатанная в Киеве, начинается так: “Иов (Борецкий) милостию Божией архиепископ Киевский и Галицкий в Всея России...”

Но довольно о Киеве, обратимся к земле Галицкой.

Там Львовское братство в своей типографии прежде всего издало Грамматику, 1591 года, в наставление “многоименистому Российскому роду...”

Того же 1592 года Львовское братство обращалось в Москву к царю Федору Иоановичу с просительными посланиями, в которых именуют его “светлым царем Российским”, вспоминают “Князя Владимира, крестившего весь Российский род” и т.п.

В земле Волынской находим то же.

В числе книг, напечатанных в Остроге, известна книга Василия Великого “О постничестве”, изданная в 1594 г. В ее предисловии встречается такое выражение: “...вы же, преславный Российский народе!...”

Такое же употребление имени Россия, Российский было тогда и на Северо-Западе русском.

В столичном городе Литовского княжества, Вильне, где была долго и резиденция митрополитов Киевских, Михаил Рагоза первый из них стал писать в своем титуле “всех Руси” или “всех России”, как это видно из подлинных актов 1590-1599 годов. Так продолжал писать и его преемник, униатский митрополит Ипатий Потей, в 1600-1608 годах. А прежние митрополиты Киевские, бывшие до Михаила Рагозы, писали: и “всех Руси” или “всех России”. Так писали в своем титуле и Московские митрополиты, бывшие до утверждения патриаршества в Москве. Первый патриарх Московский Иов писал уже: “и всех России” (в 1586-1589 годах)...

Но возвратимся к Киеву, по возобновлении здесь православной митрополии в 1620 году, митрополиты Иов Борецкий, Исаия Копинский, Петр Могила продолжали писать в титуле “всех России”. (Киевские епархиальные ведомости - 1868, № 1).

Какое же было подлинное отношение киевлян, волынян и львовян той эпохи к северной Московской Руси?

Следует отметить, что идеология национально-политического единства Южной и Северной России была выработана в большей степени именно в Киеве. Венцом ее стал знаменитый

Киевский “Синопсис”, написанный в последней четверти XVII века, предположительно, Киево-Печерским архимандритом Иннокентием Гизелем. Эта книга переиздавалась в России около 30 раз и стала первым учебным пособием по русской истории. Согласно “Синопсису” “русский”, “российский”, “славянороссийский” народ - един. Он происходит от Иафетова сына Мосоха (имя последнего сохраняется в имени Москвы), и он “племени его” весь целиком. “Преславный верховный и всего народа российского главный град Киев” возник “по благословению и пророчеству изрядного заступника Российского, святого Андрея Первозванного”. О Владимире Святом сказано так : “Этот великий самодержец Российский... и Киевский и всея Российской земли народ святым крещением просветил”. Именно “Синопсис” утверждает главенство Суздальско-Владимирских князей после разорения Киева татарами. Куликовской битве отдано более четверти общего числа страниц “Синопсиса”. Для автора борьба Дмитрия Донского с Мамаем - общерусское дело, а не местное (Северо-Восточной Руси), после которой Москва законно становится Российским центром. А что касается Киева, то “богоспасаемый... и первоначальный всея России царственный град Киев... паки на первое бытие возвращается, от древнего достояния царского паки в достояние царское приде - великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержце... искони вечную скипетроносных его прародителей его отчину, царственный той град Киев... яко природное царское его присвоение возврати...”

Таким образом, по “Синопсису”, Россия - едина. Ее начальный центр - царственный град Киев. Москва - его законная и прямая наследница в значении общего “православно-российского” государственного центра. Весь русский народ един и временное отделение его части от России в другие государства (Польшу и Литву) “милостью Божией” завершается воссоединением в единое “государство Российское” (И. И. Лаппо. Идея единства России в Юго-Западной Руси. Прага, 1929 г.).

В результате воссоединения 1654 г., а также исторически абсолютно логичного и неизбежного, канонически безупречно-го присоединения Киевской митрополии к Московскому Патриархату в 1686 г., уроженцы Киева и Львова сделались хозяевами положения на научном, литературном и церковном поприще России. Большинство епископов Русской Православной

Церкви, предавших анафеме в 1709 г. гетмана Мазепу - малороссы, в том числе, коренной запорожский казак архиепископ Дмитрий (Туптало), написавший “Слово о Полтавской победе”, где сравнивает Мазепу с Иудой.

Наиболее выдающиеся русские иерархи из малороссов рубежа XVII-XVIII веков - патриарший местоблюститель галичанин Стефан (Яворский); знаменитый богослов, тверской архиепископ Феофилакт (Лопатинский), легендарный просветитель Сибири архиепископ Иоанн (Максимович) - предок историка Максимовича, вышеупомянутый святитель Дмитрий. До специального указа Елизаветы Петровны от 17 апреля 1754 года о постановлении епископов из великороссиян только малороссияне занимали епископские кафедры в РПЦ. Тогда же в соответствие с “Духовным регламентом” Петра Первого (1721 г.) при каждом архиерейском доме стали создаваться духовные школы, и учителями там были исключительно украинцы, вводившие в них педагогическую систему Киево-Могилевской академии, что кстати, и предопределило такое явление, как “латино-немецкое” плениение русского богословия. Множество малороссиян пребывало на дипломатической и высшей государственной службе как в самой России, так и ее зарубежных представительствах.

Воссоединение России. Апологеты и противники

В 1666 году Ватикано-польская дипломатия совершает беспрецедентный успех и наносит мощный удар по Русской Православной Церкви и России - благодаря высокопрофессиональной интриге тайного католика - митрополита Газского Паисия Лигариды, сумевшего прорваться к высшим рычагам управления Русской Православной Церковью: С патриаршего престола свергается Патриарх Никон, бывший одним из главных идеологов воссоединения Западной и Восточной России. Именно благодаря энергии Патриарха Никона Земский собор 1651-1653 гг., принимает решение объявить войну Польше. В 1654 году - Переяславская рада, после которой объединенное московско-запорожское войско освобождает Западную Русь. Царь Алексей Михайлович принимает титул “Великого князя Литовского”. Казалось бы латино-польской оккупации пришел конец, однако именно смута, затеянная Лигаридом, буквально

дестабилизировала Россию, расколов Русскую Православную Церковь.

Митрополит Макарий (Булгаков) в своей “Истории Русской Церкви” прямо утверждает, что если бы Никон остался Патриархом, то раскола бы не произошло. Задачей Лигарида была максимально рассорить примирившиеся было стороны и прорыть максимально широкий ров между Патриархом и Царем.

Показательно, что поклонник и слуга “непогрешимого” папы, т.е. “папоцезарист” Лигарид пропагандировал Алексею Михайловичу “цезарепапистские” теории о превосходстве Царства над священством (Н. Воейков. “Церковь. Русь и Рим” Джорданвилль. 1983). Важнейшей задачей Ватикана, Польши и их агентуры во главе с Лигаридом было сорвать воссоединение Запада и Востока Руси.

Латино-польский геноцид

На землях, отошедших Польше, начался геноцид, и земли Западной Руси стали усиленно колонизироваться поляками.

В течение 30-40 лет происходит почти полное уничтожение Православия - сначала Православные братства лишаются прав и привилегий, затем в Православную епархию вводятся тайные католики. Поучительна история Львовского митрополита Иосифа (Шумянского). Этот деятель принял унию в 1681 году и держал это в тайне в течение 19 лет! За это время он произвел “кадровую революцию” - поставив тайных униатов на все ключевые посты, прикидываясь, когда нужно, “сверхправославным”, и только в 1700 году открыто заявил о своем униатстве. Расставленное им духовенство, естественно, пошло за ним, а народ церковный остался без пастырей и иерархии. Единственная православная иерархия сохранилась в Белоруссии, некоторое время держалось Львовское братство и Манявский скит, но скоро были сломлены и они. Темная ночь опустилась над Галицкой Русью, однако православное русское самосознание не угасло.

Спасительной ниточкой оказался именно церковно-славянский язык, богослужение на котором удалось отстоять униатам. Дело в том, что те, которые приняли унию из страха, пытались в рамках своей “новой конфессии” отстоять остатки православного богослужения. Однако следующий этап, латинизация, проводился Ватиканом безотлагательно. Так, после

Замойского Собора 1720 года в униатских храмах распространяются латинские культы “Божьего Тела”, “Сердца Иисусова”, “Сердце Марии”, католические праздники, облачения духовенства (И. Федорович, к 35-летию Львовского Собора 1946 г., ЖМП, 1981 № 4).

Как писал “патриарх” галицко-русского национального возрождения Адольф Добрянский, на рубеже XVIII-XIX вв. русский язык втайне преподавался из поколения в поколение в нескольких аристократических семьях Галичины и Подкарпатской Руси (в том числе и в семье Добрянских) - все остальное - ополячено и онемечено, для народа осталась одна ниточка - церковно-славянский язык. Именно благодаря его сохранению стало возможно галицко - и карпато-русское национальное возрождение и воскрешение Православной веры на этих русских землях.

Русское национальное возрождение Галицкой и Угорской Руси в XIX веке

В 1722 году произошел раздел Польши. Червонную (Галицкую) Русь захватила Австрия. Российская императрица Екатерина II потом клялась и признавала свою ошибку - сдачу Галицкой Руси Австро-Венгрии. В продолжении своего 146-летнего владычества она не обеспечила за русинами их автономии, ни высшей школы, ни гражданских прав. Вся власть находилась в руках польской шляхты. В 1848 г. занялась заря возрождения Галицкой Руси. Движение русских войск, пришедших на помощь Австрии против венгерского восстания 1848 г, через Карпаты всколыхнуло народные массы, увидевшие, что “москали” - это один и тот же с ними народ. Этот прорыв “железного занавеса” с Россией был мощнейшим толчком галицко-русского национального возрождения, породившим целую плеяду великих историков и просветителей, начавших Православное возрождение этой земли

Отметим наиболее выдающихся из них - Денис Иванович Зубрицкий (1777-1862), потомок галицко-русского дворянства. Был первым сознательным этнографом и историком Галицкой Руси. Его исторические труды имеют непреходящую ценность, ибо содержащиеся в них акты и документы раскрывают рус-

скую, православную историю Галичины и служат убедительным аргументом против униатско-самостийной мифологии:

1. *Повесть временных лет Червонной Руси, 1850.*
2. *Летопись Львовского Ставропигийского братства. Москва. 1850.*
3. *Начало унии. Москва, 1850.*
4. *История галичско-русского княжества, с родословной картиной русских князей, галицких в особенности. Львов. 1852-1-855.*
5. *Галицкая Русь в XVII столетии. Москва, 1862 г.*

“Русская троица” (1834-1837). Три студента богословского факультета Львовского университета, Маркиан Семенович Шашкевич, Иван Николаевич Вагилевич и Яков Федорович Головацкий, назвав себя “русской троицей”, впервые в Галичине в открытую заявили: “как на небе Бог в Троице един, так на земле Русь триединая: Великая, Малая и Белая Русь - русская земля”.

Эта мысль удивительно пересекается со словами преподобного Сергия Радонежского: “Дабы воззрением на Святую Троицу преодолевать ненавистную рознь мира сего.”

Маркиан Шашкевич (1811-1843) вошел в историю как талантливый поэт, Иван Вагилевич (1811-1866) - к сожалению, перешел в польский лагерь, а Яков Федорович Головацкий (1814-1888) стал одним из первых энциклопедистов-просветителей Галицкой Руси, он проявил сильный характер и выдержанку в борьбе с латино-польским началием в крае.

За свои взгляды Головацкий был лишен кафедры во Львовском университете. Никакие преследования не заставили его согнуться перед человеком, которого называли «деспотом Галичины» - наместником и активным деятелем польского лагеря графом Анжеем Голуховским. Головацкого изгоняют из Галиции, он переселяется в Россию и будучи униатским священником принимает Св. Православие. Перечислим крупнейшие произведения Головацкого: “Три вступительные преподавания о русской словесности” (1849 г.), “Начало и действование Львовского ставропигийского братства” (1860), “Памятники дипломатического и судебно-делового языка в Галицко-Волынском княжестве” (1868), “К истории Галицко-русской письменности” (1883), “О памятниках русской старины в Галичине и Буковине” (1871), “Этнографическая карта русского народонаселения в Галичине, Угрии и Буковине” (1876), “Народные песни Галицкой и Угорской Руси” (1878) и многие другие.

Антоний Степанович Петрушевич (1821-1913) крупнейший Галицко-русский историк, этнограф, филолог, член русского Археологического общества в Москве, доктор Киевского университета Св. Владимира, член многих научных обществ в России. Автор фундаментальных, требующих скорейшего переиздания трудов: “Русь и Польша” (1849), “Львовская летопись” (1867), “Акты Ставропигийского братства” (1879) и шеститомник “Сводная галицко-русская летопись” (1874-1897).

Невозможно пройти мимо крупнейшей фигуры не только Галицкой Руси, но и всей России, заслужившего звание зачинателя Православного возрождения, исповедника и просветителя Иоанна Григорьевича Наумовича (1826-1891).

Сын учителя начального училища, Иван Наумович родился 26 января 1826 года в Козлове Каменно-Бугского уезда. Окончив Львовский университет, сначала проникся идеями полонофильства и даже пытался завлекать русскую крестьянскую молодежь в польский легион. Однако эти крестьяне раз и навсегда выбили из головы Наумовича польские идеи: - “Кажется, вы русская детина. Вам приличнее держаться с родным народом, чем служить его врагам”, - заявили односельчане .

И всю свою жизнь Наумович посвятил своему народу. Иван Наумович - один из талантливых и плодовитых галицко-русских писателей. Как выражитель идейных стремлений галицко-русского народа, он видел его спасение от гибели и польской неволи - в единстве со всем русским этносом. В 1866 г. И.Наумович заявил в Сейме: “Панове, вам не уничтожить Руси, она была, есть и будет! Все ее племена составляют один могучий русский народ, сходство нашего языка с языком остальной Руси не уничтожит никто на свете: ни законы, ни сеймы, ни министры”. Тогда же Наумович основывает многочисленные клубы трезвости, так как сознательное спаивание галицко-русского народа стало мощным экономическим рычагом земельных отношений в крае. Винная монополия находилась в руках у иудеев, они же, в основном, содержали сельские корчмы и скупали наделы спившихся крестьян. Это привело к тому, что в начале XX века на Буковине практически не осталось русских землевладельцев.

Наумович создает также просветительское общество им. М. Качковского, которое открыло более одной тысячи читален, библиотек и кооперативов. Девизом общества было: “Наука”, в задание которого входило распространение в народе правдивых знаний о русской Церкви, литературе, культуре, государств-

до некоторой степени оба центра выровнялись в заслугах о великую русскую литературу и Великую Россию". Венелин по протекции Михаила Погодина переселяется в Москву и становится учителем в семье Аксаковых. Именно он воспитал братьев Аксаковых славянофилами. Таким образом, идеология русского православного славянофильства зародилась в подъяремной Подкарпатской Руси и оттуда была перенесена в Москву.

Крупнейшим карпато-русским деятелем был Адольф Иванович Добрянский-Сачуров (1817-1901) - политический лидер угро-руссов, писатель и историк. Он составил "Проект политической программы для Руси Австрийской" (1871). Был респондентом К.П. Победоносцева, Каткова и других русских мыслителей и писателей.

В предисловии к "политической программе" Добрянский четко пишет, что "русский народ, живущий в Австрии, является только частью одного и того же народа русского-мало-белого и великорусского, - имеет одну с ним историю, одни предания, одну литературу и один обычай народный". В "Программе" Добрянский еще в 1871 году предупреждал о неизбежности войны России с воссоединившейся Германией, и справедливо указывал, что только сильная единая неделимая Россия в союзе с православно-славянским блоком способна противостоять германизму. Добрянский в своей работе "О западных границах Подкарпатской Руси, со времен Св. Владимира" (1880) указал на западные этнографические границы русского народа. Следует отметить, что в 1882 году вместе с Иоанном Наумовичем за веру Православную была судима дочь Добрянского - Ольга Грабарь (фамилия по мужу) и он сам был на скамье подсудимых, однако, был оправдан. Далее Добрянский в ответ на иезуитско-австрийские попытки раскола русского народа, проявлявшиеся в запрете Православия и русского языка, в переименовании русских в "рутенов", пишет работу "Наименование австро-угорских русских" (1885 г.). Эта работа является уникальным памятником русского национального самосознания, в которой поставлены все точки над i в вопросе об имени нашего народа, разбиваются «мазепинские» сепаратистские теории, вновь доказывается национально-культурное единство всех ветвей русского мира. А.И. Добрянский был замечательный богослов. Живя на православно-католическом пограничье (формально оставаясь в лоне униатства), он полемизировал с Толстым, написав по просьбе Российского Синода труд "Календар-

ный вопрос в России и Западе” (1894), показав несостоятельность доводов сторонников “нового стиля”. Общую характеристику взглядов Добрянского приводит его друг и зять проф. А.С. Будилович: [39] “Добрянский был горячим поборником сохранения языка церковно-славянского в богослужении славян, а отчасти и в духовной их литературе, по историческому его значению и по близости к этимологическим основам славянской речи.

В постепенном же распространении между латинствующими греко-славянами Кирилловской графики он видел одно из важнейших условий их сближения с письменностью славян православных, а вместе как бы внешний барьер против слияния с народами Запада, аналогичный юлианскому стилю в счислении времени (Добрянский предлагал православное контрнаступление на Запад, которое должно предваряться русской культурной экспансией, основой которой является церковно-славянский язык. К.Ф.)

По этим же причинам с крайним скептицизмом относился Добрянский к старым и новым попыткам испортить традиционную Кирилловскую орфографию, усматривая в этом козни врагов Православия и славянства - иезуитов и польской шляхты, проявившиеся при насильственном введении в галицкие школы чтения и письма по запутанной и невежественной фонетической системе.

Добрянский был непримиримым врагом язычного раскола в среде ветвей русского народа. Возникновение и распространение у малороссов и червонороссов особого образованного языка, как бы плеонастического дублета для языка Пушкина и Гоголя, он считал предательской изменой вековым преданиям русского народа и кровным интересам как самого этого народа, так и всего греко-славянского мира. Добрянский считал, что южно-русский литературный сепаратизм мог бы стать причиной гибели некоторых окраинных ветвей славянизма, ослабил бы его русский центр и, следовательно, стал бы авангардом германизма в борьбе с грекославянским миром”.

*(Полностью цитата приводится в книге Ф. Ф. Аристова
“Карпато-русские писатели”, Москва 1916)*

Очевидным исходом национально-религиозной борьбы Добрянский видел конечное присоединение галицких и подкарпатских русинов, а затем и большинства славянских народов к Православной Церкви.

Возрождение Православной веры

Работа великих галицко и карпато-русских просветителей подготовила и массовое возвращение карпато-россов к Православию. На Подкарпатской Руси движение началось в селе Изя, где служил Иван Раковский - угро-русский писатель, русский патриот. Сам оставшись униатом, он воспитал свой приход в Православной вере. В 1903 г. село Изя целиком перешло в Православие, затем стали переходить тысячи людей, одно село за другим. В Закарпатье духовным лидером православных русских сел стал иеромонах Алексей (Кабалюк), на Галицкой Руси - священномученик Максим Сандович. По сведениям львовского униатского журнала "Нива", к 1914 г. во Львовской епархии около 400 священников были предрасположены к переходу в Православие. Еще до 1914 г. православное движение охватило соседние с Россией уезды, смежные с Буковиной: Косовский, Степнятинский и почти все уезды Лемковщины. Например, Сокальский уезд. В нем перешли Степнятин, Светаров, Городиловичи, Завишня, Боратин, Теляж, Доброчин, Конотопы, Кунява. В Жолковском уезде Смеряков, Туринка, Честыни... В некоторых селах Зборовского уезда православных священников на руках носили из храма в приходской дом. Ватикан и Австро-Венгрия были, мягко говоря, недовольны. И решили принять меры.

Ромофильский вектор в «мазепинской» идеологии

Католические круги создали в австрийской подъяремной Руси базу для "самостийного украинства", претенциозно именуемую его апологетами "украинским пьемонтом". Вот что писали карпато-русские эмигранты в США, специально выпустившие уникальный двухтомник «Путями истории» (Нью-Йорк, 1977, издание Карпато-русского литературного общества), посвященный данному вопросу : «Антирусская сепаратистская пропаганда началась в Галичине в 60-х годах XIX в. Во Львовском университете сыновьями польских помещиков, бежавших из России после неудачного для них польского восстания. Пропаганда этого успеха не имела. Даже самостийные пропагандисты избегали слова "Украина", "украинец", упо-

требляя слова “русин” и “русский”, коверкая последнее, прописывая его с одним “с”, то “русский”, будто это что-то меняет.

Но только в начале 1880-х годов при папе Льве XIII начинаются предприниматься серьезные усилия для создания в Галичине “украинского Пьемонта”, используя известные наработки польских иезуитов первой половины XIX века. Например, ксендза Калинки (автора “крылатой” фразы: “...Иную душу нужно влить в русина - вот главная задача для нас, поляков... Та душа будет с Запада. Пускай русин соединяется своей душой с Западом, формою - с Востоком... Тогда, быть может, возвратится Русь к братству с Польшей. А если бы и не сбылось, то лучше Малая Русь самостоятельная, нежели Русь Российская. Если Гриць не может быть моим, то да не будет он ни моим, ни твоим” К.Ф.). Сперва “украинизации” подверглось униатское духовенство, склонявшееся к Православию и бывшее кадрами для галицко-русской интеллигенции. Это духовенство считало себя русским и воспитывало свою паству в русском духе.

Воспитание новой антирусской генерации униатского духовенства было решено провести через посредство польских иезуитов. 12 мая 1882 года папа Лев XIII опубликовал “Апостольское послание”, которым он изъял галицкие василианские монастыри из-под власти львовского митрополита. Было сказано, что в их полном распоряжении будут не только монастыри, но и все их имущество, что исключается какое-либо вмешательство Львовского митрополита в монастырские дела и что только иезуиты будут отчитываться лично папе. При этом в своем послании папа сказал следующие слова: “Мы ничего так не желаем, как того, чтобы послушники изучали самого святого Иосафата и ему подражали.” Речь идет об известном идеологе и “практике” геноцида православных на Западной Руси полоцком униатском архиепископе Иосафате Кунцевиче. И паписты начали “подражать”. (В 1887 году папа Пий IX, объявивший себя непогрешимым, провозгласил изверга Иосафата Кунцевича святым). Кардинал Мечислав Ледоховский, состоявший при папе, был произведен им в префекты Конгрегации Пропаганды. Он, очевидно, руководил деятельностью польских иезуитов, касающейся галицких василианских монастырей. Он умер в 1902 году, но его заменил его племянник Владимир Ледоховский, который был избран Черным Папой - так в римокатолических изданиях называют главу ордена иезуитов.

Начиная с 1880 годов, непосредственно в управлении польскими монастырями участвовал польский граф Шептицкий, воспитанник Krakowskikh иезуитов, который впоследствии сделался митрополитом Галицким. Он же и возглавил “украинское” движение.

“Черный Папа” Владимир Ледоховский умер в 1946 году, а Шептицкий - в 1945 году. Непосредственным надзирателем за василинскими монастырями был младший брат Шептицкого, возглавлявший основанный митрополитом Андреем Шептицким студитский отдел Василианских монастырей. За это время, то есть в течение 60 лет, два брата Ледоховских и два брата Шептицких воспитали несколько генераций нового униатского духовенства в сепаратистском, русофобском духе. Как же происходило насаждение “украинства” на Галицкой и Карпатской Руси? Шептицкий пригласил из России Михаила Грушевского, который пишет, за очень большие деньги, свою версию южно-русской истории».

По сути, эта версия сводится к теории преподавателя Уманского Василианского лицея Франциска Духинского о, якобы, неславянском, финно-угорском происхождении великороссов. Грушевский «целится» и в другую аксиому русской исторической науки, пытаясь развенчать очевидную национально-культурную и государственную преемственность Владимира-Сузальской, а затем - Московской Руси, от древнерусского Киевского государства. Создается “Украинская народно-демократическая партия”, костяк которой составляет поставленное Шептицким униатское духовенство, “Научное товарищество им. Т. Шевченко”, газеты “Діло”, “Руслан”*. Все это полностью финансируется Австрией. В 1890 году “австро-украинцы” заключают пакт с австрийскими властями, называемый в “мазепинской” пропаганде “Великим переломом”. Суть его в следующем:

- 1. Верность Ватикану**
- 2. Верность Австрии**
- 3. Союз с поляками**

* “Путями истории”, т. 2. Издание Карпато-русского литературного общества, Нью-Йорк, 1977 г.

Главный идеолог «австро-украинства» греко-католический митрополит Андрей Шептицкий определяет суть этого духовного, идейного и национального переворота: «Украинцы - лишь орудие Божественного промысла, призванные вырвать Христианский Восток из клещей ереси (т. е. Православия, К. Ф.), водворить его в лоно Апостольского престола (Ватикана, К.Ф.) и европейского сообщества».

Тогда же В.Барвинский, один из лидеров “мазепинцев”, заявил: “Нам не нужно никакой полиции, мы сами будем жандармами”. Речь шла об “охоте” на православных и русофилов.

Галицкая Голгофа

Процесс Ольги Грабарь был “первой ласточкой”. В 1897 году галицкий наместник граф Бадени залил кровью всю Галицкую Русь во время выборов в галицкий парламент: десятки крестьян были убиты, сотни были тяжело ранены, а тысячи заключены в тюрьмы. В 1907 году в городе Горуцке Дрогобычского уезда австрийские жандармы застрелили в день выборов пять крестьян. Затем происходит череда политических процессов - “дело Семена Бендасюка и о. Максима (Сандовича)”, первый и второй Мармарош - Сигетские процессы над карпато-русскими крестьянами села Изя, перешедшими в Православие с их священником О. Алексием (Кабалюком), “дело братьев Геровских” на Буковине - (Георгий Геровский - известный учёный, карпато-русский филолог, Алексей - карпато-русский политический лидер, исповедник Православия).

Но это было только начало. Далее приведем отрывки из работы известного галицко-русского историка И. И. Тероха “Украинизация Галичины” (“Свободное слово Карпатской Руси”, 1960, № 9-10):

“Весь трагизм галицких “украинцев” состоит в том, что они хотят присоединить “Великую Украину”, 35 млн, к маленькой “Западной Украине” (так они стали называть после первой мировой войны Галичину) - 4 млн, то есть, выражаясь образно, хотят пришить кожух гудзику (пуговице), а не гудзик к кожуху. Да и эти 4 млн галичан нужно разделить надвое. Более или менее половина из них, то есть те, которых полякам и немцам не удалось перевести в украинство, считают себя издревле рус-

скими, не украинцами, и к этому термину как чужому и навязанному насилию они относятся с омерзением. Они всегда стремились к объединению не с “Украиной”, а с Россией как с Русью, с которой они жили одной государственностью и культурой. От насилия внедряемой немцами, поляками и Ватиканом “украинизации” нужно отнять порядочный миллион несознательных и малосознательных “украинцев”, не фанатиков, которые, если им скажут, будут называть себя опять русскими или русинами. Остается всего около полмиллиона “захваченных” галичан, которые стремятся привить свое украинство (то есть ненависть к России и всему русскому) 35 миллионам русских людей, Южной России и с помощью этой ненависти создать новый народ, литературный язык и государство.

Здесь будет уместно изложить вкратце историю украинизации поляками, а затем немцами Галицкой (Червонной) Руси, о которой “украинцы” умалчивают, а мир о ней не знает.

После раздела старой Польши в 1772 году и присоединения Галичины к Австрии и после неудавшихся польских восстаний в России (1830-1863) и в Австрии (1848) с целью восстановления польского государства, польская шляхта Галичины, состоящая из крупных латифундий, заявила свое верноподданничество Францу Иосифу и в награду получила полную власть над всей Галичиной, русской ее частью. Получив такую власть, поляки и их иезуитское духовенство продолжали, как и в старой Польше, колонизировать коренное русское население края. По их внушению австрийские власти неоднократно пытались уничтожить слово “русский”, которым с незапамятных времен называло себя население Галичины, придумывая для него разные другие названия.

В этом отношении особенно прославился наместник Галичины - граф Глуховский, известный русофоб. В 60-х годах прошлого столетия поляки пытались уничтожить кириллицу и ввести вместо нее для русского населения латинскую азбуку. Но бурные протесты и чуть ли не восстания русского населения устрашили венское правительство, и польские политические деятели вынуждены были отказаться от своего плана отделить русский галицкий народ от остального русского мира.

Дух национального сепаратизма и ненависти к России поляки постоянно поддерживали среди русского населения Галичины, особенно среди интеллигенции, лаская и наделяя теплыми местечками тех из них, которые согласны были ненавидеть

“москалей”, и преследуя тех, кто ратовал за Русь и православие. В 1870-е годы поляки начали прививать чувство национального сепаратизма и галицко-русскому населению, крестьянству, учредив для него во Львове с помощью вышеупомянутой т.н. интеллигенции общество “Просвіга”, которое стало издавать популярные книжечки злобно сепаратистско-русофобского содержания.

До конца XIX в. термины “украинец”, “украинский” были употребляемы только кучкой украинствующих галицко-русских интеллигентов. Народ не имел о них никакого понятия, зная лишь тысячелетиями названия Русь, русский, русин: землю свою называл русской и язык свой - русским. Официально слово “русский” писалось с одним “с”, чтобы отличить его от правильного начертания с двумя “с”, употребляемого в России. Все журналы, газеты и книги, даже украинствующих, печатались по-русски (галицким наречием), старым правописанием. На ряде кафедр Львовского университета преподавание велось на русском языке, гимназии назывались “русскими”, в них преподавали русскую историю и русский язык, читали русскую литературу. С 1890 г. все это исчезает, как бы по мановению волшебной палочки. Вводится в школах, судах и во всех ведомствах новое правописание. Издания украинствующих переходят на новое правописание, старые “русские” школьные учебники изымаются и вместо них вводятся книги с новым правописанием. В учебнике литературы на первом месте помещается в искаженном переводе на галицко-русское наречие монография М. Костомарова “Две русские народности”, где слова “Малороссия”, “Южная Русь” заменяются термином “Украина” и где подчеркивается, что “москали” похитили у малороссов имя “Рус”, что с тех пор они остались как бы без имени и им пришлось искать другое название. По всей Галичине распространяется литература об угнетении украинцев москалями. Оргия насаждения украинства и ненависти к России разыгрывается вовсю.

Россия, строго хранящая принципы невмешательства в дела других государств, ни словом не реагировала в Вене на польско-немецкие проделки, открыто направленные против русского народа. Галичина стала Пьемонтом украинства. Возглавлять этот Пьемонт приглашается из Киева Михаил Грушевский. Для него во Львовском университете учреждают кафедру “украинской истории” и поручают ему составить историю “Ук-

раины” и никогда не существовавшего “украинского народа”. В награду и благодарность за это каиново дело Грушевский получает “от народа” виллу - дом и именуется “батьком” и “гетманом”. Со стороны украинствующих начинают сыпаться клевета и доносы на русских галичан, за что доносчики получают от правительства теплые места и щедро снабжаются австрийскими кронами и немецкими марками. Тех, кто остаются русскими и не переходят в украинство, обвиняют в том, что они получают “царские рубли”. Ко всем передовым русским людям приставляются сыщики, коим ни разу не удалось перехватить эти рубли для вещественного доказательства.

Население Галичины на собраниях и в печати протестует против названия и нового правописания. Посылаются записки и делегации с протестами к краевому и центральному правительству, но ничего не помогает: народ, мол, устами своих представителей в сейме потребовал этого.

Насаждение украинства по деревням идет туго, и оно почти не принимается. Народ держится крепко своего тысячелетнего названия, В русские села посылаются учителя украинофилы, а учителей с русскими убеждениями оставляют без места...

Русское униатское духовенство (священники были с университетским образованием) было чрезвычайно любимо и уважаемо народом, так как оно всегда возглавляло борьбу за Русь и русскую веру и за улучшение его материального положения, было его вождем, помощником, учителем и утешителем во всех скорбях и страданиях в тяжелой нероле. Ватикан и поляки решают уничтожить это духовенство. Для этой цели они ставят во главе русской униатской церкви поляка графа Шептицкого, возвысив его в сан митрополита. Мечтая стать униатским патриархом “Великой Украины” от Кавказа до Карпат”, Шептицкий относился с нерадивостью к миссии, для которой наметили его поляки, в планы которых вовсе не входило создание Украины под Габсбургами или Гогенцоллернами, а исключительно ополячение русского населения для будущей Польши. Он отдался со всей пылкостью молодости (ему было всего 35 лет, когда его сделали митрополитом) служению Австрии, Германии и Ватику для осуществления плана разгрома России и мечты о патриаршестве. Тщеславный и честолюбивый, Щептицкий служил им, нужно признать, всей душою. Несмотря на свой высокий сан, он, переодетый в штатское, с подложным паспортом не раз пробирался в Россию, где с украинствующими

помещиками и интеллигентами подготовлял вторжение Австро-Венгрии и Германии на “Украину”, о чем он лично докладывал Францу-Иосифу, как его тайный советник по украинским делам, а секретно от него сообщал о сем и германским властям, как это было обнаружено в 1915 г. во время обыска русской разведкой его палаты во Львове, где между другими компрометирующими документами была найдена и копия его записки Вильгельму II о прогрессе “украинского движения в России”. Мечтательный и жадный к титулам и власти, граф, пытаясь прибавить к будущему титулу патриарха титул кардинала, часто ездил в Рим, где он услаждал слух Ватикана своими рассказами о недалеком разгроме схизматической России и о присоединении к святому Престолу под скипетром Его Апостольского Величества Императора Франца-Иосифа 35 миллионов “украинских овечек”. Но польские магнаты и польские иезуиты, имевшие влияние в Ватикане, мстя Щептицкому за ослушание, не допустили его возышения в кардиналы. После создания новой Польши и присоединения к ней Галичины, Шептицкий, надеясь на Гитлера, не переставал мечтать о патриаршестве и работал, как и прежде, за разгром России. По повелению карающего рока все его идеи, идеалы, мечты и грэзы потерпели полное и страшное крушение. С появлением Красной Армии в Восточной Галичине он, разбитый параличем 75-летний старик, лишился сразу всех титулов и настоящих и будущих, и терпел великие страдания уже на сем белом свете в наказание за свои страшные прегрешения против Руси. В русской истории его имя будет стоять рядом с именем Поцея, Терлецкого, Кунцевича и Мазепы.

Возвращаясь к насаждению украинства в Галичине, нужно отметить, что с назначением Шептицкого главой униатской церкви прием в духовные семинарии юношей русских убеждений прекращается. Из этих семинарий выходят священники заядлые политики-фанатики, которых народ звал “попиками”. С церковного амвона они, делая свое каиново дело, внушают народу новую украинскую идею, всячески стараются снискать для нее сторонников и сеют вражду в деревне. Народ противится, просит епископов сместь их, бойкотирует богослужения, но епископы молчат, депутаты не принимают, а на прошения не отвечают. Учитель и униатский “попик” мало по малу делают свое дело: часть молодежи переходит на их сторону, и в деревне вспыхивает открытая вражда и доходит до

схваток, иногда кровопролитных. В одних и тех же семьях одни дети остаются русскими, другие считают себя “украинцами”. Смута и вражда проникает не только в деревню, но и в отдельные хаты. Малосознательных жителей деревни “попик” постепенно прибирают к своим рукам. Начинается вражда и борьба между соседними деревнями: одни другим разбивают народные собрания и торжества, уничтожают народное имущество (народные дома, памятники - среди них памятник Пушкину в деревне Заболотовцы). Массовые кровопролитные схватки и убийства учащаются. Греко-католические церковные и светские власти на стороне воинствующих униатских “попиков”. Русские деревни не находят нигде помощи. Чтобы избавиться от “попиков”, многие из униатства возвращаются в Православие и призывают православных священников. Австрийские законы предоставляли полную свободу вероисповедания, о перемене его следовало только заявить административным властям. Но православные богослужения разгоняются жандармами, православные священники арестовываются и им предъявляется обвинение в государственной измене, клевета о “царских рублях” не сходит со столбцов украинофильской печати. Русских галичан обвиняют в “ретроградстве” и т. п., тогда как сами клеветники украинофилы, пользуясь щедрой государственной помощью, отличались звериным национализмом и готовились посадить на престол Украины судившегося после войны за обман во Франции пресловутого Габсбурга “Василия Вышинского”.

Россия и дальше молчит: дескать, не ее дело вмешиваться во внутренние дела другого государства. Галицко-русские интеллигенты, чтобы удержать фронт в этой неравной борьбе, чтобы содержать свою преследуемую конфискациями прессу и свои общества, облагают себя податью в сто крон и выше ежемесячно и собирают среди крестьянства средства с помощью так называемой лавины-подати.

Против украинской пропаганды решительнее всех реагировала галицко-русская студенческая молодежь. Она выступила против украинской “Новой эры” открытым движением - “Новым курсом”. Галицко-русские народные и политические деятели, опасаясь усиления террора, вели все время консервативную, осторожную и примирительную политику с поляками и австрийскими властями. Чтобы не дразнить ни одних, ни других, они придерживались в правописании официального термина

“русский” (с одним “с”) и всячески пытались замаскировать свои настоящие русские чувства, говоря молодежи: “Будьте русскими в сердцах, но никому об этом не говорите, а то нас сотрут с лица земли. Россия никогда не заступалась за Галичину и не заступится. Если мы будем открыто кричать о национальном единстве русского народа, Русь в Галичине погибнет навеки.” Хотя вся интеллигенция знала русский литературный язык, выписывая из России книги, журналы и газеты, но по вышеуказанной причине не употребляла его в разговоре. Разговорным языком у нее было местное наречие. По этой же причине и книги и газеты издавались ею на старинном языке - “язычии”, как его в насмешку называли, то есть на галицко-русском наречии с примесью русских литературных и церковно-славянских слов, чтобы таким образом угодить и Руси и не дразнить чистым литературным языком власти. Словом, ставили и Богу свечку и черту огарок. Молодежь, особенно университетская, не раз протестовала против этих “заячьих” русских чувств своих отцов и пытлась открыто говорить о национальном и культурном единстве всех русских племен, но отцы всегда как-то успевали подавлять рвущиеся наружу стремления детей. Молодежь раньше изучала русский литературный язык в своих студенческих обществах без боязни, открыто, и тайно организовывала уроки этого языка для гимназистов в бурсах и издавала свои газеты и журналы на чистом литературном языке. После “Новой эры” в ответ на украинизацию деревни студенты стали учить литературному языку и крестьян. На сельских торжествах парни и девушки декламировали стихотворения не только своих галицких поэтов, но Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Майкова и др. По деревням ставили памятники Пушкину.

Член Государственной Думы граф В.А. Бобринский возвращаясь со Славянского съезда в Праге через Галичину с галицкими делегатами этого съезда, на котором он с ними познакомился, и присутствуя на одном из таких крестьянских торжеств в деревне, расплакался, говоря: “Я не знал, что за границей России существует настоящая Святая Русь, живущая в неописуемом угнетении, тут же, под боком своей сестры Великой России”.

Но когда с “Новой Эрой” оргия насаждения украинства немцами, поляками и Ватиканом разбушилась вовсю, русская галицкая молодежь не выдержала и взбунтовалась против своих отцов. Этот бунт известен в истории Галицкой Руси под на-

из-за многочисленности “государственных изменников”. Раньше, когда обнаруживались такие “преступления” у нескольких лиц, их судили, сажали в тюрьму. Теперь же все свершилось вдруг и нужно было иметь дело с сотнями тысяч “изменников”, государственную измену которых невозможно было доказать. Но власти не дремали и выжидали случая, чтобы было за что зацепиться, и подготовляли целый ряд процессов о “шпионстве”, из коих первый начался в 1913 году накануне мировой войны. Между тем они преследовали проявление русского духа намеченными заранее мерами. Чтобы оказать помощь “попикам” и учителям украинофилам, власти решают ударить по крестьянскому карману. Они обильно снабжают кооперативы украинофилов деньгами, которые через посредство украинофильских касс дают взаймы по деревням только своим приверженцам. Крестьяне, не желающие называть себя украинцами, займов не получают. В отчаянии деятели русских галичан бросаются за помощью к чехам и по ходатайству Крамаржа и Клофача (Масарик был врагом русских вообще и в парламенте всегда поддерживал украинофилов) получают в Живностенском банке кредиты для своих кооперативов. (Самый большой чешский банк - Центральный Банк Чешских Сберегательных Касс давал многомиллионные займы только “украинским” кооперативам).

Выборы в сейм сопровождаются террором, насилием и убийствами жандармами русских крестьян. Украинофилы пользуются на выборах и моральной и финансовой поддержкой власти. Имя избранного громадным большинством галицко-русского депутата при подсчете голосов просто вычеркивается и избранным объявляется кандидат - украинофил, получивший менее половины голосов. Борьба русских с украинофилами усиливается из года в год и продолжается под страшным террором вплоть до мировой войны. Войны немецкого мира со славянством, к которой Германия и Австро-Венгрия готовились десятки лет, в связи с чем ими и насаждался украинский сепаратизм и ненависть к России среди исконно русского населения в Галичине. Россия очнулась и открыла глаза на происходящее в Червонной Руси только накануне войны, когда во Львове начался нашумевший на всю Европу чудовищный процесс в “государственной измене” и “шпионстве” против двух галицко-русских интеллигентов (Бендасюка и Колдры) и двух православных священников (Сандовича и Гудимы), На этот

процесс неожиданно явились пять депутатов Государственной Думы всех оттенков (среди них и настоящий украинец - депутат Макагон) и войдя в зал, публично во время заседания суда поклонились до земли сидящим на скамьях подсудимым со словами: "Целуем Ваши вериги!" Подсудимые были оправданы присяжными заседателями, несмотря на то, что председательствующий судья в своей напутственной речи заседателям, очевидно, по указанию свыше, не скрывал надежды на то, что будет вынесен обвинительный приговор.

В самом начале этой войны австрийские власти арестовывают почти всю русскую интеллигенцию Галичины и тысячи передовых крестьян по спискам, вперед заготовленным административными и военными властями украинофилов (сельскими учителями и "попиками") с благословения преусердного митрополита графа Шептицкого и его епископов. Арестованных водят из тюрьмы в тюрьму группами и по пути, на улицах городов, их избивают натравленные толпы подонков и солдатчины. В Перемышле озверелые солдаты изрубили на улице большую группу русских людей.

За арестованных и избиваемых русских священников добровольно заступаются епископы-католики: польские и армянские, а униатские епископы во главе с Шептицким, несмотря на просьбы жен и детей, отказывают в защите своим русским галицким священникам. Этого нужно было ожидать: они же предали их на убиение.

Арестованных вывозят вглубь Австрии в концентрационные лагеря, где несчастные мученики тысячами гибнут от голода и тифа. Самые передовые деятели после процесса о государственной измене в Вене приговариваются к смертной казни, и только заступничество испанского короля Альфонса спасает их от виселицы. В отместку за свои удачи на русском фронте улепетывающие австрийские войска убивают и вешают по деревням тысячи русских галицких крестьян. Австрийские солдаты носят в ранцах готовые петли и где попало - на деревьях, в хатах, в саралях - вешают всех крестьян, на которых доносят украинофилы, за то, что они считают себя русскими. Галицкая Русь превратилась в исполинскую страшную Голгофу, поросла тысячами виселиц, на которых мученически погибали русские люди только за то, что они не хотели переменить свое тысячелетнее название.

Эти зверства и мучения - с иллюстрациями, документами и точными описаниями - увековечены основанным после вой-

ны Талергофским Комитетом во Львове, издавшим их в нескольких томах.

Такова история происков Ватикана, поляков и немцев в наследии ими украинства на Карпатах среди издревле русского населения Червонной Руси.

Украинское движение в Галичине под руководством Германии продолжалось и после первой мировой войны. В это время появился для нее новый термин: Западная (Західна) Украина, в которой была организована тайная военная организация (УВО), превратившаяся впоследствии в организацию украинских националистов (ОУН)."

Правда о геноциде галицких русских имеет не только нравственное и историческое, но и правовое значение. Публикуемая книга Ваврика это еще и юридический документ. Издатели убеждены, что публикуемая книга позволит юридически признать этот геноцид преступлением перед человечеством. В современной политической и правовой практике такие примеры имеются. Так, благодаря грамотной работе армянских общественно-культурных организаций, парламент Франции осудил турецкий геноцид армян через многие десятилетия после его осуществления.

Подвижники галицко-русского дела по крупицам собирали материалы о мучениках Талергофа. Так, в 20-е годы во Львове был создан «Талергофский комитет», который издал несколько сборников - «Талергофских альманахов», где подробно описываются все обстоятельства данного преступления. Другой подвижник галицко-русского дела доктор Роман Мирович составил поименный список жертв Талергофа в 4-х томах (Львов , 1971 г., машинопись). Авторы также убеждены, что данные материалы будут полезны Комисии по канонизации святых Русской Православной Церкви, ибо потребность в канонизации сонма святых Галицкой и Подкарпатской Руси является очевидной.

Кирилл Фролов (*Институт стран СНГ*)

КОММЕНТАРИИ

1. В 1996 г. на симпозиуме “400 лет Брестской Унии. Критическая переоценка”, состоявшемся в г. Нейменген, Голландия, доктор Френсис Томпсон (Антверпенский университет, Бельгия) утверждал, что униатский митрополит И. Рутский направил в 1624 г. в Рим план создания униатского Киевского Патриархата. Согласно этому плану “после избрания Патриарха, он и его епископы - коллеги принесут присягу Святому Престолу, а верующие постепенно приспособятся к новому положению. “Эту схему, которую с известной долей справедливости прозвали “благочестивым мошенничеством”, Рутский направил в Рим в 1624 г. (400 лет Брестской унии. Критическая переоценка. М. Издание Библейско-Богословского института. 1998.) Все это как нельзя более актуально - всем должно окончательно стать ясно, откуда проекты “Украинской Поместной Церкви”, “украинской автокефалии”, “каноничной” или “неканоничной”, “Киевского Патриархата” и т.д.

2. Речь идет о сочинения М.А. Максимовича “Откуда идет русская земля?” По сказанию Несторовой летописи и по другим старинным писаниям русским. (Кiev, 1837 г.) и “Критико-историческое исследование о русском языке” (С.Петербург 1838 г.)

3. Святейший Патриарх Никон также предоставил многие монастыри гонимым малороссам: в первую очередь Иверский Валдайский монастырь, Чудов в Московском Кремле, Новоиерусалимский. Следует специально отметить, что патриарх Никон строго следил за чистотой Православия всех прибывающих из Западной Руси, привлекал лучших - из таких, как Епифаний Славинецкий. О беспощадной борьбе Никона с латино-польским влиянием свидетельствует его борьба с иконами “французского” письма - т.е. с обмирщением иконописи. А Лигарид привлекал из Киева в Москву “латиномудрствующих”, пытавшихся насадить в Москве “хлебопоклонную” ересь. Именно Патриарх Никон установил праздник всех Русских святых.

4. Обращает на себя внимание факт масштабной издательской деятельности по популяризации малороссийской культуры в Российской империи - огромное количество южно-русских книг было издаваемо в Москве, в первую очередь Михаилом Погодиным! Это к вопросу о подлинном отношении великороссов к истории и культуре Юго-Западной Руси.

Литература

К очерку Э. Панарина

1. Полное собрание русских летописей.- М., 1961.- Т. I.- стлб. 418-419.
2. См. Рыбаков Б.А. Слово о полку Игореве и его современники.- М., 1977.- с.288-290.
3. Полное собрание русских летописей.- 2-е изд.- СПб, 1908.- стлб. 787-788.
4. Там же.
5. Костомаров Н.И. Гетманство Выговского // Историческая монография и исследования.-СПб, 1863.-Т.2.-с. 186 (или 2-е изд., 1872).
6. См., например, Костомаров Н.И. Книги буття українського народу.- Аугсбург, 1947.
7. См. библиографию в книге Ульянова.
8. См. Заключение в книге Костомарова Н.И. “Мазепа”, М.: “Республика”, 1992.
9. Adierfeld, Gustav. Leben Karls des Zwolfsten Konigs von Schweden anf desselben Befehl beschrieben von Hemi Gustav von Adiefeld, Koniglichen Cammerherrn eriautert und fortgesatzt, wie auch mit nothingen Abriben versehen. (немецкий перевод с оригинального шведского издания), 1742, ч.3, с.236. (Эта цитата приводится по книге Костомарова Н.И. “Мазепа”.- М.: “Республика”, 1992.- с.229. Ее также можно найти на с.607, изд. Костомарова, 1905. См, следующую ссылку на Костомарова.)
10. Jozef Feldman. Polska w dobie wielkiej wojny polnocnej, 1704-1709.- Krakow, 1925.- s.304-305.
11. Валишевский Казимир. Петр Великий: дело.- М.: “Сфинкс”, 1911. (Это русский перевод третьей части оригинала: Waliszewski, Kazimiers, 1849-1935, “Pierre le Grand, l’education-l’hommoe-l’oeuvre, d’apres des documents nouveaux”. Paris, Plon-Nourrit et cie, 1914 (8. ed.).
12. Костомаров Н.И. Собрание сочинений,- СПб, 1905.- Кн.6, Т.XVI: Мазепа и мазепинцы.- с.654. - (прим.1). К сожалению, из отдельного издания книги Костомарова “Мазепа”.- М.: “Республика”, 1922.- подстрочные примечания были исключены, кроме гл.ХП. Так что многие ссылки Костомарова на первоисточники можно найти лишь в дореволюционном издании).
13. С.655, изд. 1905 г. Далее публикуется украинский перевод этого письма, опубликованный в универсале гетмана Скоропадского.
14. Subtelny, Orest. Ukraine: A.History.- University of Toronto Press, 1988, p.164. Английский текст: [Baturin’s] entire population of 6000

- men, women and children were massacred.
15. Subtelny, Orest. *The Mazepists: Ukrainian Separatism in the Early Eighteenth Century*.-New York, 1981 (Boulder, East European Monographs; by Columbia University Press).- p.37.
16. Письмо А.Д.Меньшикова Петру Великому от 24 октября 1708 года // Письма и бумаги Императора Петра Великого".- М.: АН СССР, 1948.- Т.VIII, ч.2,- с.864.
17. Письмо Петра Великого к Ф.М.Апраксину от 30 октября 1708 года // Письма и бумаги Императора Петра Великого.- М.: АН СССР, 1948.- Т.VIII, ч.1.- с.253. (Субтельный в рассматриваемой книге цитирует ту же страницу, но, вероятно, по ошибке другой том.)
18. The Daily Courant, no.2239; среда, 29 декабря 1708 г. (ст.ст.), с.1.
19. Костомаров Н.И, Мазспа.- М.: "Республика", 1992.- с.244.
20. Например, английский посол в Вене, Philip Meadows, описывая эти события в своем письме в Лондон от 26 декабря 1708 г., оценивал батуринский гарнизон именно в 6000 человек. См. Theodore Mackiw. English report on Mazepa, Hetman of Ukraine and Prince of the Holy Roman Empire, 1687-1709.- New York, London, Toronto: Ukrainian Historical Association, Inc., 1983. p.108-111.
21. Там же, с.71. При этом Мацькив на предыдущей странице приводит фотокопию опровергающей его утверждение статьи из лондонской газеты.
22. Otwinowskiego Dzieje Polska pod panowaniem Augusta II, od roku 1696 po rok 1728.-1829.- s.121. Цитируется по Костомарову, 1905.
23. Деникин А.И. Очерки русской смуты.- Париж: "Povolozky & Cie", 1922.- Т.Н.- p.25.
24. Там же, с.167-170.
25. Нестор Махно. Русская революция. Записки.- Париж: "Библиотека махновцев", 1929.-Кн.1.- с.113.
26. Деникин А.И. Очерки русской смуты.- Берлин: "Слово", 1924.- Т.IIL- с.31-39.
27. Деникин А.И. Очерки русской смуты.- Берлин: "Слово", 1925.- Т.IV.- с. 192, 197-198.
28. Там же, с.191.
29. Хотя роман М.А.Булгакова "Белая гвардия" не является в строгом смысле историческим документом, на наш взгляд, он очень верно изображает ту историческую эпоху.
30. См. Деникин А.И, Очерки русской смуты.- Т.IIL- с.33-36. и цитированный выше отрывок из Махно, а также Нестор Махно. Записки.- Париж: Комитет Н.Махно, 1937.- Кн.III "Украинская революция".

31. Мысль о том, что украинцы вообще местным националистам предпочтали белых либо красных проводится и в книге американского историка Чемберлена: William H. Chamberlin. *The Ukraine: A Submerged Nation*, - N.Y.: Macmillan, 1944.
32. Десятый съезд Российской Коммунистической партии: Стенографический отчет. -Москва: Государственное издательство, 1921.- с.115.
33. См., например. *Language planning in the Soviet Union*, Michael Kirkwood (ed.) Basing-stoke, Hampshire: Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1989.- p.180-183.
34. John A. Armstrong. *Ukrainian Nationalism*, - 2nd edition. Columbia University Press, 1963.

К статье К. Фролова:

35. Путями истории.- Т.2.- Издание Карпато-русского литературного общества. - Нью-Йорк, 1977 г.
36. Ваврик В.Г. Краткий очерк истории Галицко-Русской письменности, - Лувен (Бельгия), 1968.
37. Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели.- Москва, 1916.
38. Екатерина Де-Витте. Путевые впечатления. Буковина и Галичина.- Киев, 1904.
39. Об основных воззрениях А.И. Добрянского. СПб., 1901. Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели,- М., 1916.
40. Прот. Юрий Процюк. На пути к Православию.- Журнал Московской Патриархии № 9,- 1976.
41. Екатерина Де-Витте. Путевые впечатления. Буковина и Галичина.- Киев, 1904.

Кирилл Фролов (Институт Стран СНГ)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1964 году, в 50-летнюю годовщину приснопамятной трагедии Карпато-русского народа, была издана Петром Семеновичем Гардым большая историческая книга под названием: “Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 годов”. Это замечательное и ценное издание должно служить священной настольной книгой каждого сознательного Карпато-русского патриота.

Книга П. С. Гардаго содержит в себе документы, как австро-мадьярские власти пытались насильственным путем вычеркнуть Русь в Карпатах. В ней собран богатейший источник ужасных переживаний, страданий, мучений и героических подвигов лучших сынов и дочерей Карпатской Руси на родной земле и в страшных концлагерях. Из них Терезин и Талергоф вошли в историю человечества как лютейшие судилища, мрачные темницы и застенки массового истребления людей, преступление которых заключалось единственно в том, что называли себя Русинами.

В дополнение к изданной П. С. Гардым книге выпускаем в свет очерк В. Р. Ваврика под названием “Терезин и Талергоф”, снабженный обильной литературой, собранной библиографом доктором Р. Д. Мировичем. Это был главный повод издания очерка, об авторе которого считаем нужным сказать несколько слов.

В. Р. Ваврик - узник Терезина и Талергофа, куда был заключен по доносу шовиниста-украинца Ивана Кецко, сельского писаря в Манаеве, Зборовского уезда. Он был тогда студентом Львовского университета. Лично на своей спине он испытал тяжелые удары черной реакции. Он был свидетелем диких оргий обезумевшей толпы, гнусного террора жандармов, полиции и австро-мадьярских солдат.

Видя разбой и беспощадный произвол, в его жилах кипела кровь в Зборове, Золочеве и Львове, накануне его освобождения русской армией, куда его доставили жандармы в цепях. В каземате Терезинской крепости, обрекая себя на тяжелые последствия, он стал писать сатирические листки под названием “Терезинская вошь”, которые затем в Талергофе строго конспиративным путем распространил среди арестантов под названием: “K. k. Internierten lager in Thalerhoff”, “Талергоф в карикатуре” и “Талергофская хандра”; в смешном виде шуточными сти-

хами, смесью русских, польских и немецких слов, где подвергает критике австрийскую каторгу. Все это погибло, единственный номер “Талергофской хандры” находится у П. С. Гардаго.

В продолжении своей литературной деятельности В. Р. Ваврик часто возвращался к теме бесчеловечного надругательства над русской идеей в пределах Австро-Венгрии; его пьеса “Талергоф” обошла многие сцены любительских драматических кружков в галицко-русских деревнях. В ней проведен глубокий анализ бешеного произвола австрийского режима, с одной стороны, и высокоидейного мужества мучеников, с другой стороны.

Очерк “Терезин и Талергоф” является сжатым изложением документального сочинения, изданного П. С. Гардым, “Военные преступления Габсбургской монархии”.

Цель его: показать читателю Русину в кратком обзоре совокупность насилий и зверств, физического террора австро-мадьярских властей по отношению к русскому населению по обе стороны Карпат и закрепить память о героях-мучениках с несокрушимой волей и верой в победу светлой русской идеи на вечные времена.

Издание настоящего документального очерка посвящаю светлой памяти моей покойной матери, Фекле Андреевне Самело, узнице Терезина.

Искренно благодарю Комитет по сооружению Талергофского памятника в Пушкинском парке на Фарме Рова, в Джексон, Нью Джерси, передавшему мне оставшуюся от пожертвований сумму и помогшему этим издать настоящий очерк.

Филадельфия, 1966 г.
Протоиерей Роман Ник. Самело
Редактор газеты “Правда”.

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ В 1914 ГОДУ*

Г

оворя о страшном и кровавом лихолетье 1914 года, надо постоянно помнить, что тогда огнем и мечем решался незаконченный поединок двух рас, славянской и германской. Первую возглавляла Россия, вторую Германия.

Приготовления обеих сторон к окончательной расправе были далеко не равны. Ослабленная японской войной Россия еще не залечила своих глубоких ран, не пополнила своих убытков и утрат на суше и на море. Германия, напротив, с удивительной энергией подготовливалась к решительной битве.

Не уступала ей равно же и Австро-Венгрия, которая примикула плечом к плечу к превосходству германских военных сил и к расправе с Сербией и Россией. Ввиду того, что монархия Габсбургов состояла из славян, немцев и мадьяр, венское правительство старалось вносить споры, заколоты, национальные, вероисповедные и партийные замешательства в славянские народы. Частично ему это удалось при помощи денег, хорошо оплачиваемых мест и щедрых обещаний. Таким образом, руководящий слой галицкого народа, в начале более-менее однородный, со временем разбрался на два лагеря.

Галицко - русский лагерь, стоя нерушимо на славянской основе, неустанно братался с родственными славянскими народами, радовался их успехам, печалился их неудачам и спорам между собою и всю свою жизненную энергию обращал против германской расы и ее нечестивых методов борьбы с соседями. Поэтому вполне понятно, что Австрия, во главе с немецкой династией Габсбургов, старалась всеми силами задавить эту часть галицкой интеллигенции и приостановить ее влияние на народные массы.

Второй лагерь галицкой интеллигенции, взлелеянный венской няней, пошел, отбросив свое славянское родство, наотмашь и наобум, с врагами Славянства и своего родного народа; он проникся ненавистью к братским народам, позаимствовал от германцев методы беспощадного топтания прав славянских племен и даже с оружием в руках устипал трупами своих братьев родную землю. Этот лагерь стал любимцем Австрии и остался ее наймитом до самого развала; даже немцы и мадьяры отошли в сторону, одни галицкие украинцы слепо стояли при Австрии.

* В тексте сохранена стилистика и орфография оригинала.

В то время, когда славяно-русский табор считал своим священным долгом беречь и отстаивать историческое имя своих предков, имя Руси, озаряющее на протяжении долгих столетий хижинами многомиллионного русского народа, лагерь германофильтского направления, к большому удивлению самих врагов Славянства, с легким сердцем отказался от своего исторического русского имени, забросал его насмешками и грязью, заменил его областным в Прикарпатье чуждым понятием Украина и вместе с немцами принял все и всех, что носило печать Руси, преследовать и уничтожать.

Это разделение становилось все шире и глубже, и неминуемо должен был произойти разрыв. С внезапным взрывом войны славянского мира с германским миром разыгрались сцены, о которых одно воспоминание заставляет стынуть кровь в жилах. Сюда как нельзя лучше подходят слова Т. Г. Шевченко:

КОСАР

*По над полем иде,
Не покосы кладе,
Не покосы кладе - горы.
Стогне земля, стогне море,
Стогне та гуде,
Косаря уночи
Зустричаютъ сычи.
Тне косар, не спочивае,
Ни на кого не вважае,
Хоч и не просы.
Не благай, не просы,
Не клепае косы
Чи то пригород, чи город,
Мов бритвою старый голить
Усе, що дасы:
Мужика, й шинкаря,
Й сироту кобзаря;
Прыспивуе старый, косыть,
Кладе горамы покосы,
Не мына й царя.
И мене не мыне,
На чужини зотне,
За решоткою задавыть,
Хреста нухто не поставить
И не помяне.*

КРОВАВЫЙ ТЕРРОР

Читателю нужно помнить, что приведенное ниже число жертв - это лишь капля в море общенародного мученичества, слез и крови Галицкой Руси. Стоглавая гидра набросилась на свою беззащитную добычу. В отчаянном страхе метался галицко-русский народ из стороны в сторону и не знал куда бежать. Немцы и мадьяры бесились, как гады, и причину своих отступлений и поражений старались оправдать неблагонадежным поведением и изменой галицко-русского населения. В манифестах и воззваниях военные и административные власти обещали от 50 до 500 крон каждому, кто донесет на русина. На улицах и площадях галицких городов платные агенты выкрикивали: "ловить шпионов! Давайте их сюда на виселицы!" Партийные воожаки, ослепленные местью, на этот ядовитый клич приходили с добровольной помощью.

И количество крови было чрезмерно обильно!

В деревне Волошине, уезде Бобрка, мадьяры привязали вевревкою к пушке крестьянина Ивана Терлецкого и поволокли его по дороге . Они захлебывались от хохота и радости, видя тело русского поселянина, бившееся об острые камни и твердую землю, кровоточившее густою кровью. В деревне Буковине того-же уезда, мадьярские гусары расстреляли без суда и допроса 55-летнего крестьянина Михаила Кота, отца 6 детей. А какая нечеловеческая месть творилась в селе Цуневе Городосского уезда! Там австрийские вояки арестовали 60 крестьян и 80 женщин с детьми. Мужчин отделили от женщин и поставили их у деревьев. Солдат-румын забрасывал им петлю на шеи и вешал одного за другим. Через несколько минут остальные солдаты снимали тела, а живых докалывали штыками. Матери, жены и дети были свидетелями этой дикой расправы. Можно ли передать словами их отчаяние? Нет, на это нет слов и силы! В с. Залужье того же уезда солдаты зверски расстреляли 5 крестьян: Ивана Коваля, Ивана Михайлишина, Григория Снеда, Станислава Дахновича и Василия Стецыка, а в соседнем селе Великopolе из 70-ти арестованных крестьян мадьяры закололи штыками: Ивана Олиарника, Семена Бенду, Василия Яцыка, Василия Кметя, Марию Кметь, Павла Чабана, которому раньше пе-

реломили руки. И этого им было мало! Уходя, они забрали с собой малолетних девочек.

С каждым днем жестокой бойни кровавая работа палачей принимала все большие размеры. В селе Кузьмине Добромильского уезда австрийцы вбивали в стены хат железные крюки и вешали на них людей. В один день повесили 30 крестьян. В селе Тростяны они замучили на смерть Матвея Кассиана, Ивана и Евстафия Климовских и пастуха Дуду. В селе Кvasенине бешеный офицер застрелил крестьянина Павла Коростенского только за то, что тот не сумел ему объяснить, куда ушла русская разведка

Австро-мадьярский террор сразу, на всех участках, охватил Прикарпатскую Русь. Жажда славянской крови помрачила умы и помыслы военных и мирских подданных Габсбургской монархии. Наши братья, отрекшиеся от Руси, стали не только ее прислужниками, но и подлейшими доносчиками и даже палачами родного народа. Ослепленные каким-то дурманом, они исполняли самые подлые, постыдные поручения немецких наемников. Достаточно взять в руки украинскую газету “Діло” с 1914 года, издававшуюся для интеллигенции, чтобы убедиться в этом окончательно. ?Волосы встают дыном, когда подумаешь о том, сколько мести вылил на своих близких не один украинский фанатик, сколько своих земляков выдал на муки и смерть не один украинский политик вроде кровавого Кости Левицкого, сколько жертв имел на своей совести не один “офицер” в униформе сатаны Чировского. Не день, не два, упивался страшный упырь Галицкой земли братской кровью. На каждом шагу виден он, везде слышен его зловещий вой. Ужасен вид его.

В с. Крецовой воле солдаты повесили на вербе крестьянина Петра Ткача. Все эти ужасы случились в Добромильском уезде. По доносу жандарма Холявы в деревне Выгода Долинского уезда повесили крестьян: Матвея Петрика, Ивана Гайнююка, Осипа Фединяка, Дорофея Сосника, Елену Ковердан. Вместе с жандармом бушевал в окресте вырожденец некий Винницкий, ошеломленный “самостийник”, причем он руководствовался в своих ничтожных поступках не так “идеей”, как ненасытной жаждой наживы: кто из арестованных давал за себя богатый выкуп, того он отпускал на волю; у кого же не было денег, тот кончал жизнь на крюке.

На основании приговора военного суда на висилице погибли: Лев Кобылянский, громадский писарь из Синечола Долин-

ского уезда Пантелеймон Жабяк, житель того же села, отец 5 детей. Вместе с ними повис на веревке Роман Березовский, настоятель прихода в Протесах Жидачевского уезда, отец 2 детей. За священником и крестьянами не было ни малейшей вины.

В Жолковском уезде не было села, где не заплатил бы жизнью мирный землепашец или работник умственного труда. Австрийская разведка наткнулась на священника Набака, ехавшего из Могилян в Нагорцы. Карапели завязали ему глаза, привязали к дереву и расстреляли его. Не помогли ни мольбы, ни слезы дочери, возвращавшейся с отцом домой. Дьякона закололи штыками. Священника запретили хоронить в селе. Его тело пролежало в поле 5 дней, и только после бегства австрийского полка похоронил его русский полковой священник. Вступив в село Передрымихи, мадьяры сожгли весь крестьянский добробыт, не пощадив и школы, и лютыми пытками замучили на смерть: Григория Савицкого Илью Сало, Михаила Лосика, Алексея Казака, Екатерину Валько и многих покололи и поранили. В пожаре погибли люди. В с. Речках австрийцы повесили крестьянку Прокопович, в с. Зеболки убили крестьянина Петра Поворозника. В населенных пунктах: Липовице, Куликове, Сулимове, Батятычах устраивались чисто дьявольские погромы . В числе доносчиков был учитель-украинец Иван Шерстило из Сулимова, который выдал австрийским жандармам несколько крестьян и священника Саввина Кмицикевича с сыном.

По причине такого страшного массового террора, галицко-русское население впало в небывалое отчаяние. Не от наступающей русской армии, а от толпы озверевших разбойников своей державы людям приходилось прятаться в ямах, скрываться в лесах, горах и дебрях, как когда-то скрывались их предки от татар и турок.

В Каменском уезде шла австро-мадьярская лють безгранично, так как этот уезд принадлежал к более сознательным округам Галицкой Руси. В селе Дернове австрийцы убили: Ивана Наума - 85 - летнего старика, Николая Курия, Николая Ковалюка и Ивана Сердинецкого. В поселке Сапежанке был расстрелян крестьянин Андрей Вусович, тело которого солдаты повесили перед его родным домом, под рыдания жены и детей. В местечке Стоянове был убит мещанин Федор Багнюк будто бы за то, что звоном в колокол давал знак казакам, а 85-летний старик-священник Иван Сохацкий был выволочен из церкви и

подвергнут побоям, а затем заколот штыками. Десятки смертных приговоров имеют на своей черной совести два учителя австро-украинской ориентации Роман Пекарский и Лука Краевский. По их доносам суд первой австрийской пехотной бригады приговорил к смерти через повешение 10 крестьян в с. Таданье: Степана Федика, Феофана Гураля, Дмитрия Мотиля, Григория Наконечного, Ивана Потрухая, Федора Мартынюка, Василия Гренка, Ивана Кручинского, Дмитрия Ланчина и Анастасию Лашукевич, мать 4-х детей.

Село Уторопы Коломыйского уезда было залито крестьянской кровью. Жандармы, солдаты и не в меру усердные австрийские патриоты вымещали свой гнев на неповинных жителях села за то, что на фронте австрийская армия терпела поражение. Отступавшие каратели гнали крестьян и женщин перед собой и расстреливали их на бегу.

На город Львов, как центр культурной жизни Галицкой Руси, обратили особое внимание все административные, полицейские и военные власти. В столице Прикарпатского края находились центральные органы просветительских и культурных галицко-русских обществ и организаций. После объявления мобилизации австрийской армии одним махом пера были закрыты все галицко-русские институты, организации, бурсы, приюты, редакции газет, учреждения. Все имущество подверглось грабежу и разгрому. К каким бы выкрутасам теперь не прибегали галицкие украинцы-сепаратисты, что они де не повинны в пролитии крови своих братьев то их поступки, почины, дела и все их газеты, во главе с “Ділом” и “Свободою”, обнаруживают иудину измену. На основании подлейших доносов в несколько дней были переполнены все львовские тюрьмы русинами. В темном углу “Бриgidок” шла экзекуция за экзекуцией. Были повешены: Иван и Семен Хиль, рабочие из Пониковицы Бродовского уезда, Семен Шпорлюк из Фольварков Великих возле Брод, Антон Супликович - крестьянин из Скоморох-Сокальского уезда, Валентин Кашуба, Александр Батовский и Василий Пержук из Лепинева Бродовского уезда, Антон Мановский из Дубровицы Яворовского уезда, Иван Шушинский крестьянин из Хвойны Жолковского уезда, Петр Козицкий и Андрей Пужак из Мокротина Жолковского уезда. Последнего казнили за то, что он под виселицей крикнул: “Да здравствует Великая и нераздельная Русь”, доброволец-палач истязал его на эшафоте четверть часа.

Не лучше было и во Львовском уезде. В с. Гонятичах австрийцы поставили под стеной хлева крестьян Василия Грищинина, Юстина Карпинского, Филиппа Опрыска, Григория Кордюка 80-летнего Тимофея Дубинку, Казимира Карпинского и Степана Гринчинина и всех закололи штыками. В с. Острове офицер убил крестьянина Василия Зачковского; таким же самосудом были убиты: Николай Феджар из Дмития, Андрей Базиль из Лан, Иван Собский из Ярычева Нового по доносу Григория Жаткевича, Антон Маслюк, Дмитрий Михайлов, Григорий Сидоряк из Малых Подлесок, Антон Гминковский и Семен Тишийский из Борщевич. В с. Никуловичах бежавшие солдаты немилосердно избивали крестьян, а Ивана Таращука подвергли страшным пыткам: обрезали ему пальцы и губы и, наконец, задавили доскою. Крестьянина Ивана Брыкайла из Брюхович жандармы вывели на кладбище, велели ему выкопать яму и тут же расстреляли его. В с. Запытове, по доносу Хомяка, австрийцы выгнали людей из села в чистое поле, повязали веревками и так гоняли их весь день, а под вечер повесили 15 человек: Константина Кулика и его сына Никиту, Михаила и Ивана Блавацких, Михаила и Кирилла Назаркевичей, Ивана Бойко, Якова Будловского, Онуфрия Выхонена, Петра Герасимова, Федора Савчука, Константина Цыгана, Андрея Бочия, Василия и Никиту Андрияков. Остальных крестьян поставили под дула пулеметов, а старых и малых били прикладами без разбора. В этой бойне приняли мученическую смерть Роман Пилявка и Иосафат Бондарь.

Много мучеников было в Рава-Русском уезде. В с. Гойче австрийцы расстреляли крестьян: Ивана Василькова, Ивана Бабия и Федоро Янкова. Поселок Казаки, возле Монастырской Руды, исчез с лица земли только за свое название. В нем солдаты закололи штыками: Алексея Камута, Луку Малоеда, Матвея Максимяка, Федора Федюка, Варвару Калику, Андрея Калику, Савву Кожушка, Анастасию Пиливец, Анну Нижник и всю семью Михаила Думича, а священника Василия Демчука повесили за то, что будто он во время богослужения молился за русского царя. С ним были повешены крестьяне Иван Стельмах и Иван Нижник.

Черная доля постигла село Катериничи уезда Рудки. Солдаты выгнали всех жителей села, мужчин и женщин в поле и кололи их штыками. Крестьянку, Марию Зазулю, мать троих детей, раздели донага и катали ее по стернище. Две женщины умерли от колотых ран. Мария Плугарь от побоев родила преж-

девременно дитя. Солдаты насиловали женщин без стыда и стеснения, сожгли церковь, читальню, кооперативную лавку и хозяйские постройки, грабили и убивали людей.

Чем быстрее и ближе к Карпатам отступали австрийские бригады, тем сильней овладевал ими страх перед приближавшимся противником, тем лютее закипала месть в их сердцах. На одного Станислава Загурского, доктора прав, аудитора, т. е. военного судью, к сожалению славянина-поляка, падает более ста смертных приговоров. Эта темная душонка на основании показаний одного лишь свидетеля повесил 10 крестьян из Синеводска Скольского уезда: Михаила и Петра Коваля, Федоро Федишина, Ивана Матешина и Ивана Тишевского. Тела несчастных жертв бросили душегубы в болото, где они пролежали с сентября 1914 до марта 1915 года. Староста Стрыйского уезда С. Н. Андреев, велел вынести трупы из болота и похоронить по православному обряду.

В с. Лавочном на одной из вершин Карпатских гор австрийцы поставили страшную виселицу больших размеров для устрашения народа. Сколько крестьянских голов повисло на ней, трудно сказать. Среди погибших были: Михаил Жолобович из станицы Козовой и Федор Коростевич из станицы Оравы. Эту виселицу смастерили по приказу военного суда арестованный крестьянин Юрий Волкупович, которого забрало судилище в Мукачево. Как очевидец он рассказывал, что в Мукачево военный суд ежедневно приговаривал к смерти от 20 до 25 человек. Русинов вешали и расстреливали цыгане и евреи за городом, а их тела выбрасывали в ямы и рвы.

В святинском уезде наиболее потерпело село Залучье, которое накануне войны присоединилось к православной церкви. Палачом населения был вахмистр жандармерии, прославившийся на политическом процессе С. Ю. Бендасяка, Пушкарь, украинец - слепое орудие Австрии. Он самочинно избивал крестьян розгами; кто терял сознание, того он приказывал поливать холодной водой, а затем дальше подвергал пыткам. Неизреченные муки претерпели Прасковья Оробец и Михаил Нагорняк, последний за то, что отдал свою хату под православную часовню священнику Игнатию Гудиму. Бежавшие за Карпаты австрийцы согнали всех жителей села, чтобы смотрели на казнь, через повешение, крестьянина Кабацкого. Виднейших крестьян, 86 человек, арестовал Пушкарь. В уездном городе Святине было повешено: почтальон Притула, канцелярист Ви-

ноградник, чиновник Лесковацкий. В с. Ганковцах казнили крестьянина Джураковского.

Сокальский уезд, примыкавший к русской границе, был поленом в глазах украинских "патриотов"; поэтому доносы с их стороны сыпались на русских людей, как град с черной тучи. Андрей Кузьма выдал крестьянина Степана Дуду и он был повешен в с. Переводове. Педагог Стенягинский выдал видных, деятельных крестьян в околице. Сильно пострадало село Скоморохи. Как выше отмечено, крестьянин Антон Супликеевич был повешен во Львове. В с. Ильковичах повесили нищего старика Петруненко.

О кровавых злодеяниях, имевших место в Станиславской тюрьме на Дуброве, можно получить обильные справки из публикации Василия Маковского п. з. "Талергоф" (Львов, 1934). Автор, горячий украинский патриот и вернейший слуга Австро-Венгрии, по документам и своим воспоминаниям сообщает, что в тюрьме на Дуброве шли расстрелы с утра до вечера. Маковскому смело можно поверить, ибо сам находился среди арестованных. Журналист А. Панкратов, прибывший с русским отрядом в г. Станиславов, собрал свидетельства о зверствах австро-венгерского военного террора и насчитал 250 повешенных. Среди доносчиков находим имя Степана Прокопова, украинца из с. Курынова.

Байковщина, центром которой является г. Турка, оросилась кровью русинов - мещан и крестьян. Вся интеллигенция в уезде находилась в тюрьмах; не было поблажек для больных, стариков и женщин. В Турке мадьяры повесили мещан: Ивана Ильницкого, Гуляновича, Осипа Цинкевича и Василя Гавричеко. Там же был расстрелян Лука Матковский за то, что называл себя русином. В с. Разлучье мадьяры повесили крестьянина Ивана Хоминица, Петра Гвоздецкого, Максима Куруса и Михаила Сковбу. В с. Малой Волосянке они повесили Михаила Шевцова и Михаила Дьякунчака. В с. Великой Волосянке повесили Ивана Старушкевича, в с. Прислоен - Алексея Белея, Михаила Семковича и Ивана Беласа вместе с 18-летним сыном; одновременно был повешен Кирилл Кудрич. В с. Яворе мадьяры казнили Степана Романовича Яворского и Ивана Игнатьевича Яворского. В Нижней Яблонке мадьяр убил в хате, на глазах испуганных детей, мать Марию Лужецкую за то, что та не могла дать ему хлеба. Мадьяры дотла сожгли села: Явору, Багноватое и Лосинец, а всего в Турке повесили 70 человек.

Туча мести и террора не прошла мимо и Ярославского уезда. В с. Маковисках на своих прихожан доносил священник-униат Крайчик. В Червоной воле был повешен Петр Куца. В с. Соснице “мужья доверия”, украинцы, Михаил Слюсар, войт Михаил Кушнир, Пантелеймон Василина, учитель Горошко и еврей Саул Рубинфельд донесли на своих односельчан и на основании их доноса были повешены: Иван Шостачка, Илья Яворский, Илья Якимец, Иван Кошка, Николай Смигаровский и Андрей Гардый. Двух последних мадьяры-уланы привязали за свои седла и волокли 4 километра до села Задубровы и обратно, потом повесили на вербах, где они висели несколько дней под проливным дождем. Но и этого им было мало. Они арестовали Михаила Зелеза и студента-богослова Николая Гардого, сына вдовы, и после страшных издевательств повесили в с. Велюничах на берегу речки Вигора. Следует добавить, что павшего на колени студента Гардого мадьяры топтали сапогами и выбили ему зубы; затем повесили.

БЕШЕНЫЙ ПОГРОМ В ПЕРЕМЫШЛЕ

В стратегическом отношении город Перемышль на Сяне был самым важным боевым участком для австро-венгерской армии. Это была лучшая австрийская крепость против России. Отступая к Сяну, солдаты пылали неугасимой местью к галицко-русскому поселению. Поэтому для арестованных не было пощады.

15 сентября 1914 года на группу арестованных, состоящую из 46-ти человек, набросились мадьярские гонведы. Перевязанных веревками людей они загнали с улицы Дворского в угол улицы Семирадского, и тут наступил бесовский погром, какого древний город не знал в своей богатой в горе истории: били и секли саблями гонведы-уланы, кололи штыками пехотинцы, били кулаками и камнями евреи, били и свои братья-украинцы чем попало. Улица наполнилась отчаянными стенами и криками. Девушка-гимназистка пала на колени перед статуей, находившейся в углу улицы, и подняла вверх руки:

Божья Мати, спаси нас!

Внезапно к девушке подбежал мадьяр и со всего размаха ударил ее револьвером по голове, а затем выстрелил из него прямо в ее чело. Как подкошенная она упала на землю. Выстрел в девушку был сигналом к кровавой расправе прочих арестованных. Началась стрельба. Брызги крови и мозга летели на мостовую и на соседние стены домов. Из тел изрубленных людей образовалась сплошная масса размозженного мяса. В этой адской бойне были убиты:

1. Мария Игнатьевна Мохнацкая, ученица 7-го класса гимназии;
2. Екатерина Бандровская, крестьянка, мать 4-х детей;
3. Григорий Бодак;
4. Степан Борсук;
5. Николай Лиско;
6. Федор Лиско;
7. Николай Мусит;
8. Евстахий Полегонький;
9. Василий Ружила. Кроме первой, все крестьяне их с. Войткова Добромильского уезда;
10. Илья Артим;

11. Степан Артим;
12. Дмитрий Васевич;
13. Иван Галущак;
14. Дмитрий Кузьминский;
15. Андрей Маркович;
16. Николай Кузьминский;
17. Иван Маркович;
18. Афанасий Гбур;
19. Григорий Мельничук;
20. Андрей Процык;
21. Николай Сивый;
22. Михаил Сокальский;
23. Андрей Тиминский. Все крестьяне из с. Грязовой, Добромильского уезда;
24. Михаил Бохонок;
25. Андрей Павловский;
26. Петр Пилин. Эти крестьяне из с. Нановой, добромильского уезда;
27. Василий Липинский, крестьянин из с. Рудавки, Добромильского уезда;
28. Михаил Дроздовский;
29. Афанасий Мартинишин;
30. Андрей Ружила;
31. Николай Ружила;
32. Василий Ружила;
33. Иван Сидор;
34. Федор Сидор;
35. Федор Сливак. Крестьяне из с. Сеньковой, Добромильского уезда;
36. Андрей Мещак, крестьянин из с. Смольницы, Добромильского уезда;
37. Петр Коваль;
38. Федор Лысейко;
39. Иван Папцю;
40. Михали Губара. Крестьяне из с. Стебника, Добромильского уезда;
41. Степан Микита, крестьянин из с. Щтейнфельс, Добромильского уезда;
42. Андрей Павляк;
43. Прокоп Шимоняк, крестьяне из с. Юречковой, Добромильского уезда;

44. Николай Жолдак, крестьянин Львовского уезда, с. Милошевичи;

45. Иван Махник, крестьянин из с. Грозовой, притворившись мертвым и скрывшись под телами убитых, остался в живых. Также выполз из месива изрубленных тел Степан Борсук.

Так погибли на родной земле крестьяне Галицкой Руси. Одинокая Мария Мохнацкая, 16-ти летняя дочь священника Игнатия Мохнацкого - чистейшая жертва Галицкой Руси. Тот же терновый венец, который украсил ее молоденькую головку, украсил ее брата Феофила - 18-го апреля 1915 года на рынке г. Грибова он, абсолвент гимназии, был повешен на основании доноса резника Нелины и парикмахера Каминского. К этому моменту отец обоих мучеников уже год находился в тюрьме.

Список Перемышльской трагедии найдет читатель в публикации д-ра Адриана Копыстянского: "Всенародный Русский Праздник в г. Перемышле", Львов, 1937 г.

РАССТРЕЛ СВЯЩЕНИКОВ НА ЛЕМКОВСКОЙ РУСИ

Западная окраина Галицкой Руси испокон века заселена горским племенем лемков по Бескидам Западных Карпат и находилась под самым тяжелым обухом австро-мадьярского разбоя. Здесь, после потери восточной Галичины, скопились австрийские "патриоты". От доносчиков кишело. Ввиду того, что этот русский уголок непоколебимо стоял при Руси, то не удивительно, что злоба украинских приверженцев всячески стремилась использовать подходящее для себя время, чтобы избавиться от упрямых русинов-лемков. Доносами занимались не только жандармы, сельские писари и войты, но и учителя, и даже духовные лица. Вскоре, после доносов пособников Австрии, была подвергнута повальному аресту вся русская лемковская интеллигенция: священники, адвокаты, судьи, педагоги, студенты и даже гимназисты, не говоря о крестьянстве обоих полов.

В предыдущей главе кратко сообщалось о том, какое неслыханное горе постигло семью Мохнацких. Такая же трагедия выпала на дом Сандовичей. Семья священника Петра Сандовича, декана Мушинского благочиния, была в близком родстве с

Мохнацкими; его жена Мария происходила из Мохнацких. Православный священник Максим Сандович не находился в родственных связях ни с о. Петром Сандовичем, ни с Игнатием Мохнацким. Это были только однофамильцы и больше ничего. И именно эти одинаковые фамилии навлекли страшную, кровавую месть австрийского террора на всех Сандовичей в пределах Карпатской Руси.

Муки священника Максима Сандовича, православного подвижника в Западных Карпатах, начались уже три года назад до вспышки первой мировой войны. Он происходил из крестьянской семьи, был сыном Тимофея и Христины, проживавших в с. Ждыне Горлицкого уезда. Кроме хозяйства, его отец занимал должность псаломщика при приходской церкви. Окончив 4-ый класс гимназии в Новом Санче, Максим, поступил в Почаевский монастырь на Волыни, а затем в духовную, православную семинарию в Житомире. В 1911 году он был рукоположен там в священники, после чего вернулся из России в родные Карпаты и вместе с женой Пелагией поселился в с. Грабе Горлицкого уезда. Недолго, однако, довелось ему служить среди родных русинов-лемков. Вскоре, по доносу учителя Леоя, в марте 1912 года ,его арестовала австрийская жандармерия и в цепях отвела в львовскую тюрьму.

Как раз накануне войны, после двух лет мучений в стенах сырой темницы, он был освобожден, но уже 4-го августа 1914 года жандармы набросили на его руки железную цепь и вместе с отцом, матерью, братом и женой, после горьких и долгих мятарств, отвели в уездную горлицкую тюрьму. Тернистой и страшной дорогой шли из родного села Сандовичи, и нет таких слов, чтобы рассказать об их скорбях.

Прошло два дня в тюрьме, настало воскресенье, 6 августа. Поднявшись до рассвета с нар, о. Максим отчитал утренние молитвы, три акафиста и глубоко задумался: жена, ребенок, родители и все родное село предстали отчетливо перед его глазами. Неподвижно стоял он у решетки окна, стараясь увидеть кого-нибудь из родных в окне напротив. В тюрьме все они сидели отдельно. Так, никого ему не довелось увидеть. Гробовая тишина нависла над хмурым зданием, и только за воротами был слышен шум толпы.

Что это должно обозначать? Наверное привели новых "шпионов". Может быть это беженцы? Бегут куда глаза глядят, запуганные разными военными страхами, - думал о. Максим.

Вдруг его думки прекратились. Сильный стук в черные ворота. Еще не было шести часов. На тюремное подворье вошел усатый, красный как живодер, ротмистр, немец по имени Дитрих из Линца, с двумя солдатами и четырьмя жандармами. За ним шли тюремные надзиратели, чиновники, офицеры и кучка любопытных дам. Староста Горлицкого уезда, пан Митшка, приказал надзирателю Ножинскому вывести из келии о. Максима.

Наступила тишина.

Из тюрьмы два солдата под руки вели православного священника 28 лет. Он сразу понял - куда его ведут.

- Будьте добры, не поддерживайте меня! Я сам пойду куда нужно, - спокойно и смирно промолвил о. Максим и с достоинством истинного пастыря душ пошел на лобное место своих последних предсмертных мучений. Черная ряса падала с его плеч до ног. Грушевый крест осенял его мужественную грудь.

Шепот толпы, пронизывающий насквозь пронзительными взглядами всю стать "изменника", долетал до его ушей. Но он ступал, как подобает последователю Христа, спокойно, шаг за шагом к роковой стене. Опять наступила тишина.

Последовала экзекуция, как во времена апостолов, экзекуция русского священника на русской земле. Ротмистр Дитрих, герой дня, сорвал крест с груди о. Максима, связал ему руки назад и черным платком перевязал глаза.

"Напрасно вы это делаете, я не собираюсь бежать" - сказал священник.

Ротмистр дьявольски захотел, и мелом начертил на груди рясы священника черту, как прицел для стрелков. Затем он выставил охрану из четырех человек вокруг беззащитного пленника. Вокруг воцарилась гробовая тишина.

Староста Митшка вынул из сумки приговор и зачитал его. Раздалась краткая команда и щелкнули карабины. Эхо выстрела раздалось в закоулках тюрьмы и опять воцарилась гробовая тишина на тюремном подворье, будто на кладбище. И в этой тишине раздался голос о. Максима: "Да здравствует русский народ!; Да здравствует святая, православная вера! - понижая голос продолжал он. Да здравствует славянская идея! - окончил он едва слышным голосом."

Сильный организм о. Максима не сдавался насильственной смерти. Тело его сползло по стене на землю и в конвульсиях корчилось на каменных плитах. Один из жандармов добил

его выстрелом из револьвера. Так умер о. Максим, русский, православный священник.

Геройскую смерть своего сына видели престарелые родители и оба молчали до конца экзекуции. Лишь верная подруга Пелагия безутешно рыдала в тюремной конуре, а когда услышала выстрел, как мертвая, упала на нары.

Конец августа 1914 года канул в вечность под жаркими лучами летнего солнца. 26 августа жара достигла своей вершины. Без серпов и кос клонились к земле хлеба: рожь, пшеница, ячмень, овес. Трава высохла на лугах и в оврагах. Всюду было сухо. Пересохли реки и ручьи, и только у русских людей не высыхали слезы. Безутешно было их горе, ибо их родные погибали по приговору военного суда.

Военный суд в г. Новом Санче работал особенно усердно. 26 августа 1914 года в 9 часов утра перед лицом грозных судей вывели из городской тюрьмы сразу семь “изменников”, среди них благочинного Мушинского округа о. Петра Сандовича, настоятеля прихода в Брунарах, и его сына Антония, студента - философа. Крестьян отвели обратно в тюрьму.

За столом сидела смесь всех народностей Австро-Венгрии: майор-аудитор Мечеслав Бельский, поляк; лейтенант запаса Иван Душа, вероятно русин; оберлейтенант-судья Иосиф Вондрач, чех; оберлейтенант присяжный поверенный Юлиан Фулайта неизвестной национальности. Обвинительный акт прочел Вондрач, протокол писал Душа. Свидетелями были обуреваемые страстью украинизма Михаил Гуцулях, учитель из села Избы; Петр Ключник, пенсионер-жандарм из села Флоринка; Михаил Дороцкий, униатский священник из села Злоцкое и Василий Смолинский, униатский священник из села Ростока Великая. Поступки этих Христовых слуг можно назвать одной бесконечной подлостью по отношению к своим товарищам. Священник Смолинский свидетельствовал, что его декан о. Петр Сандович работал в пользу “российского” народа, т. к. в своих послания писал: “русский народ”. Священник Дороцкий дал показания под присягой, так же, как и Смолинский, что о. Петр Сандович распространял среди лемков летучки какого-то православного епископа Никона, освобождавшего всех русинов-лемков от присяги на верность австрийскому цесарю. Эти летучки разносил по селам сын декана Антон Сандович, что могут подтвердить Гуцуляк и Ключник.

Сколько мерзости и клеветы!

Декан о. Петр Сандович, 56-ти лет, отец 9 детей, видя, что защита просто немыслима, не стал защищаться, а только затребовал показать летучку неизвестного ему епископа Никона. Понятно, что ни суд, ни свидетели не могли удовлетворить требование о. Петра, т. к. такой летучки не существовало вообще и кривая присяга дегенератов была для суда достаточным основанием преступления священника Петра Сандовича. Зато его сын, студент Антоний Сандович, не в силах был молчать. Он смело опровергнул выдумки криводушных свидетелей, фальшивые, бесстолковые выводы следственных судей и не побоялся им заявить, что судить надлежит за злодеяния, а не за идею, веру и историческую правду.

“У меня нет ни малейших причин для того, чтобы скрывать принадлежность к Руси, за которую и смерть мне не страшна. Гибель моего отца и моя, и даже гибель всех русских галичан не в силах спасти такую огромную державу, как Австро-Венгрия. Этот вопрос решит ее армия. История, чистая и правдивая, потребует ответа за все наши жертвы, тем более, что никто из нас не пойман с оружием в руках против австрийской армии. У вас власть судить, потому пользуетесь ею!”

Эти слова молодого студента будто тронули совесть “защитника” Юлиана Фулайта. Он поднялся с кресла, пробубнил ничего не значащую фразу, что даже военный кодекс не предвидит смертной казни и вышел. Председатель суда Мечеслав Бельский объявил смертный приговор именем апостольского величества и приказал отвести обоих приговоренных к расстрелу в тюремную келью. Исполнение приговора последовало 28 августа 1914 года в 12 часов дня. Проходя коридором тюрьмы, студент Антон Петрович Сандович передал весточку в камеру о. Владимира Мохнацкого: “Прощайте, дядя! Идем на смерть!”

Со связанными руками вывели обоих узников через тюремный двор к грузовому автомобилю и повезли за Новый Санч на стрельбище. Высадив их, поставили рядом отца и сына. Священник мысленно углубился в молитву, юноша ловил взором окружающую его природу, желая запомнить каждую мелочь. Напротив них выступили четыре солдата с карабинами. Комендант дал приказ к выстрелу. Отец Петр закрыл глаза. Антон же наоборот, широко раскрыл глаза будто хотел одним взглядом объять всю свою отчизну.

Грянул выстрел, брызнула кровь из груди обоих. Отец и сын упали рядом. Еще не закончились предсмертные судороги

умирающих, а комендант уже повелел бросить теплые тела в свеже выротую яму. Когда же стрельбище опустело, на неопрятную могилу присела маленькая ласточка и прощебетала свою жалобную песенку. А что делала мать, несчастная вдова, с 8-ю детьми? Кто в силах описать это?

В смертном приговоре двум Сандовичам более глубокий смысл имеет то обстоятельство, что обвинительный акт и разбирательство всей судебной комедии согласовал с разными документами и протоколами высокий, как шест, майор Дурак (Durrack), вероятно, немецкий русин. Несомненно, его имя является сборным понятием всех тех одурманенных и добровольных прислужников немецкой Австрии, которые по своей безграничной глупости и партийной слепоте, на смех врагам Славянства, выдавали своих родных братьев иной идеологической ориентации в пасть немецко-мадьярской гиены. Ошеломленные ненавистью ко всему русскому, они разбивали своими баранными лбами черепа своих земляков, проливали невинную кровь, топтали грязными сапогами чистое лицо родной земли, из которой высасывали соки для своей позорной вегетации. Вместе с немцами и мадьярами они устилали трупами своих соотечественников дорогу в ад тем, которые еще оставались в живых.

Сколько горьких рыданий и жалоб бывает у того, кому приходится переселяться из родной хаты в чужую, из родного села на чужбину. Девушка, когда уходит от родной матери к свекрови, заливается безутешными слезами, т. к. знает, что не будет ей так тепло, как среди родных. С какой тяжестью на сердце уезжает обездоленный русин на чужую сторону за море! Это совершенно естественно и не удивительно. Потому, что место рождения, где вырос, узнал мир и людей, срослось с его душой и стало нераздельной частью его бытия.

Мраком черного моря покрылась Галицкая Русь, когда насильственным порядком выбрасывали несчастных людей из родных хижин, из своих хозяйств, сел. От отчаяния сжималось у них сердце. От материнского очага, отчего гнезда прогоняли русских людей чужеземцы и проходимцы, немцы и мадьяры, которые бесправно вторглись на Русскую землю.

Кругом пламенели пожары, высоко поднимался черный дым из соломенных крыш. С визгом скрипели наскоро сколоченные виселицы для людей. Тысячи людей с перевязанными руками, окруженные толпою бешеных собак, жандармов, поли-

цейских, гайдуков, разъяренных солдат и прочих, жаждущих людской крови шакалов, угоняли все дальше и дальше от своих мест на чужбину. Родные Карпаты оставались позади, а впереди черной змеей вилась неизвестная дорога. В записках священника Иоанна Мащака читаем: “Из г. Самбора 6 сентября 1914 года транспорт арестованных был направлен в Венгрию. В Лавочном в вагон влетел фенрих т. е. , прапорщик, и канчуком бешено стал бить по голове священника Северина Ясеницкого. Когда священник заметил, что Бог будет им судьею, Фенрих стал бить его по лицу, а затем всех, кто попадался ему под руку.

В Мароше Лаборе солдаты задержали поезд и палашами избивали людей в каждом вагоне. Без хлеба и воды, в невыносимой жаре и духоте раскаленного дня, и в мрачную холодную ночь удалялись сбитые штыками в одну кучу люди в немецкий и мадьярский ясыр. Куда только их не загоняли! Гнас, Фельдбах, Оберголлябурн, Геллерсдорф, Вена, Мискольч, Штамар - Немети, Эстергом, Будапешт, и один Всеведущий Господь знает, где еще они гнили в подвалах, в сырых погребах и тюрьмах, где они, как черные волы, гнули под ярмом работ свои шеи и хребты.

ТЕРЕЗИН

Г

ород Терезин на Огре, Terezinstadt an der Eger, лежит в роскошной долине Северной Чехии напротив Рудогор, входит в состав уезда Литомерице. За городом притаилась, будто вросла в землю, крепость времен Марии Терезии (Mala Pevnost), обнесенная кирпичными валами и рвами, полными воды.

Это и есть Терезинская крепость, в которой лучшие помещения служили до первой мировой войны казармами для солдат, похоже были тюрьмами и темницами для наибольших преступников австрийской монархии; некоторые стояли совершенно пустыми. И вот 3 сентября 1914 года все казематы, тюремные вязницы и темницы, все конюшни с лошадиным гноем, все коридоры и сырье подвалы наполнились изгнанниками, уроженцами Карпатской Руси. Тысячи галицких невольников загнали немцы в холодные стены, закрыли железными дверьми. Лютие, как тигры, ключники и профосы надзирали за ними. Вооруженные солдаты стояли на сторожевых местах, у ворот, дверей и решеток. Началась тяжелая неволя.

Интеллигентные и простые люди должны были совершенно бесплатно весь день отрабатывать всякие черные работы не только в самой крепости, но и в городе, чистить улицы, каналы, уборные в заразных лазаретах, трудиться в огородах и в поле. В крепость было два входа. На каждом шагу стояли заставы. Бежать было немыслимо. В гнездах вшей, в гное бесчисленных ран и болячек необходимо было вести непрерывную борьбу с болезнями, которые путем проникновения в здоровый организм болезнестворных микроорганизмов могли охватить всю крепость. Все же тысячная громада узников, почти наполовину перемещенная с интеллигенцией, при деятельной поддержке чехов, особенно двух чешек, Анны Лаубе и Юлии Куглер, в скором времени завела в своих тюрьмах лад и порядок, справилась с насекомыми, установила часы для мойки и стирки белья, заготовила из досок нары, короче говоря старалась всячески завести образцовую чистоту.

Но тюрьма оставалась тюрьмою. Не приведи Бог коротать жизнь на чужбине! Чем дольше день, чем тяжелее гнет, тем тяжелее тоска, которая словно сверло насквозь сверлит сердце, словно долото колет грудь на части. Вспомнишь только, что Родину пришлось бросать против своей воли, так и зальешься го-

рячими слезами, зарыдаешь, как малое дитя. Когда же в голову залетит мысль, что не дай Бог, на чужбине постигнет смерть, то сам не знаешь, как успокоить раздраженное чувство.

Не месяц, не два пребывала эта тысяча русских галиchan на чужбине. Как когда-то казаки в турецкой неволе, плакали-рыдали выброшенные из родных мест несчастные невольники в крепостной тюрьме, в объятиях сильного кордона постов. Сквозь решетки смотрели на камни и красные кирпичи, на мутную воду во рвах, на город и Рудогоры, и трудно им было задержать слезы, забыть каменные дороги, когда у них перед глазами мелькали штыки озверевшей солдатни.

*Ой, цисарю, цисароньку,
На що нас карбуешь,
За яку провину в тюрьмах
Мучишь и мордуешь?
Ой, скажи нам цисарьонку,
Чим ми провинились,
За що в мурах и болоти
Ми тут опинились?*

Дальше тюремных стен унылый стон не вылетал. Никто их не слышал. Никто не обращал внимания на вопли арестантов. Они ждали спасения от фронта, но как на зло, война затянулась, и казалось, что конца ей не будет.

Прошло первое Рождество в арестах. С трудом минула зима. Пришла весна - новая надежда на возвращение в родной край, надежда на свободу и волю. Забилось сердце в каждой угнетенной груди исключительно ему одному понятным биением. Между тем все краше одевалась чешская земля в новую зелень. За Огрою в вербах и лозах отзывались грачи. В воздухе потеплело. На лугах и полях зазеленели хлеба, зацвели цветы. Душа так и рвалась на широкий вольный простор, но об этом можно было только мечтать.

Дни шли за днями, ночи за ночами. Наконец пришел Великденъ, т. е. Пасха, первая в немецкой тюрьме. Ранешеньким утром поднялись из своих берлог пахари-крестьяне, чтобы по завету Родины исполнить на далекой чужбине родной, православный обычай и обряд своих предков. Не могли спать спокойно и священники, даже преклонные старики. Наскоро помывшись и одевшись, они высматривали из железных окон, не идет ли с ключами цугефюрер Зельман?

Какое совпадение! Когда-то нашим предкам жил Зельман открывал в Пасху ключами церковь; и его ждали, а увидев его, пели: едет, едет Зельман. Теперь в неволе, в тюрьме, тираном над русским народом стал новый Зельман, словно родной брат старого Зельмана. Уже взошло солнышко, а Зельман ходит себе по двору, заложив руки назад, и побрякивает ключами. Наконец, открываются черные, тяжелые двери, завизжав пронзительным скрипом. Густой толпой, один за другим, изо всех подвалов, конюшен и казематов высыпаются, как пчелы из улья, высохшие, нищие люди, с затаенными стонами и слезами бросаются друг другу в объятия.

ВЕЛИКДЕНЬ В ТЕРЕЗИНЕ

Христос воскресе! Воистину воскресе!

И больше ничего! Сперло дух в груди, слово застряло глубоко в утробе, и нельзя промолвить, лишь слезы льются из глаз. Впрочем, о чем говорить? Хорошо и без этого друг друга понимают.

Тerezинские узники все до одного собрались в двух условленных местах: в длинном, похожем на коридор, загоне находилось большинство крестьян и в каземате № 2 под насыпным кирпичным валом. Тут и там священники отслужили пасхальное заутреннее богослужение, и тут и там, когда раздалось “Христос воскресе！”, послышались глухие, сдавленные рыдания.

Чрезвычайно трогательным было настроение в загоне. Напротив него, в одинокой конурке, днем и ночью освещенной керосиновой лампой, отсиживал свое наказание сербский студент Гавриил Принцип, убийца австрийского престолонаследника Фердинанда. В 9 часов утра он выходил во двор. Когда он переволок свои кандалы на ногах через порог, вся стайня загремела, как удариивший с неба гром, галицкое: “Христос воскресе！” Бледный юноша в сером арестанском платье остановился на ступеньке, и в его глазах засияла радостная слеза. Заметив это, профос, лютый как зверь, толкнул Принципа обратно в камеру, тем не менее связь с богатырем-страдальцем сербского народа была успешно налажена. Осталось еще в этот Великдень установить связь с русскими военнопленными, которые

жили за Терезинской крепостью в особых бараках в поле. Наши студенты на скорую руку составили приветственное письмо и через прачку, ловкую чешку, передали его в лагерь военнопленных. Ответ не пришлось долго ждать; его принес инфантерист - чех, который был одним из часовых около бараков пленных. То-то была радость, когда Владимир Заstryец стал читать письмо, написанное грамотною русскою рукою, проникнутое глубокой верой русской правды над немецкой кривдой.

Настроение духа повысилось. Пошли воспоминания, как там на Родине в Великденъ мать раненько вставала, детей будила, ясные головки чесала, в белые рубашки одевала, приговаривала каждому любо и ласково; как в церкви иконы играли, села, поля и луга приветствовали, как свечи горели и пасхи сияли; как девушки взявшись за руки, кривой танец заводили, старого Коструба хоронили, землю топтали и поганого Зельмана прогоняли. Рассказы лились, как вешние струи. Из всего невысказанного вытекала радость, что в родной стороне иначе солнце всходит, иначе светит, иначе люди живут. Чтобы не осквернять Великденъ, никто не осмелился злословить даже на врагов, загнавших тысячу человек в тюрьму. Все же, как ни старались они забыть и прогнать лихо- горе, не могли поладить с живым сердцем, израненным вражьей рукой и назойливой думой. Ах, эти думы на чужбине, в казематах крепости! Нельзя их удалить из большой головы. Ибо в тюрьме нет зелья, как бы можно горе забыть. Холодный камень не поможет, и думка, как лютая змея, пьет кровь, гложет сердце. Лицо бледнеет, волосы выпадают, и катится слеза за слезою по морщинам и днем и ночью.

Как умно сделал цугефюрер Зельман, выгнав из всех тюрем людей на большой крепостной вал! Словно муравьи облепили его невольники. С четырех сторон охраняли солдаты с винтовками, чтобы никто не осмелился бежать. Вешней благодатью грело солнце. В воздухе было тепло. Жаворонки звенели в голубой синеве. Любопытные мальчики руками передавали привет. Вдали, на широкой площади, густым роем сновали люди. Это русские военнопленные вышли из своих гнилых бараков.

На крепостном валу закипело, закишло. И задумали русские галичане передать братский привет пленным братьям. Выступили вперед запевалы, и Василий Галушка поднял руку. Вдруг загремела на несколько километров в ширь и в даль песня, какой чешская земля не слыхала:

Христос воскресе!

Ответом была та же песня, но более могучая, погнувшая долу зеленые хлеба и всколыхнувшая всю округу вокруг Терезинской крепости:

Христос воскресе!

Понял Зельман, что случилось. Покраснел, как вареный рак, взбесился как палач и, надув со всей силой изрытые оспой щеки, закричал неистовым голосом:

Einrucken!

Вот таким образом был отпразднован Великден на чужбине, в немецкой неволе, в Терезинской крепости, в 1915 году. Несколько дней спустя опустела крепость. Тысячи галичан благодарили гостеприимных чехов, с общим сочувствием прощались с крепостными валами, могилою праведного Федора Рудко, крестьянина из с. Переволочной Золочевского уезда. Его жена - старушка отправилась со всеми под усиленной охраной в худший немецкий ад, чем был Терезин.

ТАЛЕРГОФ

Самым тяжелым ударом по душе Карпатской Руси был, без сомнения, ТАЛЕРГОФ, возникший в первые дни войны 1914 года в песчаной долине у подножия Альп, возле Граца, главного города Стирии. Это был лютейший застенок из всех австрийских тюрем в Габсбургской империи. Что же это за страшный Талергоф?

В дневниках и записках талергофских невольников имеется точное описание этого австрийского пекла. Участок пустого поля в виде длинного четырехугольника, в пяти километрах от Абтиссендорфа и железной дороги не годился к пахоте из-за обилия песка, на котором рос только скучный мох. Под сосновым лесом находились большие ангары для самолетов, за лесом стоял синий вал альпийских гор.

На первых порах эту площадь солдаты отделили деревянными кольями и колючей проволокой. Лагерь охраняли солдаты в полном боевом вооружении, которым приказано было расстреливать каждого, кто приблизится к проволоке. Со време-

нем лагерь Талергоф расширился, т. к. массы пленных со всех сторон Прикарпатской Руси стекались на эту территорию.

Первую партию русских галичан пригнали в Талергоф солдаты грацкого полка 4 сентября 1914 года. Штыками и прикладами они уложили народ на сырую землю. Голое поле зашевелилось, как большой муравейник, и от массы людей всякого возраста и сословий не видно было земли.

Вначале в этой массе черного народа бушевала какая-то зловещая тревога; черной тучей лежала на ней беспокойная тишина, точно после побоища на бранном поле. Затем, когда отошли солдаты первой разъяренной охраны, в гуще народа закишло и заклокотало, будто в бурном потоке ранней весною. Плач и стоны кипели и дрожали от непомерных мук и страстей. Но все телесные муки не могли равняться с душевной горечью и отчаянием ссыльных по случаю потери родного края, отрвавшихся от родных очагов, разлучившихся с детьми и с родителями. В этом временном, казалось бы мертвом застое, в пропасти жалости и тоски, в рабском виде людей, в гное их существования, в тревоге и слезах таилось что-то грозное.

За Талергофом утвердились раз и навсегда название немецкой преисподни. И в самом деле, там творились такие события, на какие не была способна людская фантазия, забегающая по ту сторону света в ад грешников.

В апокрифе “Хождение Богородицы по мукам” говорится, что Мария в сопровождении архистратига Михаила посетила ад в западной его стороне и увидела она площадь, покрытую черным мраком. В болоте лежали грешники, и черви грызли их непрерывно, и страсти, как морские волны, хлестали немилосердно. От стонов, воплей, рыданий там клокотало, как в раскаленном кotle, и в отчаянии причитали обреченные на вечное наказание: - помилуй нас, Праведный Судия!

Так же припадали к земле и молились о помощи и справедливости несчастные мученики Талергофа, но просили напрасно. Никто не слышал их стонов, никто не обращал внимания на их мучения ; зато все надзиратели, вся служба, каждый немец и не только немец, а кто только захочет, каждый солдат мог издеваться над ними самым диким и жестоким способом. Талергофская котловина дышала, как вулкан, протяжным стоном, глухим сетованием.

До зимы 1915 года в Талергофе не было бараков. Люди лежали на земле под открытым небом в дождь и мороз. Счастли-

вы были те, кто имел над собою полотно, а под собою клок соломы. Скоро стебло стиралось и смешивалось с грязью, пропитанной людским потом и слезами. Эта грязь являлась лучшей почвой и обильной пищей для неисчислимых насекомых. Вши изгрызли тело и перегрызали нательную и верхнюю одежду. Червь размножился чрезвычайно быстро и в чрезвычайных количествах. Величина паразитов, питающихся соками людей, была ворища (бесчисленная). Неудивительно поэтому, что немощные не в силах были бороться с ними. Священник Иоанн Машак под датой 11 декабря 1914 года отметил, что 11 человек просто загрызли вши. Болезни и антисанитария оборачивались на каждом шагу смертью.

В позднюю, холодную осень 1914 года руками русских военнопленных талергофская власть приступила к постройке бараков в земле в виде землянок - куреней и над землею в виде длинных стодол с расчетом, чтобы поместить в них как можно больше народу. Это как раз нужно было кровопийцам, вшам, и палачам. Вдоль стен в два ряда были сколочены нары, одни над другими. Таким образом, в одном бараке помещалось более 300 человек. На грязных тела разводились миллионы насекомых, которые разносили по всему Талергофу заразные болезни: холеру, брюшной тиф, дифтерию, малярию, расстройства почек, печени, селезенки, мочевого пузыря, поносы, рвоты с кровью, чахотку, грипп и прочие ужасные болезни.

Кроме нечистоты, эпидемии в Талергофе способствовал всеобщий голод. Немцы морили наших людей по рецепту своей прославленной аккуратности и системы, а бросая кое-что, как собакам, ухитрялись, будто ради порядка, бить палками всех, куда попало. Капралы щеголяли своими знаниями, обучали военной дисциплине, выправке, применяли жестокие приемы при долбежке муштры даже стариков, священников и женщин, которые никогда в солдатах не служили. Не спокойным, разумным словом, а бешеным криком, палкою и прикладом во дворяли часовые "порядок" так, что часто возвращались многие от выдачи постной воды, конского или собачьего мяса калеками.

В голоде и холода погибали несчастные рабы; страшные болезни косили людей бесчисленно. Немощные организмывались, как подкошенные, в мучительной лихорадке и беспамятстве кончали жалкую жизнь, а более сильные срывались ночью с нар и бежали куда глаза глядят, натыкаясь на колючую прово-

локу или на штык , или на пулью и падали замертво. В записках студента Феофила Курилло читаем, что солдаты убивали крестьян за то, что они бежали. Эта неточность записок вполне оправдана, т.к. из ангара в бараки был переход запрещен.

Впрочем, каждый был занят собою до того, что никто не записывал имена жертв, а по прошествии времени все забывалось. Злодеи оповещали каждый день о новых и новых жертвах. Но есть, однако, и достоверные записи: так, священник Иоанн Мащак записал 3 декабря 1914 года, что часовой выстрелил за бараком в перелазившего через проволоку крестьянина. Пуля не попала в него, но убила в бараке Ивана Попика из с. Мединичи, отца 7-х детей. В ангаре солдат заколол насмерть крестьянина Максима Шумяцкого из с. Исаи Турчанского уезда.

В скорбный помяник погибших в Талергофе занесем лучших народных деятелей из длинного ряда мучеников: доктора Романа Дорика, преподавателя бродовской гимназии; основателя и воспитателя бурсы им. Ф.М. Ефимовича, Юлиана Осиповича Кустыновича; профессора перемышльской духовной семинарии, доктора богословия Михаила Людкевича; доктора медицинских наук Михаила Собина; священника Евгения Кущнира из Сторонной; священника Владимира Порошиновича из Щавного; священника Иосифа Шандровского из Мыслятич; священника Григория Спрыса из Дашовки; священника Александра Селецкого из Дошицы; священника Иосифа Черкавского из Соколи; священника Апполинария Филипповского из Подкаменя возле Рогатина; священника Нестора Полянского; священника, доктора богословских наук Николая Малиняка из Славницы; священника Корнилия Литвиновича из Братишева; священника Владислава Коломыйца из Лещан; священника Михаила Кузьмака из Яворника Русского; священника Евгения Сингалевича из Задубровец; священника Николая Гмитрика из Зандовицы; священника Ивана Серко из Искова; священника Иеронима Куновского из Бельча; священника Иоанна Дуркота из Лабовой; священника Михаила Шатынского из Тиравы; священника Олимпа Полянского из Юровец; священника Василия Курдыдика из Черниховец; священника Казимира Савицкого и многих других священнослужителей и интеллигенции. Из многочисленных крестьян, погибших в Талергофе, назовем: Ивана Попика из Мединичи, Ивана Шарого из Щасловки, Степана Шевчука из Ток, Степана Стечина из Поздича, Михаила Дацкого из Кривого возле Радехова, Алексея Гишина из Григорова,

Федора Зубыка из Ветлина, Феодосия Демьянчика из Высовой, Константина Гайдоша из Регетова, Василия Галчека из Лины, Григоря Романчака из Граба, Ивана Спинка из Гладышова, Семена Андрейчина из Устья Русского, Игнатия Банатка из Ропицы Русской, Климентия Бобяка из Ольховца и множество крестьян и крестьянок Прикарпатской Руси.

В народную легенду перешло талергофское кладбище у соснового леса. Эта легенда передается из уст в уста, от деда к внуку, из поколения в поколение о том, что на далекой немецкой чужбине, в неприветливой земле, лежат несколько тысяч русских костей, которых никто не перенесет на родную землю. Немцы повалили уже кресты, сравняли могилы. Найдется ли одаренный Божьим словом певец, который расскажет миру, кто лежит в Талергофе, за что выгнали немцы русских людей с родной земли?

Смерть в Талергофе редко была естественной. Там ее пришивали ядом заразных болезней. По Талергофу триумфально прогуливалась насильственная смерть. О каком-нибудь лечении погибающих людей и речи не было. Враждебным отношением к интернированным отличались даже врачи. Совершенно оправданным убеждением было у всех, что это не спасители-врачи, а мясники без совести, не сестры милосердия, а женщины без сердца, хотя и носили красный крест. С дикой злобой, переходя из барака в барак, с бранью они приближались к больным, боясь заразиться, осматривали людей, тыкая в тело палкой, проверяя таким образом, кто умер, а кто издает еще признаки жизни. В продолжении нескольких часов держали санитары и низший медицинский персонал наших людей на холоде и даже на морозе, заставляя их купаться в студеной воде, причем солдаты издевались над беззащитными людьми, особенно над женщинами, нанося им удары по голому телу тросточками.

Основными лекарствами в Талергофе были вонючая мазь и нафталин, которым бесчеловечная медслужба просто засыпала с головы до ног. Приходилось спать задыхаясь от нафталина. О нормальной пище думать не приходилось: терпкий хлеб, часто сырой и липкий, изготовленный из отходов самой низкоЗ пробной муки, конских каштанов и тертой соломы, красное, твердое, несвежее конское мясо, выдаваемое дважды в неделю по крошечному кусочку, черная вода, самые подлые помои гнилой картошки и свеклы, грязь, гнезда насекомых были причиной

ной неугасаемой заразы, жертвами которой падали тысячи молодых, еще вполне здоровых людей из крестьян и интеллигенции.

Депутат австрийского парламента, чех Юрий Стршибрны 14 июня 1917 года отметил в своей речи, что имеет точные данные от 70-ти талергофцев о том, что в Талергофе мучители зарыли в землю общим числом 2000 мертвцев. Депутат того-же парламента, поляк Сигизмунд Лясоцкий лично собрал ведомости о Талергофе на месте неслыханных злодеяний и подчеркнул в своей речи 12-го марта 1918 года, что в Талергофе до 20 февраля 1915 года лежало 1360 тяжело больных, из которых 1100 умерло в страшных условиях. В то время возникло 464 заболевания пятнистого тифа, как результат сильного голода и нечистоты. В продолжение полутора лет вымерло 15% талергофцев, т.е. свыше 3000 галичан и буковинцев.

Сначала в Талергофе не было больницы. Люди умирали на сырой земле. Когда-же были построены больничные бараки, то лечение больных превратилось в сущее мучение. Единственный врач заслужил общую любовь пленных, арестант доктор Владимир Могильницкий из Бучача, который, как отец своей заботой и неустанной работой отогревал души измученных людей. И днем, и ночью он посещал больных любой национальности. Большим авторитетом и уважением пользовался священник Владимир Венгринович, видный галицко-русский деятель. Пренебрегая неприятностями со стороны тюремных надзирателей, не обращая внимание на заразные болезни, он шел от барака к бараку и напутствовал умирающих добрым словом.

Бывали случаи, что санитары и сестры обкрадывали того, у кого приметили припрятанный грош. Грабеж и обман в Талергофе были без границ. Дошло до того, что продавщица в буфете Юлия Дувал продавала в 20 раз дороже, чем полагалось в розничной торговле. За грабеж она была даже приговорена к месячному заключению в Граце. Оправдывалась она тем, что арестанты целовали ей руки за картофель, и это неопровергjимо свидетельствует о страшном голоде в талергофском лагере, особенно среди крестьян.

Для запугивания людей, в доказательство своей силы, тюремные власти по всей талергофской площади повбивали столбы, на которых довольно часто висели в невыносимых мучениях и без того люто потрапанные мученики. Поводом для подвешивания на столбе были самые ничтожные провинности, на-

пример, поимка кого-либо курящего в бараке ночью. Кроме мук на столбе были еще и железные кандалы, из-под которых кровь капала. О справедливости в Талергофе говорить не приходилось. Власти придерживались правила, что “изменников” следует бить по лицу, колоть штыками, убивать свинцовой пулей, сквернословить, попирать достоинство человека, издеваться хуже, чем над скотом, постоянно. Не было даже исключений для женщин и священников.

Большую книгу можно бы написать о нечеловеческих издевательствах немцев. 27 марта 1915 года священник Иоанн Машак записал: Профос вызвал 5-х женщин и заявил им, что по очереди пойдут в одиночную коморку. Одна из них улыбнулась, за что профос подвесил ее на столбе. Слабая женщина терпела муки, какие не в силах вытерпеть иногда крепкий солдат. Феофил Курилло рисует такую картину: 30 изнуренных и высоких скелетов силятся тянуть наполненный мусором воз. Солдат держит в левой руке штык, а в правой палку и подгоняет ими “ленивых” людей. Пленные тянут воз и еле-еле продвигаются, ибо сил у них не хватает. Талергофскими невольниками в жаркое лето и в морозную зиму, избивая их прикладами, выпрямляли свои дороги, выравнивали ямы, пахали поля, чистили отхожие места. Ничего им за это не платили, а только ругали их русскими свиньями. В то же время вожди украинской партии во главе с разными Левицкими, Трилевскими, Ганкевичами, Барвинскими, Романчуками были тиранам поклоны и пели Австрии дифирамбы.

На 61 странице IV выпуска “ТАЛЕРГОФСКОГО АЛЬМАНАХА” (1932) воспроизведена оригинальная картина: священник, в длинной рясе, в черной шляпе, везет в тачке перепуганного жидка; за священником следует солдат. Не выдумка ли это, не фантазия? Нет. Это прискорбный факт, описанный священником Генрихом Полянским и украинцем Василием Маковским, которым “добрая” слава австрийского солдата была очень близка к сердцу.

Случилось так: священник читал молитвы из молитвослова. К нему подбежал солдат и, ударив кулаком по книге, крикнул: - читать запрещено! - Сегодня у нас рождество БОГОРОДИЦЫ, - ответил спокойно священник. - У собак и изменников нет БОГОРОДИЦЫ; у них есть только собачья мать! - заорал солдат и приказал священнику возить тачками гной, затем, на потеху еврея, потешившись этой шуткой, он велел еврею везти

священника в грязной тачке к гнойной яме и сбросить его туда вместе с мусором.

Еще пример немецкого цинизма: умер крестьянин буковинец. Как известно, все буковинские русины - православные. В барак, где сидели православные священники, пришли два солдата и спросили: - есть ли здесь русские, некатолические священники. Вышли двое пожилых пленных. Солдаты запрягли их вместо лошадей и возили на них огромную бочку с водой. Старики, заливаясь горячим потом, падали от усталости на землю, но немцы на это не обращали внимание, били их прикладами, подгоняя вперед.

Еще один сюжет из жизни концлагеря. Однажды в барак пришли солдаты, спрашивая, есть ли женщины, знающие чужие языки. К неожиданному и превеликому своему горю вызвались четыре интеллигентные женщины. Солдаты завели их в прачечную и приказали стирать солдатские тряпки. Окружив их со всех сторон, они поносили их такими словами и шутками, какими не щеголяет ни один уличный хулиган. Один из "героев" принес подштанники и обратился к одной даме: - Гнэдиге Фрау, мои подштанники постарайтесь выстирать по-русски. Солдатня, заполнившая прачечную густою толпою, подняла адский хохот. Выполз второй "герой" и, бросив грязное и вшивое тряпье, повелел: - Мадам, мои подштанники вы должны выстирать по-французски. По-русски не хочу, т.к. русские самые большие мошенники в мире. И опять бешеный хохот, и опять скверная брань.

Заливаясь горькими слезами, интеллигентные женщины полоскали немецкую вонючую грязь до поздней ночи, а солдатня угощала их своими бесстыдными остротами и насмешками. Положение было тем печальнее, что все обращения, жалобы, просьбы в адрес команд лагеря в Грац и Вену, на имя папского нунция и цесаря оставались без ответа.

Исходя из ложного понимания патриотизма, вся власть в Талергофе, от наивысших до маленьких гайдуков, обходилась с людьми самым жестоким и немилосердным образом: их били палками, канчуками, тросточками, прикладами, кололи турецкими ножами и штыками, плевали в лицо, рвали бороды, короче говоря, обращались хуже, чем с дикой скотиной. С каждым днем муки заключенных усиливались, удестиялись и в плоть и в кровь внедрялись в брошенных на погибель людей. Иногда, время от времени, вызывали для допроса в Грац кого-нибудь из

интеллигенции, и по правилам инквизиции следственные судьи выпытывали о настроениях и взглядах заключенных на Австрию.

Среди низшей службы особенно был лютым капрал, прозванный талергофскими узниками “рудым псом”. На своей черной совести он имел несколько убийств. О его злодеяниях говорил в австрийском парламенте выше названный чех Стршибрны. Из высших сатрапов Талергофа отметим прежде всего коменданта обер фон Штадлера. Этот тупой, едкий, ехидный Нерон, со всеми признаками дегенерата вступил в исполнение своих обязанностей по всем правилам военного диктатора: он велел оседлать себе коня и через ворота с австрийскими флагами и двуглавым орлом, с нагайкой в руке, въехал в гущу гелотов и париев. Как всесильный деспот, он грозно посмотрел на вверенный ему народ. Когда к нему приступили выборные и доложили, что в лагере свирепствует голод, что пленники тысячами умирают без медицинской помощи, что без одежды, обуви, мыла, свежей соломы, бани, света, печей в бараках жить невозможно, он весь посинел от злобы и гневно закричал:

- Марш! Для изменников у меня есть только свинец и штык.

Затем он въехал в барак, где скопилось много народа, на коне. Эта была наивная, глупая выходка зазнавшегося австрийского офицера, к тому же еще и рыцаря фон-Штадлера, который на конкретные жалобы интеллигентных людей не умел ничего лучшего ответить, как “Марш!”. Своим некорректным поведением он выпустил управление над своими чиновниками и они безнаказанно издевались над пленным народом, зная, что высшая власть не приведет их к ответу даже за самое гнусное злодеяние.

Но пакости немцев не могут сравниться с издевательствами своих соотечественников. Бездушный немец не мог так глубоко понять душу русина-славянина, как тот, который назвал себя украинцем, вроде официала полиции г. Перемышля Тимчука - интригана, провокатора, доносчика, раба-мамелюка, все в одном лице, который выражался о родном народе, как о Mistvieh, т.е. как о скотине. Он был правой рукой палача Пиллера, которому доносил на арестованных. Однако Тимчука перещеголял в этом деле украинец-панович Чировский, оберлейтенант австрийского запаса. Этот фаворит и любимчик фон-Штадлера, ничтожество, вылезшее на поверхность Талергофа благодаря своему угодничеству немцам и тирании над своими

соотечественниками, появился в нем весною 1915 года. Все невольники Талергофа характеризуют его как профессионального мучителя и палача.

Чировский был небольшого роста, на вид грубый, коренастый мужчина, заплыvший жиром, с широким лицом, рыжей бородой и такими же усами, с толстым носом, на котором висело большое пенсне, удерживаемое сжимающей пружинкой. Он ходил дробным шагом, вприпрыжку. В левой руке он носил сверкающую саблю, в правой держал тоненькую трость. Входя на территорию лагеря, он как гончая собака вынюхивал носом, заглядывал во все дыры и щели, чтобы поймать кого-нибудь за “нарушение закона” и отвести в одиночную камеру. Поймав жертву, он потирал руки от радости, топтался на одном месте, хихикал, предвкушая экзекуции над “провинившимися”. Излюбленным занятием Чировского в Талергофе было производить частые ревизии в сумках, чемоданчиках и тюфяках. Переводить людей из барака в барак, по несколько раз в день сдавать “рапорты”, выводить людей на работы под усиленной охраной.

В “Записках” священника Генриха Полянского читаем о пронырствах Чировского такую заметку: “Дали нам нового настоятеля, поручика д-ра Чировского, с виду только гладкого и масленного. Ох, он уж знал, как за нас браться! Утром в 6 часов - подъем; в 9 вечера - отбой. Несколько раз приходил Чировский на осмотр утром, а застав кого под одеялом, особенно женщин, срывал одеяло, грубо выкрикивая, поднимались крики и плач, так как часто матери с маленьными детьми, которые ночью не давали им спать, засыпали утром, а это ужас как раздражало Чировского”. Во время военного хаоса он всеми силами старался набить свой карман чужой монетой. Была это продажная шкура и шарлатан с бесстыдным языком. Народ, из которого он вышел, не представлял для него ни малейшей цены. Партийный шовинизм не знал у него ни меры, ни границ.

Дьявол в людском облике! Чировский был специалистом от немецкого “Анминден”, он извлек огромную пользу по случаю набора рекрутов в армию в то время, когда студенты называли себя русскими. Это злодеяние взбесило украинца, австрийского лейтенанта запаса до того, что он потребовал военного суда над студентами. В канцелярии лагеря он поднял страшный шум, спровоцировав всех офицеров и капралов, и, обрадованный этим фон Штадлер стал вызывать студентов на допросы. Но ни один из них не отступил от раз сказанного, хотя Чиров-

ский со своими сторонниками очень злился, так что даже угрожал кулаками.

Не помогло! Студенты твердо стояли на своем и были готовы на большие жертвы за имя своих предков. Их конфликт закончился тем, что фон Штадлер всех приговорил к трехнедельному заключению в одиночных конкурах под усиленной стражей и усиленным постом, а после этого на два часа “Анбинден”. Понятно, что экзекуцию подвешивания исполнял сам Чировский по всем правилам военного времени. Каменного сердца выродка не тронули ни слезы матерей, ни просьбы отцов, ни обмороки, ни кровь юношей, у которых она пускалась из уст, носа и пальцев.

Пришла, однако, пора, и поскользнулась крепкая ножка пана Чировского. Будучи жадным на деньги, он пускался в большие злоупотребления и хитростью обманывал наивных, обещая им свободу при помощи “украинской комиссии” в Граце во главе с доктором Иваном Ганкевичем, зятем Кости Левицкого. Тут и пришел конец оберлейтенанту. Немцы поймали его на мошенничестве, бросили в тюрьму, разжаловали из офицера в простого солдата. В Талергофе все говорили, что досталось ему по заслугам!

Черная физиономия Чировского перешла в историю мартирологии претерпевших страдания галицко-русского народа. Ни один украинский адвокат, ни один украинский “писменник” не в силах обелить его. Хуже немцев топтал он чувства своих земляков, и все “ад майорем Австрие гlorиям” будто бы для Украины. Вышедши из того же народа, что и мученики Талергофа, он знал куда ударить, как добраться до живого сердца и сделать жизнь в тюрьме еще более невыносимой. Варварство его дошло до того, что он велел на могиле под соснами уничтожить православные кресты, доказывая немцам, что в этих крестах таится символ русской веры и русской идеи.

Но довольно о Чировском!. В другой раз кто-то лучше и больше меня расскажет о нем и Талергофе, площадь которого можно приравнять разве к арене большого нероновского цирка, где погибали невинные христиане и гладиаторы, которые идя на смерть должны были прославлять тирана словами: здравствуй цесарь, умирающие приветствуют тебя! Так и наши люди, высохшие от голода и побитые штыками, должны были проявлять свое верноподданство угнетателю славян. По приказу посланного в Талергоф священника-украинца Карняка участники

литургии, в часовне, должны были петь: “Боже, буди покровитель цесарю и его краям” и кланяться немецким идолам.

Последствия Талергофа были ужасны: 3000 пошло на вечный отдых под сосновый лес; сотни пали от побоев и больше не поднялись, многие сошли с ума, другие лишились зрения и остались калеками на всю жизнь. Для примера укажем на двух священников: о. Бакович сошел с ума под влиянием мании преследования. Его обвинили в том, будто он на исповеди склонял своих прихожан не стрелять в русских. Священник Игнатий Гудима, сидевший два года в тюрьме накануне войны, был вторично арестован по доносу законоучителя Софрана Глебовичского в начале войны, вышел из Талергофа умалишенным. Вполне справедливо крестьянский поэт Иван Федоров Федоричка называет Талергоф “ямою Даніила”, де миж звирями погибав русский чоловик, де неправда ясну правду роспинала на хрести, де за наш хлиб, добро, за дань крови и монети видплатилися багнетом и кольбою пид ребро”.

Муки в Талергофе продолжались от 4 сентября 1914 года до 10-го мая 1917 года. В официальном рапорте фельдмаршала Шлеера от 9 ноября 1914 года сообщалось, что в Талергофе в то время находилось 5700 руссофилов. Из публикации Василия Маковского узнаем, что осенью того же года там было около 8000 невольников. Не подлежит, однако, сомнению, что через талергофское чистилище и горнило прошло не менее 20000 русских галичан и буковинцев. Администрация Талергофа считала только живых, на умерших не обращала внимание, а число их, как выше сказано, было все-таки внушительным. Талергофский лагерь постоянно пополнялся все новыми и новыми партиями заключенных из-за наступления русской армии. Не было в русском Прикарпатье села или семьи, не пострадавших от захватчиков. Мало того! Не редким явлением в 1914 - 1915 годах были массовые аресты целых селений. Кажется, что 30000 будет не полной цифрой всех жертв в пределах Галицкой Руси. Украинские хитрецы и фальсификаторы истории пускают теперь в народ всякие блахманы, будто в Талергофе мучились “украинцы”. Пусть украинцы, но украинцы типа Зубрицкого, Наумовича, Гоголя, которые Прикарпатскую Русь, Волынь, Подолье и Украину считали частями Русской Земли. Горсточка “самостицных” украинцев, которые в военном замешательстве, по ошибке или по доносам своих личных противников, попали в Талергоф, очень скоро, благодаря украинской комиссии в Гра-

це во главе с д-ром Иваном Ганкевичем, получили свободу. В бредни украинских подлогов никто не поверит, ибо как могли в Талергофе томиться украинцы за украинскую “идею”, когда Австрия и Германия создали самостийну Украину?

Старый грешник Кость Левицкий, припертый к стене д-ром Д.А.Марковым и д-ром И.А.Андрейко, приговоренными к смерти венским военным трибуналом, договорился до того, что культ талергофских мучеников среди галицко-русского народа является выменой на другой грош русской идеологии. Ой, сильно Кость ошибается и неправду говорит в живые глаза тем, которые по его же вине претерпели Талергоф. Будущий историк Прикарпатской Руси соберет все ее слезы и как жемчужины нанижет на терновый венок ее мученичества. Он вынесет свой справедливый приговор. Сегодня еще не пора, но уже большинство галицкой общественности понимает, что партийная слепота в одном и том же народе создает страшную вражду, плоды которой низводят человека на степень бесчувственного животного: донос, клевета, кривая присяга, издевательство становится его насущным и повседневным хлебом; ни мать, ни отец, ни брат, ни сестра, ни сосед, ни приятель не имеют для него значения, т.к. его месть и злоба не знают границ.

Во время войны много, очень много таких извергов вышло из галицкого народа; и этот прискорбный факт больше всех ран. Свихнутые единицы из евреев, немцев, поляков нас не удивляют, но как же печально, что в галицко-русском народе австрийский сервилизм и дух рабства толкнул брата на брата. Из бесконечного числа известных и не известных доносителей и провокаторов первое место заняли, в силу своей профессии, жандармы. Самыми свирепыми были:

1. Онуферко - в селах Кривче и Крецов добромильского уезда издевался над крестьянами, доносил на них, арестовал многих. Т.А. 1, стр. 46.

2. Процев - комендант жандармского поста в Речице Рава Русского уезда, арестовал русских крестьян и всех священников в околице. Т.А. 1, стр. 117.

3. Пушкарь - свидетель в процессе С.Ю.Бендасюка, немилосердно избивал православных крестьян в с. Залучье снятинского уезда. Т.А. 1, стр. 138, 139.

4. Щур - вымешал на крестьянах с. Переволочной золочевского уезда и нескольких выслал в Талергоф. Т.А.П. стр. 15.

5. Когут - бесился на Лемковской Руси.

6. Грицак - там же наводил ужас на жителей.
7. Гергелевич арестовал многих.
8. Слободян - тянул в тюрьму всех русских лемков.
9. Ключник - присягнул криво на декана Петра Сандовича. Т.А. 1, стр. 179.

Совместно с жандармами шли в ногу сельские старосты, начальники и их писари и редкие из них исполняли свой долг честно. Большинство из них было на побегушках уездных старост, такие как:

10. Левицкий Иван - староста с. Григорова рогатинского уезда Т.А. 1, стр. 120.

11. Клуб Михаил - писарь с. Каменки-Липника Рава русского уезда. Т.А. 1, стр. 115.

12. Кузьма Андрей - староста с. Мыцовой сокальского уезда. Т.А. 1, стр. 142.

13. Слюзарь Михаил - староста с. Сосницы ярославского уезда. Взяв себе в помощь Михаила Кушнира и Панька Василину, жестоким способом расправился над своими односельчанами. Т.А. 1, стр. 172.

14. Кецко Иван - писарь с. Манаева зборовского уезда, заносил в свой список русских не только своего села, но и окрестных деревень.

Читатель поймет, что жандармы, начальники волостей и писари делали каинову работу в силу своих обязанностей, чтобы заслужить благоволение, милость, похвалу от своих высшихластей. Поэтому можно до некоторой степени простить им их вину, но каинова работа галицко-русской интеллигенции достойна самого строгого публичного осуждения. Между доносчиками учителями были отвратительные типы:

15. Шерстило Иван из с. Сулимоса жолковского уезда. Т.А. 1, стр. 57.

16. Краевский Лука, с. Таданье каменского уезда. Т.А. 1, стр. 69.

17. Коблянский, с. Корнич самборского уезда. Т.А. 1, стр. 126.

18. Горошко, с. Сосница, ярославского уезда. Т.А. 1, стр. 172.

19. Команий, с. Гладышов горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.

20. Перейма, с. Ропица Русская горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.

21. Гуцуляк Михаил, с. Избы горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 196.
22. Гусак Антон, с. Мохначка грибовского уезда. Т.А. 1, стр. 191.
23. Нищота, с. Снетница грибовского уезда. Т.А. 1, стр. 191.
- В документальной части Талергофского Альманаха (вып. 1-й) находим характерный донос плацкоменданту во Львове, в котором доносчик:
24. Божиковский Алоизий пишет, между прочим, следующее: “Питая безграничную симпатию к австрийским вооруженным силам, обращаю внимание высокого плацкоменданства на каноников-московофилов львовского митрополичьего капитула, имеющих в своих квартирах много компроментирующего материала. Фамилии этих священников: о. А. Билецкий, о.М. Пакиж, о. А. Бачинский, о. Д. Дорожинский, известны российской охране, с которой они вели переписку до последнего момента”. Т.А. 1, стр.27, 28.
- Весьма трагическим и даже непонятным явлением 1914 года было то, что священники, проповедники любви к ближнему и всепрощения, нашлись в рядах доносчиков:
25. св. Соколовский Виктор, с. Молотов бобрковского уезда. Т.А. 1, стр. 26.
26. св. Костишин Евгений, м. Глиняны перемышльского уезда. Т.А. 1, стр.97.
27. св. Крайчик Николай, с. Маковиска ярославского уезда. Т.А. 1, стр. 167.
28. св. Менцинский Емельян, с. Маластов горлицкого уезда Т.А. 1, стр. 179.
29. св. Подлящецкий Петр, с. Гладышов горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.
30. св. Заяц Гнат, с. Мацна Великая, горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.
31. св. Говда Александр, с. Боднарка горлицкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.
32. св. Дороцкий Михаил, с. Злоцкое новосандецкого уезда. Т.А. 1, стр. 179.
33. св. Смолинский Василий, с. Ростока Великая новосандецкого уезда. Т.А. 1, стр. 191.
34. св. Гринчук Иван, с. Матиева новосандецкого уезда. Т.А. 1, стр, 191.
35. св. Петрушевич Стефан, с. Колосов радеховского уезда. Он лично требовал в жандармской управе очистить его село от “кацапов”. Т.А. 1, стр. 118.

36. св. Глебовицкий Софон, законоучитель в бродовской гимназии, настойчиво требовал от уездного старосты Де-Лежа, чтобы велел арестовать всех русофилов в городе и уезде.

Наибольший успех, достигнутый в состязаниях доносительства, имели горе-политики руководителей украинской партии в Галичине, все депутаты венского парламента и галицкого сейма, все "мужи доверия", адвокаты, агитаторы:

37. Д-р Кость Левицкий, председатель парламентского клуба, львовский адвокат, свидетель на венских процессах, автор многочисленных устных и письменных доносов.

38. Василько Николай, австрийский барон, глава буковинского украинского парламентского клуба, был грозою на Буковине еще накануне войны.

Доносами были заполнены все газеты украинских партий и в Галичине, и в Буковине, особенно "Діло" и "Свобода" занимались этим аморальным ремеслом и были информаторами австро-германской полиции и военных штабов. Несчетное количество явных и анонимных доносов сыпались туда, и на основании этих заведомо ложных депеш, падали жертвой совсем неповинные русины не только со стороны немцев и мадьяр, но и от рук своих земляков. Так украинские "Січовики" набросились в Лавочном и Карпатах с прикладами и штыками на транспорт арестованных, чтобы переколоть ненавистных им "кацапов", хотя там не было ни одного великоросса, а все были галичане, такие же как и "січовики". К сожалению эти стрелки, прославляемые украинскими газетами как народные герои, не дооценивали положение своей отчизны. Они избивали родной народ до крови, отдавали его на истребление немцам, чинили самосуд над родными.

Когда "січовики" конвоировали арестантов из бриgidской тюрьмы на главный львовский вокзал, то бесились до такой степени, что 17 крестьян и священников пали на мостовую и их отправили в больницу. "Січовики" добровольно врывались в тюрьмы. Один из них Шаповалов в Яворове издевался над мещанами, состоящими советником полиции. В с. Гнилой турчанского уезда "січовики" самовольно производили аресты, гоняли людей и подвергали их разного рода издевательствам. Вместо того, чтобы взять под защиту своих братьев перед собирающимся людской толпой, они сами пособляли врагам Руси и, конечно, Украины, нести раны и смерть родным братьям. Можно ли это назвать патриотизмом? Здоровое

ли это явление - хотя бы “січова” песня, записанная крестьянином с. Кутище бродовского уезда Петром Олейником?

*Українці путь, гуляють,
А кацапи вже копають.
Українці путь на гофи,
А кацапи в Талергофі.
Де стоїт стовп з телефона,
Висит кацап замість дзвона
Уста йому посинили,
Чорні очі побіліли,
Зубы в крові закипіли,
Шнури шию переіли.*

Это смакование в братской любви вызывает отвращение от таких “героев”. К сожалению, еще и теперь их полно на нашей убогой земле. Еще и теперь пугают и угрожают Талергофом и кровавой расправой. В 32 номере “НОВОГО ЧАСА” (Львов, 11.2.1934) какой-то кандидат в палачи кличет: “Наши недобытки “русских” заворушились, и саме на це треба звернуты увагу и цього не легковажити, але з корнем выполювати хабузя, яке тильки завдяки наший добродушности (!?) все таки до тепер не щезло”.

Стой, братец! Напрасно вопиши! Запугать тех, которые в ожидании смерти томились в гарнизонных арестах и в Талергofe претерпели “Анбинден” Чировских невозможно. Здесь не угроз, но чего-то другого нужно. Следует обратиться к народной мудрости. Старые слепцы-лирники поют прекрасную думу про бурю на Черном море. Однажды казакам угрожала гибель в грозных, всколыхнувшихся волнах моря. Атаман призвал всех в лодке к исповеди грехов. Выступил Алексей Попович, который признался, что не почитал ни отца ни матери, ни брата ни сестры, что смеялся над материнской молитвой, что конем топтал старых и малых, и теперь жалеет, что творил такие мерзкие дела. И чудо! После исповеди и покаяния грешника утихла буря на море. Честные граждане, не имеющие запятнанных рук братской кровью, должны осудить угнетателей и палачей родного народа, а все, кто приложил свои руки к нечистому делу, должны показаться со всех своих вольных и невольных прегрешениях.

Наконец, спросим: за что шли на муки и в Талергоф русины Прикарпатья?

Все славяне, жители Австро-Венгрии предчувствовали ее распад. В предсмертной агонии ее правители, все ее власти становились без меры лютыми и всю свою злость изливали на славян. До некоторой степени этот поступок разлагавшегося организма оправдан, хотя был насквозь ненормальным и неморальным. Разбитая параличом Австро-Венгрия хотела, чтобы хорват был врагом серба, чтобы словак ненавидел чеха, чтобы поляк наступал на русина, чтобы русин отказался от Руси. Однако какой нищей была бы душа, когда она отказалась бы по чужому приказу от имени, за которое пролито столько крови? Это означало бы, что такой народ скоро и легко пристал бы к господствующему народу и к каждому, кто его лишь достал бы под свою руку. Это означало бы процесс его дегенерации. К счастью, на удочку пошла только часть галицко-русского народа. Более критические умы скоро убедились в том, что украинская пропаганда на Галицкой Руси - это чужая петля на ее шею. Они не поверили в обман, будто уже древний греческий историк знал Украину, будто Украина древнее Руси, будто Украина и Русь одно и то же. Они заглянули в летопись Нестора и ничего в ней не вычитали про Украину, зато узнали "откуда пошла есть земля Русская". Они внимательно прочли "Слово о полку Игореве" и не нашли в этом удивительном памятнике XII ст. ни одного слова про Украину, но нашли Русь от Карпат, от Галича до Дона и Волги, от Черного моря до Немана. Они должны были признать темной клеветой, будто князь Владимир Святославович княжил на Украине, а не на Руси, будто князь Ярослав Владимирович собрал законы в украинскую, а не "Русскую правду". Перебирая памятник за памятником, они пришли к заключению, что аскет Иоанн Вишневский, писатель XVII ст., обращал свои высокоидейные послания к Руси и защищал славяно-русский язык, который ярые украинцы совсем отюрасывают, что Зубрицкий, "русская троица" Вагилевич, Шашкевич и Головацкий, Дедицкий, Гушалевич, Шараневич, Наумович, Залозецкий, Хиляк, Мышковский, Мончаловский, Полянский, Яворский, Свистун, Вергун, Марков, Глушкевич, Бендасюк и много других галицких историков и писателей завещали своим потомкам Русь, как наибольшее сокровище.

Зашитники Руси нашли самую сильную опору в массах галицкого народа. Крестьянину трудно было сразу перекреститься с русина на украинца . Ему тяжело было потоптать то, что было для него святым и дорогим. Еще тяжелее было ему по-

нять, почему украинские профессора как - то туманно, хитро и блудно меняют Русь на Украину и путают одно имя с другим. Всем своим существом народ осознал, что творится неправда, фальшь, измена, тем более, что предводители украинской затеи явно и открыто перешли на сторону немецкого и мадьярского террора в злыдни войны. Для народных масс непонятна была проповедь звериной ненависти к "москалям", т.е. великоруссам. Верной интуицией, непосредственным восприятием угадывали и чувствовали родство с ними, как и с белоруссами, считая их самыми близкими племенами своей малорусской народности. Чем сильнее был напор на Русь, тем упорнее становилась ее защита на Карпатах. За Русь на виселицы, на расстрелы, на издевательства и муки в Терезине, Талергофе, Вене и других вязницах и концлагерях Австро-Венгрии шли тысячи за тысячами, и страдали, и умирали за русскую веру своих предков, за русскую церковь, за русскую икону, за русское слово, за русскую песню, за русскую душу, за русское сердце, за русскую волю, за русскую землю, за русскую честь и совесть.

Вот за какие святыни падали головы в руки палача! Вот за какие идеалы шли тысячи на чужбину в лютейшие таборы смерти! Перед этими именно святынями и идеалами низко клонило и всегда будет низко клонить головы насаждение Прикарпатской Руси. Об этом свидетельствуют лучше всего многочисленные, ежегодные поминки и тризы на могилах жертв террора, многочисленные памятники на курганах в галицко-русских селах, обильные пожертвования на величавый памятник на Лычаковском кладбище во Львове с надписью "Жертвам Талергофа - Галицкая Русь", все новые и свежие статьи, очерки, воспоминания, рассказы в поэзии и прозе, посвященные страшному, кровавому лихолетью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основным способом для познания зверств австро-мадьярской военщины в предслах Прикарпатской Руси остается до сих пор “Талергофский Альманах” в 4-х выпусках, Львов, 1924-1932, с прекрасными вводными статьями д-ра Ю.А. Яворского “Галицкая Голгофа” и М.А. Марко “Виновники и мучители”. Это ценное издание содержит в себе множество документов, бросающих свет на произвол и разгул австро-мадьярского режима накануне и во время первой мировой войны.

2. Андрейко И.А. - Венские процессы . “Русский Голос”, Львов, 1934, № 1.

3. Андрейко И.А. - Из Талергофа в Вену. (Воспоминания по случаю 20-летней годовщины). “Русский Голос”, Львов, 1935, № 17.

4. Андрейко И.А. - От родной лемковщины по Талергоф. (Крестный путь из Тылича через Мушину, Новый Санч, Талергоф в Вену). Воспоминания. Рукоп.

5. Андрейко И.А. - Второй венский процесс о государственной измене против русских галичан и буковинцев (1915-1917 г.г.). Воспоминания. Ч. вторая. Рукоп.

6. Андрусяк М. - Глумление в Талергофе. “Діло”, Львов, 1933, № 184.

7. Андрусяк М. - Галицкое москофильство і Талергоф. “Діло”, Львов, 1933, №№ 231-234.

8. Андрусяк М. - Галицкая болячка. “Діло”, Львов, 1993, № № 231-234.

9. Аскольдович. - Мученики. “Правда”, США, 1924.

10. Ауслендер Виталий. - Талергоф. (Галицкая Русь перед войной. - Война объявлена! - Русские галичане - “это российские шпионы”. - Мадьярские виселицы. - Аресты. - Лагеря для интернированныхъ. Украинская опека. - Сотрудники австрійского генштаба. - Могилы Талергофа. - Свобода. - После Талергофа. - Культ Талергофа. - Борьба за Талергоф). “Русское Слово”, Варшава-Вильна, 1934, № 123.

10 а. Беляев В. - Граница в огне. Киев, “Советский писатель” 1950. (Реминисценции о талергофцах въ с. Скоморохи сокальского района).

11.Бендасюк С. Ю. - Памяти о. Максима Сандовича. “Воскресение”, Львов, 1935, № № 1, 2; 1936, № № 1, 2.

12.Бендасюк С. Ю. Речь на торжестве памяти о. Максима Сандовича въ с. Чорном, горлицкаго уезда, 9-го сентября 1934 года. Варшава, 1935.

13.Билинкевич И.- Принчич. (Воспоминание из Терезина. “Русский Голос”, Львов, 1923, № № 41, 42.

14.Билинкевич И. - Звонарь Матвей. “Временник”, Львов, 1925.

15.Билинкевич И. - Из “хождений по мукам”. (Воспоминания о конфинации (заточении) въ Оберголлябрунен возле Вены в 1915 г.). “Временник”, Львов, 1926.

16. Билинкевич И. - Талергоф. (Сцен. Карт.). “Наука”, Львов, 1929.

17. Д-р Богатырец К. Д. - Защитительная речь и последнее слово перед венским военным судом в процессе о государственной измене (1915-1917 гг.).
18. Д-р Богатырец К. Д. - Картины австро-мадьярского террора ввиду своих граждан русской национальности в первую мировую войну, собраны по документальному труду д-ра Федора Балана: "Угнетение национальныхъ движений в Буковине во время мировой войны 1914-1918, Черновцы, 1923. Рукоп.
19. Булик С. - Как герои умирали. "Наука", Львов, 1927, № 4.
20. Брусилов А. А. Ген. - Мои воспоминания. Изд. 4-е. М., Воениздат, 1946.
21. В. 1. - Благодарность за верную службу. "Новый Час", Львов, 17/III 1934. Это рецензия на публикацию: "Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914-1918". Рецензент добавил от себя: "Тени здытынилых ц. и к. фельдъмаршалков, кровожадных ц. и к. фельдгерихтив, злодейских интендантов сверкают на страницах той страшной книжки; и сверкают тени тех 60-ти тысяч наших мучеников, без суда и без права замордованных черно-желтыми катами во имя его ц. и к. величия".
22. Ваврик В.Р. - Терезин - Терезиенштадт. "Русский Голос", Львов, 1922, №№ 17-18. См. Тоже "Русский Голос", Львов, 1925, №№ 116-117.
23. Ваврик В.Р.- Малая крепость в Терезине "Русский Голос", Львов, 1924, № 32.
24. Ваврик В.Р. - Св. Вечер в Терезине "Русский Голос", Львов, 1925, № 1-2.
25. Ваврик В.Р. - Талергоф. "Русский Голос", Львов, 1925, №№ 108-110, 115, 117.
26. Ваврик В.Р. - Кость Левицкий. "Русский Голос", Львов, 1926, № 160.
27. Ваврик В.Р. - Калинин сруб. Рассказ. Львов, 1926.
28. Ваврик В.Р. - В водовороте. Повесть. "Временник", Львов, 1926 и отдельный оттиск.
29. Ваврик В.Р. - Черные дни Ставропигиального института, Львов, 1928.
30. Ваврик В.Р. - о. Игнатий Гудыма. "Русский Голос", Львов, 1927, № 216.
31. Ваврик В.Р. - В кольце штыков. (Памяти Юлиана Осиповича Кустыновича). "Русский Голос", Львов, № 280/281.
32. Ваврик В.Р. - Последний день Михаила Кота. "Земля и Воля", Львов, 1928, № 40-41.
33. Ваврик В.Р. - Великден в Терезинской крепости. "Наука", Львов, 1929, № 1.
34. Ваврик В.Р. - В перекрестных огнях. Повесть ч.1. Львов 1929.
ч.2. Львов 1936.
ч.3. Львов 1937.
ч.4. Львов 1938.
ч.5. Львов. 1938.
35. Ваврик В.Р. - Картины Талергофа. "Иллюстрированный календарь на 1930 г.", Львов, изд. О-ва им. М. Качковского, 1929.

36. Жертва австрийского террора о. Игнатий Гудима. “Русский Голос”, Львов, 1930, № 27.
37. Ваврик В.Р. - Маша. Картина австро-мадьярского террора в 1914 году. “Временник”, Львов, 1933, и отдельный оттиск.
38. Ваврик В.Р. - По дороге до Талергофу. (Расстрел 46-ти селян и трагедия Мохнацких. Трагедия родини Сандовичив). “Земля и Воля”, Львов, 1933, №№ 28-31.
39. Ваврик В.Р. - Талергоф. Картины из жизни галицких мучеников в немецкой неволе. В 4-х действиях. Львов, 1933.
40. Ваврик В.Р. - Еще одна книжка о Талергофе. (О кн. “Талергоф”. Вас. Маковского). “Русский Голос”, Львов, 1934, №№ 7, 9, 10.
41. Ваврик В.Р. - Значение Талергофа (По случаю 2-го Талергофского Съезда, 31 мая 1934 г.). Львов, 1934. Там жс: Речи, приветствия, отзывы.
42. Ваврик В.Р. - Отец Игнатий. Поэма. “Иллюстрированный народный календарь на 1934 г.”, Львов, изд. о-ва им. М Качковского, 1934. То же , отдельный оттиск.
43. Ваврик В.Р. - Талергоф. В 20-тыс роковые годы народной трагедии галицко-русского народа. Львов, 1934.
44. Ваврик В.Р. - Талергоф. В 20-ю годовщину народной трагедии галицко-русского народа. Львов, 1934.
45. Ваврик В.Р. - Талергоф идея. “Временник”, Львов, 1934.
46. Ваврик В.Р. - Дед Клим. “Календарь о-ва им.М.Качовского на 1937 г.”, Львов, 1936.
47. Ваврик В.Р. - Разорение гнезда. Картина военного террора на Галицкой Руси в 1914 г. “Наука”, Львов, июнь-июль, 1936.
48. Ваврик В.Р. - Талергофское кладбище. “Русский голос”, Львов, 1936, №8.
49. Ваврик В.Р. - О нашем Талергофе (1. У памятника, 2. “Злочин”, 3. Речь чеха о Талергофе). “Русский Голос”, 1937, № 24).
50. Ваврик В.Р. - Дмитрий Андреевич Марков. “Временник”, Львов, 1938.
51. Ваврик В.Р. - 25-летие галицко-русского мученичества. “Русский Голос”, Львов, 1939, № 175.
52. Ваврик В.Р. - За что судили 25 лет тому назад? (О процессе С.В.Бенда-сюка и тов.) “Русский Голос”, Львов, 1939, № 185.
53. Ваврик В.Р. - Талергоф. По случаю его 25-летней годовщины. (Сборник о братской могиле 1767 талергофцев в Фельдкирхек после ликвидации кладбища “под соснами” с изображением часовенки на братской могиле. “Русский Голос”, Львов, 1939, № 118.
54. Ваврик В.Р. - Талергоф. “Львовская Правда”, Львов, 1946, № 77.
55. Ваврик В.Р. - На закате гаснущих дней. (Автобиографические очерки.) Рукоп.
56. Ваврик В.Р. - Терезин и Талергоф. Сборник. (Статьи, очерки, стихи, драматические картины, рассказы, воззвания, заметки, справки). Львов, 1964, Рукоп.

57. Вальницкий Е.М. - Интернированные русские в Австрии. "Карпато-русский Голос", Ужгород, 20/X 1933.
58. Вальницкий Е.М. - Белая смерть и встреча с Талергофцем. "Карпато-русский Голос", Ужгород, 26/X 1933.
59. Вергун Д.Н. - Талергоф (Стихи). В сборнике "Карпато-русские отзвуки", Нью-Йорк, 1920.
60. Вергун Н.Д. - О талергофцах в Зитцендорфе. "Русский Голос", Львов, 1939, № 135.
61. Владимир, иеродьякон. - Друг Подъяремной Руси и славянства протоиерей Николай Рыжков. (К 60-тилетию со дня рождения 1868-1928). "Православный русский календарь на 1929 год", Ладимирова на Словенску, 1928, с. 14-20 с портр. (Примечание: прот. Н. Рыжков, настоятель православного храма в Праге, был приговорен всенским дивизионным судом в 1917 г. к смертной казни через повешение, затем амнистирован).
62. Витязевский С. - На первом Талергофском съезде. "Русское Слово", Варшава-Вильно, 1934, № 123.
63. Военно-полевые суды в Австрии во время войны. "Прикарпатская Русь", Львов, 1919, № 8.
64. Вопрос о единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 г. Научные показания проф. д-ра В. Вондрачка о роли и сущности русского литературного языка по отношению к его наречиям с вводной заметкой автора и с предисловием и с примечаниями д-ра Ю. А. Яворского. Львов, изд-во "Живое Слово", 1924, с. 64.
65. Г.Г. - Из моего военного дневника. (Воспоминания о великой святой войне 1914 - 1918 г.г.). "Наука", Львов, июнь - июль 1936.
66. Ганелка Ф. - Австрийский террор. Объяснения к картинам. Прага, 1924, (Подано за "Русским Голосом", Львов, 1925, № 116/117).
67. Гагарин А.П., проф. - Из истории идеологической борьбы в Западной Украине. "Советская наука" 1940, № 6, стр. 3-16.
- В очерке автор, между прочим, пишет: "Наиболее сильные преследования русского и украинского населения начались с момента империалистической войны. Кровавая трагедия разыгралась в начале войны в Талергофе. Началось с того, что в селе Волощине мадьяры привязали к повозке галичанина Ивана Терлецкого и поволокли его окровавленного за ней, а также безжалостно поступили с 55-летним крестьянином Михаилом Котом. Потом пошли аресты крестьян и крестьянок, называвших себя русскими, а также повешение ни в чем не повинных людей, в том числе стариков и женщин, считавших себя русскими. Расправе и разгрому подверглись украинские и русские организации во Львове, Перемышле и других городах. Особенно неистовствовал террор в западной части Украины: здесь насчитывались тысячи арестованных. Талергофский концентрационный лагерь в песчаной долине у подножья Альп, недалеко от Граца, сделался местом истребления лучших сынов Западной Украины.

Чего не смог сдеслать австро-венгерский штык, довершили тиф и холера, холод и голод. Был случай, когда 11 человек, заключенных в лагерь, как значится в похоронном дневнике, “загрызли вши”. Свыше 3000 сынов и дочерей Западной Украины погибли в Талергофс. А около 20 тысяч заключенных, оставшиеся в живых, покинули лагерь калеками, больными, избитыми.

Один из историков Талергофа писал: “Будущий историк Галицкой Руси соберет все ее слезы и как бриллиантами украсит терновый венок ее мученичества... Люди гибли за победу русской правды, за русское сердце, слово и знамя, за русскую песню и читальню, за русскую землю, за свободу, за освобождение прикарпатских народов от национального гнеста и порабощения”.

67. Гануляк Г.Г. - Могила над Бугом. “Календарь о-ва им. Качковского”, Львов, 1920.

68. Ганкевич Л. - Табор интернированных в Енцендорфс. Причин в нашей Талергофской трагедии. “Діло”, Львов, 1934, №№ 74-76.

69. Гаталяк П.П. - Мой побег из Терезинской крепости. Ужгород, 1934.

70. Годы великой войны в жизни русского Прикарпатья. (Материалы по истории). Вып. 1. Львов, изд. Ф.Мельников, 1919.

71. Грабец М.Ф. - К истории Мармарошского процесса. (Дело 94-х - 29.12.1913. 3.03.1914). Ужгород, 1934, 56 стр.

72. Городчук О. - Памяти мучеников Талеогофа. “Кооперативный вестник”, Львов, 1933, № 10.

73. Григорий Б., прот. - Памяти протоиерея Касиана Богатырца. “Православный вестник”, Львов, 1961, № 2, (с портр.).

74. Гузюк П. - Накануне. Повесть., Львов, 1955. (Об австро-мадьярских зверствах автор говорит: у Галичан правда о братском единстве Руси пережила века. Не стерли ее не тюрьмы, не цепи, не львовские предатели, не талергофы, не проклятие Рима. (с.24).

75. Гукевич Н.А. - Приезд в Талергоф. “Календарь о-ва Качковского”, Львов, 1919.

76. Глушкевич М.Ф. - Взгляд на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси в связи с Великой войной. Ростов на Дону, изд. А.Г. Батыкого на складчину ростовских Карпато-русских беженцев, 1917, 32 стр.

77. Горлицкий бурсак. Часть 2-я “Карпаторусский Календарь Лемко-Союза на год 1953”, 73-83. (В очерке описаны аресты в Горлицком уезде, жизнь в Горлицкой тюрьме в августе-сентябре 1914 года и казнь о.Максима Сандовича).

78. Дериг Анат.- Талергоф. (Стих). “Временник Ставропигийского Ин-та на 1918 год”, Львов, 1927.

79. До истории народной мартирологии в 1914 году. Страшна экзекуция над русскими в Каменоброди городецкого уезда “Земля и Воля”, Львов, 1934, № 14.

80. Добромира (Ганасевич О.Р.) Русская женщина и Талергофские по-минки. “Наука”, Львов, 1933.

81. Долина Святослава (1. Б.) "Земля и Воля", Львов, 1933, №№ 32, 33. (Рассказано о жертвах 1914 года в с. Коростов Скольского уезда).

82. Дольницкий. Из минувших дней (часть мемуаров "Воспоминания о Талергофе"). Календарь "Миссионера" на 1924 год, Жолква, 1923, стр. 122-135.

83. Езерский И. - Яворивский музей не служит спрятки идеологического вихования трудящихся. "Вильна Украина", Львов 1918, № 13 за 18/1.

(В статье сказано, между прочим: "Замовчутся також одвичие прагнення галичан до возз" еднания з своїм старшим братом - російським народом, хоч добре видомо, що крахи люди західноукраїнських земель за це гинули на шибеницях під час імперіалистичної війни 1914-1918 г.г., були катовані в Талергофському таборі, Берези-Картузький...").

84. За Мазепу можно - за Талергофцев нельзя. "Земля и Воля", Львов, 1933, № 4. (О препятствиях, чинимых украинским епископам в устройстве торжественных богослужений по Талергофцам).

85. Запитив в 1914 г. Видкрите письмо до жителів Запитова. "Земля и Воля", Львов, 1933, № 18.

86. Зверства немцев в войну 1914-1918 г.г. Из документов первой Мировой войны. Архивный отдел Управления НКВД по Ленинградской области, д. № 481/600 л. 1, и д. № 432/545 л. 3, Л., 1943 (цит. по: Осечинский В.К. "Австро-ийский военно-полицейский террор в Галичине во время Первой Мировой войны". Сб. Львовского Государственного Университета. Научные записки., т.43, Львов, 1957, стр . 73 и 85).

87. Зынинъ С.(Дуркотъ С.)-Лемковина-Сибирь, Львовъ, 1934, (Въ брошюре указано, что въ первую міровую войну каждый 50-й лемко былъ заключенъ въ Талергофе или другой тюрьме).

88. Изъ воспоминаній 1914 года (И. И. К., Занытов). "Народный Календарь на год 1923, изд. о-ва им. М. Качковского. Львовъ, 1922, с. 56-57. (Воспоминаніе посвящено 16-ти замученнымъ жертвамъ австрійского террора въ Занытове.

89. Искра.-Новое испытание. "Прикарпатская Русь", Львовъ, 1915, № 1561 за 2/III 1915. (Передовая обь австро-мадьярскихъ зверствах).

90. Къ тяжкому 20-тилетию. "Правда", Філадельфія, 1934, №40.

91. Казанскій .П. Е-Современное положеніе Червонной Руси. Австро-венгерскія зверства. Одесса, 1914.

92. Календарь мировой войны "Русский Голосъ", Львовъ, 1939, № 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192.

93. Калинец С. М.-3 кровавых літ. "Іл. народный Календарь на 1921 г." Львовъ изд. о-ва им. М. Качковского, 1920, с. 79-80.

94. Карманський П.-Крізь темряву. Спогади. "Жовтень", Львів, 1955, № № 9, 10. (О кровавомъ терроре въ 1914 г. и гнусной роли украинскихъ националистовъ см. № 10, стр.68-69).

95. Д. К. К. К. (Діонисій Климснтьєвичъ Кисель-Киселевскій).-Интересная книга. “Жизнь”, Львовъ, 1923, № 33. (отзывъ о книге румынского историка д-ра Балана (см.).

96. Ключник Д. И.-Как мы воевали. “Временникъ” на 1925 год, Львовъ, 1924.

97. Козланюк П.-Дві біографії. “Радянський Львів”, 1949, № 4.

98. Р. Р. К. (Кокотайло). Мала ілюстрована історія Руси, Львів, 1932. (О событиях 1914 года см. 60-62).

99. Компаніець І.-Боротьба за Радянську владу на Буковині. Київ, Держполітвидав УРСР, 1950. (Об австрійскихъ зверствахъ на Буковине см. стр. 15).

100. Компаніець І. І.-Революційний рух в Галичині, Буковині та Закарпатській Україні під впливом ідей Великого Жовтня. Київ, АН УРСР, 1957. (Объ австрійскихъ зверствахъ и роли украинскихъ националистовъ см. стр. 7).

101. Компаніець І. І.-Становищс і боротьба трудящих мас. Галичини, Буковини та Закарпаття на початку ХХ ст. (1900-1919 pp.) Київ, АН УРСР 1960.

102. Копыстянскій А.В.-Возможно ли отделеніе Украины отъ Россіи. Ростовъ на Дону, 1917.

103. Копыстянскій А. В.-Всенародный русский памятник Оттиск из Календаря о-ва им. М. Качковского на 1937 г., Львов, 1937.

104. Копыстянский А.-Історія Руси. Часть III. Петербурска і Віденська доба. (Російска імперія і Прикарпатска Русь до 1914 р.). Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1933.

105. Копыстянскій А.-Талергофская выставка. “Временникъ” на 1935 годъ, Львовъ 1934.

106. Кашубинський В.-Голос Талергофца. “Новий Час”, Львов, 1933, № 172. (Призывъ организовать талергофскія торжества подъ “українським стягом”).

107. Киндій П. Н.-Дійсн перебрали мірку. “Земля і Воля”, Львів, 1933, № 31. (По поводу статьи в газ. “Діло”: “Глум з Талергофу”).

108. Кладбище галицкихъ страдальцевъ въ Талергофе. “Русский Голос”, Львовъ, № 43. (Сообщается о состояніи и о предстоящей ликвидациі кладбища и о мерахъ предпринятыхъ по почину аеп. Адама Филиновского съ целью перенесенія останковъ въ общую братскую могилу и сооруженія памятника).

109. Кружковъ Ник.-Семисотлетній Львов. “Огонекъ”, 1957, № 52. (Въ очеркесказано: “Въ 1914 году, передъ занятіемъ русскими войсками Львова, австрійцы повесили и расстреляли въ Галиції около шестидесяти тысячъ чоловекъ. Въ “Бригидкахъ” - львовской тюрьме - стояло несколько виселицъ, кото-рыя, какъ сообщаютъ очевидцы, “ежедневно скрипели подъ тяжестью пове-шенныхъ людей”).

110. Куриловичъ В. М.-Прага-Вена-Арад. 1914-1917. “Ил. нар. Кален-дарь на 1935 годъ”. Львовъ, изд. о-ва М. Качковского, 1934, стр. 163-165 с порт.

(Сообщніс приговорннаго къ смертной казни б. депутата венскаго парламента и галицкаго сейма о своемъ пребываніи въ австрійскихъ тюрьмахъ).

111. Левицький Кость. - Русофільські процеси і політика. Історична пригадка у звязку з нинішнім талергофським шумом і іншими московільськими легендами. "Діло", Львов, 1933, № 312.

112. Лелявский Б.Н. - Ночные песни в Галичине. Львов, 1927. (Ч.П. посвящена австрийским зверствам на галицко-русском народе).

113. Линч. "Туркестанские Ведомости", Ташкент, 1915, № 198. (Описание зверской расправы мадьяр и толпы над беззащитными арестантами в Перемышле 15/9 1914 г. - Автор очевидец б. австрийский офицер, попавший в русский плен при взятии Перемышля И.Г.Полянский, сын талергофца о. Г.А.Полянского).

114. Литвиненко Н. - (Зам. Директора по научной части исторического музея). - Живая история города. По залам Львовского исторического музея. (К 700-летию Львова). "Львовская правда" за 1-е июля 1956. (Упоминается витрина с экспонатами концлагеря в Талергофе; кандалы, изделия заключенных - деревянные ложки, вилки и т.д.).

115. Лукавство и облуда. Голос селянина з ліского повіта. "Земля и Воля", Львов, 1934, № 20. (О "Проломе" и подвигах украинских "ксендов").

116. Луцьк Л. - Талергоф "Русский Голос", Львов, 1933, № 14.

117. Луцьк О.Ю. - 2-ой Талергофский съезд. "Календарь о-ва им. М. Качковского на 1935 год." Львов, 1934. (Сборник статей).

118. Львів напередодні і в роки першої світової війни. В кн. "Нариси истории Львова, 1956. (Об австрийском терроре и жертвах в первую мировую войну см. с 168 - 169).

119. Маковчанин А. - Расстрел. (Стих) В кн. Альманах Возрожденцев, из-во о-ва карпаторусских студентов "Возрождение", Прага, 1933, с. 43-44.

120. Маковский Василь. - (погади і документи). Львів, накл. автора, 1934. (См. Ваврик В.Р., Еще одна книга о Талергофе).

121. Малец Г.С. - Цель и задачи талергофских съездов. "Ил. календарь на 1935 г.", Львов, изд. о-ва им. М.Качковского, 1934.

122. Малец Г. - Ценою крови "Земля и Воля", Львов, 1934, № 21.

123. Малкин В.А. - Русская литература в Галиции. Львов, изд. Львовского университета, 1957. (О репрессиях 1914 года и злостной деятельности украинских националистов см. стр. 161 и след.).

124. Мариch Ф. - Гроят Талергофом. "Земля и Воля", Львов, 1934, № 14.

125. Д-р Марков Д.А. - Последнее слово перед австрийским военным судом. (По стенографическому судебному протоколу). Перевели А.Х и Р.Л., Львов, изд. газ. "Русский Голос", 1938. (Оттиск из газ. "Русский Голос").

126. Д-р Марков Д.А. - Талергофская тризна. "Русский Голос", Львов, 1933, № 41.

127. Маскированные черносотенцы (подписано: Москвофил). “Русский Голос”, Львов, 1925, № 127. (О гнусной роли украинских националистов в первую мировую войну).
128. М/аца/нъ М. - По дороге большой. (Стих). “Временицк” на 1934 г. Львов, 1933.
129. Мирович Р.Д. - Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время первой мировой войны 1914-1918 г.г. на областях Галицкой и Буковинской Руси с автобиографическими и библиографическими данными. Львов, 1954-1960.
130. Мирович Р.Д. - Топографический обзор в связи с австро-мадьярскими зверствами в первую мировую войну по уездам Прикарпатской Руси. Львов, 1954-1960.
131. Мирович Р.Д. - В 44 годовщину Перемышльской трагедии. “Русский Голос”, Варшава, 1958, № 18.
132. Мирович Р.Д. - Защитительная речь д-ра К.Д. Богатырца - замечательный исторический документ.
133. Мирович Р.Д. - Памяти народного мученика священника М.Г.Сандовича. (К 75-летию со дня рождения - 1.02.1886 - 6.09.1914). Львов, 1961.
- 133а. Миролюбов. К истории движения русских за Карпаты. “Карпато-рус. Голос”, Ужгород, 1933, № 49.
134. Миронюк И. прот. - Здійснення споконвічних сподівань. “Православний Вісник”, Львов, 1961, № 2. (В статье упоминаются многие жертвы террора в первую мировую войну: Сандовичи Максим и Петр с сыном, Гудима, Гавр. Гнатышак, М.Раставецкий, Ив. Машак, Ив. Станчак, Р. Присловский, Ник. Винницкий, Феод. Дуркот и др.).
135. Миськов Ив. Ос. - Готовимся к съезду. Талергофский съезд и тленные останки неизвестного талергофца. “Земля и Воля”, Львов, 1934, № 15.
136. Мысли о Талергофе. (І.Б.) “Земля и Воля”, 1933, № 15.
137. Михайлов Т. - Талергофская Голгофа. “Русское Слово”, Вильно-Варшава, 1934, № 122.
138. Мова фактів и документив. “Земля и Воля”, 1933, №№ 35, 36.
139. Мокрицкая М. - Слава и честь Талергофцам. (Стих). “Календарь обществ им. М. Качковского на 1934 г.” Львов, 1933.
140. Морд 44 людей в Перемишли. “Украинский Бескид”, Перемышль, №№ 25-29.
141. Мстиславец О. - Холопы австро-венгерской монархии. (У истоков предательства). “Львовская Правда” за 21 июня 1946. (В статье говорится о мартирологии Галичан в первую мировую войну, о виселицах, концентрационных лагерях в Талергофе, Терезине и др., о двух венских политических процессах и о гнусной роли, какую сыграли в этих процессах мазенинские лжесвидетели).

142. Мысли о Талергофе (Б.К.). “Наш Путь - независимый журнал молодых”, Львов, 1937, №2.
143. На добрую память русскому Прикарпатью. (...несколько документов из времен свирепого произвола). “Прикарпатская Русь”, Львов 1919, №6. (Приведены письменные приказы оберстлейтенанта Гагауэра, ген. Колошвари и ген. Кевеша).
144. Найдус В. Ленин в Польше. Перевод с польского... М., ИЛ, 1957. (Поданы обстоятельства ареста Владимира Ильича австрийскими властями в 1914 году и репродукции документов, касающихся этого дела со снимками тюрьмы и камеры заключения).
145. Николаевич К. (К.Н.Пелехатый). - Первый венский процесс. “Ил. Календарь о-ва им. Мих. Качковского на год 1920”, Львов, 1919.
146. Николаевич К. (К.Н.Пелехатый). - Второй венский процесс. Там же.
147. Николаевич К. (К.Н.Пелехатый) “Где дом мой”. Там же. (Картина из тюремной жизни в терезинской крепости; упоминаются “галицкий Ллойд-Жорж” Питык (Голинатый) и “малый Антошка” (Генсерский)).
148. Николаевич К. (К.Н.Пелехатый) - Споведь. Там же..
149. Николаевич К. (К.Н.Пелехатый) - Талергоф. (С 8 снимками) Там же.
150. Николаевич К. (К.Н.Пелехатый) - Шатмар-Немети-Мискольч. Там же.
151. Надсанский М. - Вы жертвою пали. (Бл. п. Талергофцам). Стих. “Голос Народа”, 1928, №33.
152. Наша обязанность. (Передовая). “Земля и воля”, Львов, 1933, №30 (Против “украинизации” Талергофа).
153. Не поддадимся провокации. “Земля и воля”, 1933, №31 (ответ на статьи Андрусяка в газ. “Дило” и др.).
154. Осечинский В. К. - Австрийский воинско-полицейский террор в Галичине во время первой мировой войны. “Научные записки Льв. гос. университета”, т.43, Львов, 1957, стр.65-91. (К этому заметки В. Р.Ваврика в сб. Терезин и Талергоф).
155. Осечинский В. К. - Галичина под гнетом Австро-Венгрии в эпоху имперализма. Львов, 1954.
156. Олейник П.Н. - Живые документы. К талергофским материалам. “Русский Голос”, 1934, №17.
157. Олейник П.Н. - Украинцы и Талергоф. Голос селянина в ответе на вранье “Пролома”. “Земля и воля”, Львов, 1934, №17.
158. Описание похоронных торжеств 30 июня 1936 года в Перемышле - 44 неповинных жертв мадьярского произвола. “Русский Голос”, 1936, №26.
159. Островский Н. - Талергоф. “Наука”, Львов, 1928.
160. О.Ст.Ровский (Островский). Талергоф. “Русский Голос”, 1925, №1-2 (По поводу издания “Талергофского Альманаха” и Талергофских торжеств).

161. Павлова И. - Талергофский крест. “Русский Голос”, 1935, №4. (К ст.: “Что нами сделано?” “Русский Голос”, 1935, №2.).
162. Павляк М. На австрийских фронтах. Как молодой лемко защищал старую австрийскую империю. “Карпато-русский Календарь Лемко-Союза за 1961 год”. Стр.129-160. (Упоминается об арестах в с. Лосье горлицкого уезда).
163. Памяти замученных. “Русский Голос”, 1923, №22. (Посвящено жертвам украинского доносчика свящ. Ковшевича Юрия, крестьян села Ульвовок и Конотопы сокальского уезда, расстрелянных австрийцами в 1915 году.
164. Памяти наших мучеников. “Голос народа”, Львов, 1927, №24. (Воздвижение памятника на могиле расстрелянных жертв в с. Ульвовок сокальского уезда)
165. Панас И.О. Забытос рускос плесмя. (Австрийская Украина или Галицкая Русь) Ростов на Дону, изд. галицко-русской студенческой молодежи, 1947. 47 стр.
166. Панас И.О. К вопросу о русском национальном имени. (По поводу меморандума галицких украинофилов о замене народного имени “руссин” термином “украинец”). Ужгород, 1934. 39 стр.
167. Пелехатый К.Н. Пасха в Терезинской тюрьме. “Воля Народа”, Львов, 1921, №16.
168. Пелехатый К.Н - Исторический факт. “Прикарпатская Русь”, Львов, 1920, №81/18.
169. Пелехатый К.Н. Ой не нам не нам в цепях ходить. “Прикарпатская Русь”, Львов, 1920, №82/19.
170. Пелехатый К.Н - Как я на Пасху стал цезарско-королевским капралом. “Воля Народа”, Львов, 1922, №63.
171. Пелехатый Кузьма. - Воссоединение украинских земель в едином советском государстве. “Львовская Правда”, Львов, 1946, №203. (Упоминается о уничтожении свыше 30 тысяч русских Галичан за дружеское отношение к русскому народу).
172. Первая мировая империалистическая война. (1914-1918). Большая
173. Переверти-ренегати грозят новым Талергофом. “Земля и Воля”, 1934, №31.(По поводу “Пролома” и ст. в газ. “Дило” от 11/8 1934 п.з. “Талергофские кресты и москофильска пропаганда”)
174. Перфецкий В.Р. - Исторические документы войны. “Прикарпатская Русь”, Львов, 1921, №№109-112.
175. Перфецкий В.Р. - Исторические документы войны. Русские галичане в вопросе культурного и национального единства русского народа. Из оборонительных речей в виденских политических процессах свящ. Д-ра Кассиана Богатырца и тов., В. Перфецкого и тов., обвиняемых за предательство австр. Государству в 1916 и 1917 году. Львов, 1927. 8 стр.

176. По поводу украинских посягательств на Талергоф. (Из резолюций Общества красного съезда РСО - 26 XII, 1933 во Львове). "Земля и Воля", Львов, 1934, № 1.

177. Пьекный Ив. - Талергофский Крест. (Из народной поэзии о Талергофе). (стих). "Земля и Воля", Львов, 1933, № 1.

178. После погрома. "Русский Голос", 1922, №1. (Передовая).

179. Под знаком тернового венка. (Передовая) "Голос Народа", 1928, №40-41. (День Талергофа во Львове 31/X 1928 - 1-й Талергофский съезд).

180. Подвоинная украинская математика или - у лжецов краткая память "Земля и Воля", Львов, 1934, № 26. ("Дело" о 2-м Талергофском съезде).

181. Полкунов Ф. Ватикан - заклятый враг украинского народа. Львов, 1954. (стр. 30-31 о Массовых зверствах австрийской военщины в 1914 году и преступной деятельности украинских националистов).

182. Полянский Г. А. - Автобиография. "Наука", Львов, 1931, № 2-3. (см. разделы: Аресты. Талергоф. Три эпизода. За что и зачем? Жертвы Талергофа. Освобождение).

183. Полянский Г. А. - Добрая, сумная и горькая бывальщина. "Ил. нар. Календарь на 1935 год", Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.

184. Полянский Г. А. - Казнь. "На новом Пути", журнал карпато-русской молодежи, Петроград, 1917, №1. (См. "Линч" его же).

185. Попов А.В. - В Карпатах. Рассказы. Мукачево, 1923 (Рассказ: "Отец Михаил". Представляет горькую участь заключенного в Талергофе, особенно издевательства изувера Чировского).

186. Последняя украинская атака на Талергоф. "Земля и воля", Львов 1933, №33, 34, 35. (По поводу статей Андрусяка в газ. "Дело": "Глумление из Талергофа" и "Галицкое москофильство и Талергоф").

187. Последняя братская кровь (фикс). "Прикарпатская Русь", 1919, №36. (Разоблачение украинских доносчиков).

188. Похорон 44-х в Перемышле. "Земля и воля", 1936, №27.

189. Правда вся выйдет наружу. Духовное лицо предателей отцов украинского политического движения в Галичине. "Земля и воля", Львов 1934, №5. (Касается главным образом выступления и поведения Костя Левицкого на венских политических процессах).

190. Правосудие в погибающей Австрии. "Прикарпатская Русь", Львов, 1919, №№12,13. (Предательство юридическое крюкотворство в обвинительных актах и приговорах венских политических процессов).

191. Прививка смерти. "Прикарпатская Русь", Львов, 1919, №12. (Сообщается о прививании австрийскими тюремными властями чахотки под видом прививки оспы).

192. Прошло 20 лет. "Карпато-русский Голос", Ужгород, 1935, №114.

193. Раставецкий Владимир. - Талергоф. (Стих). “Ил. нар. Календарь на 1935 год”, Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.

194. Роницкий А. Л. - Ваврик В. Р. - Талергоф. Кантата посвященная памяти жертв Талергофа 1914-1918. Слова В. Р. Ваврика, музыка А.Л.Роницкого. Для мужского хора. Львов, изд. кооп. Муза, 1934. (К Талергофскому съезду 1934 года).

195. Росович В. (Галан Я). - Что такое уния. Львов, 1946 (тоже 1947). (В брошюре упоминается о жертвах террора 1914 года, в том числе и многих священников, в то время, когда митр. Шептицкий благословил австро-немецкие полки движущиеся на Восток и Север, но не пожелал замечать многих тысяч невинных жертв).

196. Росточанский М. - Никифор. “Русский Голос”, “Варшава-Лодь”, 1962, №10. (В очерке про известного художника-самоучку Никифора Дробняка из Криницы на Лемковщине сказано между прочим, что “год 1914 и последующие - это страшные годы войны, талергофского ада, принудительной эвакуации, гибели почти всей семьи Дробняков”.

197. Русская кооперация в талергофской трагедии. “Земля и воля”, Львов, 1934, №18.

198. Саврук В.А. (В. А. С-к) - Воспоминания из австрийской тюрьмы. “На новом Пути”, журнал карпато-русской молодежи. Петроград, декабрь 1916, №3; 1917 №№1,2-3.

199. Сандович С. - Талергоф “Русский Голос”, Варшава, 1957, № 31.

200. Свитлинский Б. Австро-Венгрия и Талергоф. (К 25-летию Всемирной войны). “Наука”, Львов, 1938, №№ 7-10; Тоже: “Народный иллюстрированный календарь на 1939 год”, Львов, изд-во о-ва им. М. Качковского, 1938.

201. Сенін І. В. - Творчість Олены Львівны Кульчицької. Київ, АН УРСР, 1901. (В монографии сказано: “6 вересня 1914 р. Повітовий староста Перемишля наказав (!?) Олені Кульчицькій разом з сестрою негайно виїхати (!) найближчим поїздом до Талергофу біля Граца, де її чекала ізоляція за колючим дротом табору. Тільки завдяки поруці родича Кульчицьких Р. Стебельського передне розпорядження було замінене на примусову евакуацію з обовязковим поселенням у Відні”. Выходит, что австрийские власти “предлагали” выезд в Талергоф, - просто по джентельменски! Упоминая дальше о страшном терроре автор говорит, будто “ликвидация москофильства” была только предлогом для поощрения этого террора).

202. Сергеев-Ценский С. Н.-Ленин в августе 1914 года. (Этюд к эпопее “Преобразование России”) Рисунки П. Пинкисевича. “Огонек”, 1957, № 42. (Описаны: обыск в Поронино, проведенный жандармом Мартышуком 8/8 1914, арест с распоряжения уездного начальника в Новом Тарг-е Гродзицким, доброжелательное отношение тюремного надзирателя Глуда, действие судеб-

ного следователя Пашковского и освобождение благодаря стараниям социалистов Виктора Адлера, Марека и Диаманда).

203. Соколович Глеб (В. М. Добрянский).-Кровавые годы. Картины ужаса, насилия и произвола австро-венгерской армии над русским народом Прикарпатья в 1914-1917 гг. Львов, 1923. 96 стр.

204. Соколович Глеб.-От Карпат до крепости Терезина. "Русский Голос", Львов, 1924, № № 1-5.

205. Под желто-синим знаменем. Исторические картины из времен существования так наз. "Западно-украинской Народной Республики". Ужгород, 1926. 63 стр.

206. Соколович Глеб. "Терновый Венец". Картины Талергофа-юдоль слез: плача и смерти. Ужгород, 1923. 78 стр. С илл.

207. Опоздавший призыв. Новос добровольнос доказательство мазспинского вранья. "Земля и воля", Львов 1933, №31. (Ответ на ст. В. Кашубинского в газ. "Новый час" за 5.08.1933 п.з. "Голос Талерговца").

208. Воспоминания прошлых 25 лет. (подп. О. О. К.) "Народный иллюстрированный календарь на 1939 год", Львов, изд-во о-ва им. М. Качковского, 1938.

209. Стефанык С. - Воздеднання всіх українських земель в єдиній українській державі. Київ. Держполітвидав УРСР, 1954. (В брошурує говориться: "Українські буржуазні націоналісти виступали з вірнопідданчими заявами у відношенні до династії Габсбургів, організували так звану "Спілку визволення України" у Відні, а також військовий легіон "країнських січових стрільців", який за іх планом мав відіграти певну роль при гаданому просуванні австро-німецьких військ на Україну. Цю пронімецьку орієнтацію західно-української буржуазії всіляко підтримувала і униатська греко-католицька церква в особі ії глави А. Шептицького. З початком війни, у серпні 1914 року, ці плани австро-німецьких імперіалістів і іх прислужників - українських буржуазних націоналістів - зазнали повного провалу. - Трудящі маси Галичини, Буковини і Закарпаття всупереч націоналістичній пропаганді виявляли відкрито симпатії до солдатів російських військ, з радістю чекали іх приходу. Австро-угорські жандарми та війська застосовували жорстокі репресії проти населення західно-українських земель за його симпатії до солдатів російського народу. Тисячі інтелігентів, селян і робітників були заарештовані в перші ж дні війни івивезені в глиб Австрії, де іх інтернували в таборах Талергофа, Терезіна, Тешельдорфа та інших. Чимало прислужилися в цьому австрійським жандармам українські буржуазні націоналісти, склавши великі списки людей, які проявляли симпатії до Россії. Тисячі українців загинули в таборах від голоду, холоду і голоду. ... Коли в дальшому ході воєнних операцій доводилось російським військам залишати окремі частини західно-українських земель, то австро-мадьярські жандарми люто розправлялися з населенням. Вони вішали івбивали селян і робітників, які

будь-чим проявили свої симпатії до російських військ. Шобиниці були супутниками австро-мадьярських військ. Ці війська, безжалісно грабували населення, забираючи в нього коней, рогату худобу, овець, свиней, птицю”.

210. Д-р С. (Тефанович Ф. К.).-В Гминде. (Австрійский рай). “Ил. Календарь о-ва им. М. Качковского на 1920 г.”, Львов, 1919. В таборе для беженцев, относительно благоустроенном, помещались в первую очередь подопечные “украинских” верховодов и когда в дальнейшем очутились здесь некоторые бывшие узники Талергофа, они встречались с явным недоброжелательством здешних “беженцев”).

211. Сулим Т. Б. Сорок четиром. (Память Перемишльських героїв). Стих. “Земля и Воля”, 1936, № 25 тоже: “Наука. Календарь на 1937г.”, Львов, изд-во о-ва им. М. Качковского, Львов, 1936.

212. Талергоф. (Передовая). “Земля и Воля”, 1928, № 38.

213. Талергофсц. - Талергоф. “Кооперативный Вестник”, Львов, 1933, № 9.

214. Талергофофобия украинцев. (Передовая). “Русский Голос”, Львов, 1933, № 30. (По поводу выступлений “Дела”).

215. Талергофские узники. Торжества во Львове. (Ш.) “Возрождение”, Париж, 1934, № 2995.

216. Талергофский день во Львове. “Кооперативный Вестник”, Львов, 1934, № 6.

217. Талергофский памятник. “Русский Голос”, Львов, 1929, № 69.

218. Талергофский праздник во Львове. “Русская Земля”, Ужгород, 1934, № 15.

219. Талергофский съезд. “Наука”, Львов, 1934, № 3.

220. Талергофский зізд українських москофілів з Галичини. “Нова зоря”, Львів, 1934, № 41.

221. Талергофскому памятнику-XXV лет. “Русский Голос”, Варшава, 1958, № 15.

222. Тарасевич А. У подножия гранита и мрамора. (Впечатления волынца), “Русский Голос”, Львов, 1934, № 21.

223. Тернопольский И. (Крест.)-Блудным сыном Руси. “Наука”, Львов, 1928.

224. Тернопольский И.-Від Бродщини до Карпат. (В двадцяту річницю мук Галицької Руси). (Стих). “Народный иллюстрированный календарь на 1935 год”, Львов, изд-во о-ва им. М. Качковского, 1934.

225. Тернопольский И.-Незабуді могили. (Стих). “Наука”, Львов, 1928, № 1.

226. Тернопольский И.-Памяти братьев страдальцев. “Временник” на 1927 г., Львов, 1926.

227. Тернопольский И.-Под соснами. “Наука”, Львов, 1928.

228. Третьяк Н. Г.-В защиту галицко-русских музеев. (К делу музеев Ставропигийского Института и Народного Дома). Львов, изд. Ставроп. Ин-та, 1939. (Упоминается о разграблении австро-венгерско-германскими войсками-мощества Ставропигийского Ин-та и Народного Дома).

229. Труш В. Я.-История одной пули. Рукоп.
230. Труш Б. В. (Владимиров).-Библиографические заметки: "Вопрос о единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 году. Научные показания проф. д-ра В. Вондрака. С предисловием и примечаниями проф. д-ра Ю. А. Яворского". "Рассвет", журнал посвященный делам гал.-русского студенчества, Львов, 1923/1924, №4.
231. У кума в Карпатах. "Земля и Воля", Львов, 1934, №22. -41. (Рассказ о расстреле австрийцами Андрия Билинкевича из Заречья).
232. Українські противталергофські хуліганства. Здирали з'їздові відозви і вибивали вікна. "Земля и Воля", Львов, 1934, №22. (Допись из с. Вербиж).
233. "Український народе!" (Відозва головної укр. Ради за підписью Костя Лєвицького, Михайла Павлика и др.) "Діло", Львов 3/8 1914, №171. (В этом документе говорится: "Побіда австро-угорської монархії буде нашою побідою. І чим більше буде пораження Росії, тим швидше виб'є година визволення України. ...Нехай вся наша суспільність буде не тільки видцем але як найдіяльнішим учасником грядучих подій! Нехай віддасть всі свої матеріальні і моральні сили на те, щоб історический ворог України був розбитий. До бою - за здійснення ідеалу, який в теперішню хвилю зеднує ціле українське громадянство!"
234. "Український"...Талергоф. Безграниця мазепинська безличність. "Земля и Воля", Львов, 1934, №20. (Из воспоминаний В. Маковского "Талергоф" оказывается, что в Талергофе было около 80 украинских-мазепинцев (против 8000), которые попали сюда "по ошибке" или случайно и были освобождены уже после нескольких недельного заключения).
235. Українське питання. Белград, 1919. (В брошюре затронут вопрос Талергофа и событий 1914-1918 гг.)
236. УНДО в 1914 р. "Земля и Воля", Львов, 1928, №3
237. Усиченко Ю. Невидимый фронт. Львов, кн.-журнал. Изд-во, 1941, 1951, 189стр. (Представлена роль предателя и доносчика Р.Курены, который без малейших колебаний отправлял соотечественников под растrell в застенки Талергофа, состоя на услугах начальника австро-венгерской разведки Макса Ронге).
238. Федоров Федоричка Ив. - Гей! Гей! - Світе ти наш світе! "Ил. нар. Календарь о-ва им. М. Качковского на 1920 год", Львов, 1919
239. Федоров Федоричка Ив. - Мир праху галицко-русских узников, пострадавших в 1914-1917 г. в Талергофской долине. Там же.
240. Федоров Федоричка Ив. - Талергоф или русская Голгофа. Описание мук и страданий галицко-русского народа под игом германским... в Талергофе 1914-1917. Коломыя, 1923.68 стр. с портр. То же фонетикой.
241. Федоров Федоричка Ив. - Черта холодного света. Посвящая памяти урагана всемирной войны 1914-1918 гг. в альбом могущих сего мира "Ил. нар. Календарь на 1932 год", изд. о-ва им. М. Качковского, Львов, 1931.

242. Федоричка Стсф. - Слзы бабуси... Памяти о 46-х мучениках Персышиля. "Земля и Воля", 1935, №16.
243. Федоров В.А. - Колодники. Драматические сцены из Талергофской жизни. (см. "Земля и Воля", 1934, №33).
244. Федоровская В.Т. - Размышление о двадцатилетней годовщине Талергофа. "Народный иллюстрированный календарь на 1935 год", Львов, изд-во о-ва им. М. Качковского, 1934.
245. Филиповский Адам, сп. - Максим Сандович. Драма в трех актах. Уилкес-Бэр, Па, 1932, 43 стр.
246. Фридрих Вешатель. "Прикарпатская Русь", Львов, 1919, №3.
247. Хиляк А.Е. д-р - Виновники Талергофа в освещении исторических документов. Львов, 1933, 48 стр. (Оттиск из "Русского Голоса" за 1933 год, №№ 37, 38, 39, 40, 41). (Ответ на статьи в газ. "Діло"; "Глум з Талергофу", М. Андрусяка "Галицьке москофільство" и "Галицкая болячка" и в газ. "Новий час" д-ра Кашубинского "Голос Талергофца").
248. Хиляк А.Е. д-р - Вырождение. "Русский Голос", Львов, 1928, № 282-283. (Статья по поводу мазепинских эксцессов и нападок мазепинской прессы на Талергофский съезд). Номер газеты был конфискован польской цензурой и издан вторично как № 284/285.
249. Хиляк А.Е. д-р - Говори до гори ... "Земля і Воля", Львов, 1933, № 45. (Ответ М. Андрусяку в освещении исторических документов").
250. Хиляк А.Е. д-р - К характеристике Д.А.Маркона. (В первую годовщину его смерти) "Русский Голос", Львов, 1939, № 164.
251. Хиляк А.Е. д-р - Кто тому винен? "Земля і Воля", Львов, 1934, № 23. (Вина за хулиганские постыдки мазепинских низов падает на ихнюю верхушку из мірской и духовной интеллигенции).
252. Хиляк А.Е. д-р - Незабуті хвили. "Иллюстр. Народный Календарь на 1935 год", Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.
253. Хиляк А.Е. д-р. Отзвуки полемики. "Русский Голос", 1933, № 47. Ответ на статью д-ра Костя Левицкого из газ. "Діло" п. з. "Русофільські процеси і політика".
254. Цебринский М. - Відгомін всесвітньої війни 1914 г. "Иллюстр. Народный Календарь на 1939 год", Львов, изд. о-ва им. М.Качковского, 1938.
255. Цебринский М.-Голгофа народных страстей. "Наука", Львов, 1933.
256. Цебринский М.-На встречу Неизвестному Талергофу. "Наука", Львов, 1933.
257. Цебринский М.-Предвестники Талергофа. "Ил. народный Календарь на 1935 год", Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.
258. Цебринский М.-Страшна годовщина. "Наука", Львов, 1928.
259. Цебринский М.-Страстям Талергофцев. "Наука", Львов, 1928.

260. Цебринский М.-Талергофская осень-весною народа. (Передовая). “Земля и Воля”, Львов, 1934, № 21.

261. Чайковский Кирилл-Австрийское зверство и русское благородство. Драма в 4-х действиях. Филадельфия 1926. (Сюжет: насилия австро-венгерской армии над русским населением Лемковщины в 1914 году.)

262. (Чайковский Кирилл).-Беседы деда Торочила в газ. “Земля и Воля”, Львов, 1932-1935, в том числе: К братьям Талергофцам, 1933, № 15; Братьям Талергофцам, 1933 № 20 и 36; На зізд Талергофців, 1934, № 12 и 22 и др.

263. Чайковский К.-Дуклянский перевал на Лемковщине. Картина Лемковского села під час війни. Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1929 (Народная Библиотека, ч. 484).

264. Чайковский К. Прикарпатская мученица. Рассказ из военных действий 1914-1915 гг. “Илл. народный Календарь на 1934 год”, Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1933. (Упоминается о мученической смерти учителя Мохнацкого из Сянока).

265. Чайковский К.-Поворот. Драма в 3-х действиях. Львов, 1934. (Возвращение на родину узника Талергофца и эмигранта-лемка из Америки после падения Австрии на разрушенный очаг, который они восстанавливают).

266. Чайковский К.-Страдалец. (Картина из Талергофского заточения). “Илл. народный Календарь на год 1935”, Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.

267. Чайковский Р. Н.-Воспоминания из Талергофа. “Илл. народный Календарь на 1935 год”, Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1934.

268. Чайковский Р. Н.-Речь в австрийском парламенте 28 июня 1917 года. “Стенографический протокол палаты депутатов. “XXII сессия, 12-е заседание, стр. 563-567.

269. Черемшина Марко (И. Ю. Семанюк).-Твори. Київ, Держлітвидав, 1960. В цикле “Село за війни” (новеллы: Село потерпає, Перші стріли, Бодай ім путь пропала, Зрадник, Після бою, Село вигибає) автор описывает ужасы первой мировой войны в глухой гуцульской деревне. В новелле “Первые стрелы” показано как обманываемая украинскими националистами менее сознательная часть населения поверила, что война ведется добрым цесарем “за Украину”, проявляет чувства черно-желтого австрийского патриотизма между прочим и в том, что молодежь поступает в ряды добровольцев стрелков. Настроение населения меняется однако, когда стали известны жертвы мнимой измены. За невесткой Хромеихи пропал след только потому, что зажгла свечи над умершей старухой и ее обвинили в измене. Старый Чюрей, когда казнили гуцула “за москаля” не выдержал, чтобы не возразить: “нащо чоловіка задурно тратити, таже москаль світ годує!” И через час он тоже повис рядом с казненным гуцулом.-В новелле “Зрадник” вешают крестьянина за то, что его корова в жаркий летний день, ужаленная оводом, сорвалась и побежала в сторону не-

приятеля. Вскоре начался артиллерийский обстрел и Василя (хозяина коровы) повесили потому, что корова “дала знак неприятелю”. В невошедший в этот сборник новсллс (см. библиографический очерк там же) “Помянник” подтверждены казни 12 уважаемых крестьян по поводу найденного “помянника” с триаременным (“московським”) крестом. В этом цикле выражено с одной стороны теплос отношение крестьян к русским воинам, которые спешили с моральной и материальной поддержкой изнуренному военным лихолетием населению, и с другой стороны представлены тоже доносчики типа мошенника Дзельмана, который наживается на несчастии других. В новслле “Зрадник” жертвою произвола падают члены депутатации к мадьярскому командиру с просьбой защитить перед уничтожением их церковь и вместе с членами депутатации были расстреляны даже те, которые отказались раздавать расстрелянных односельчан, и тот, который хотел позвонить “на подушис” в церковной колокольне. “Бодай ім путь пропала” - таков всенародный поклон озвевшим душгубам.

270. Чернянен-Талергофская трагедия. “Слово”, Варшава, 1934, № 40.
271. Чешская печать о галицкой Руси. “Прикарпатская Русь”, Львов, 1919, № 3.
272. Чорна закамсіла совість. Нова нечестна спроба “українізування” Талергофа - на сей раз дикторскої “коровячої” газети. “Земля и Воля”, Львов, 1934 №16 (По поводу статьи: “До тих, що мучилися в Талергофі” в 15 ч. газ. “Народна справа” от 22.04.1934)
273. Чорні пятна на картах історії цивілізації “Календарь о-ва им. М. Качковского на 1922 год”, Львов, 1921.
274. Шематизм всего духовенства греко-католицької Львівської Митрополичної Архієпархії на рік 1918. Львів, (на стр. 173-175 поміщен список священиков львівської епархії - всего 86 человек - “Вивезені австрійськими владями священики, осаждені в Талергофі, Терезині і т.п. інтерновні і конфіновані”. В тексте поданы тоже некоторые военные повреждения и убытки).
275. Шематизм греко-католицького духовенства апостольської адміністрації Лемковщини. Львів, 1936, 178 стр. с илл. (Содержит “Короткий огляд історії Лемковщини” с некоторыми данными из галицко-русской мартрологии, тоже много исторических, биографических и библиографических данных относительно лемковских местностей и деятелей Лемковщины).
276. Шлапак Иван, Беньківці, пов. Рогатин. - Товариши недолі. “Земля і Воля”, Львов, 1935, №16
277. Шмиренко П.К. - Злочин. Світова війна і її наслідки. Страшні знушення над українським народом. 1937, Львів, 70 стр. (Автор как “украинец” клеймит деятельность украинских националистов и епископов за действия и “бездействие” ввиду массовых репрессий в первую мировую войну).
278. Що означає Талергоф для Галицкої Руси. “Земля і Воля”, 1933, №41.

279. Що писали наші люди о Талергофі. Відклики о Талергофськім з'їзді. "Илл. народный календарь на 1935 год", Львов, изд. о-ва им. М.Качковского, 1934 (Библиографическая справка).

280. Щурат Вас. Д-р. - При церкві Св.Варвари у Відні. В кн.: "На досвітку нової доби", Львів, 1919. (В статье имеется отметка, что согласно распоряжения митроп. Ординариата от 24 июля 1916 г. подчинены были парохии (приходы) при церкви св. Варвары в Вене следующие военные лагеря беженцев: а) Гминд (Дол.Австрия) ок. 27000 человек; б) Хоцен (Чехия) ок.8000 человек; в) Вольфсберг (Каринтия) ок. 6000 чел; г) Оберголлабрун (Дол.Австрия) ок.1000 чел; д) Прага ок. 1000 человек; с) уезд Табор (Чехия) ок. 600 человек; К гр. кат. Приходству при церкви св. Варвары принадлежал еще лагерь интернированных в Талергофе, где в сентябре 1916 года было 3500 греко-католиков, и за два года их умерло 150 человек).

281. Юркевич В. - Талергофский всчеср. Стихотворенис. "Наука", Львов, июнь-июль 1956. (Посвящено почившим под немецкими соснами жертвам австро-германского террора).

282. Юрьев П.В. - Старинный город, русской славы. (Стих). "Илл. народный календарь на 1935 год", Львов, изд. о-ва им. М Качковского, 1934

283. Юрьев П.В. - Талергоф. (Стих). "Временник ставропигийного института на 1928 год", Львов, 1927

284. Талергоф и Россияне. "Русское Слово", Вильно-Варшава, 1934, №122

285. Яблонский Д. - Великий юбилей - велика проба. "Земля і Воля", 1934, №14 (К предстоящему Талергофскому съезду).

286. Яблонский Д.- Історичний зміст Талергофа. "Земля і Воля", Львов, 1933, №№12,13

287. Яблонский Д. - Свято живих. Ко дню Талергофского съезда. "Земля і Воля", 1933, №42. (Содержательная статья, поясняющая вкратце историю галицко-русской мартирологии, отмечая такие ее вехи, как процесс Ольги Грабарь, Ив.Наумовича и тов., процесс карпаторусских крестьян в Мармарош Сигетс, процесс братьев Геровских в Буковине, процесс Бендасюка и тов., венские процессы во время первой империалистической войны.

288. Яблонский Д.- Чого ми ждемо від Талергофского з'їзда? "Земля і Воля", 1934, №21.

289. Яворский Ю.А. - Думы о Родине. Львов, 1924

290. Яворский Ю.Я. - Кукушкино яичко в Ставропигии. "Временник Ставропигийного Института на 1923 год", Львов, 1922. (К истории "украинского" вторжения в Ставропигию в военное время).

291. Як українці шанують память Талергофа. "Земля і Воля", Львов, 1933, №30 (По поводу вандального повреждения талергофского памятника в с. Толщеве, львовского уезда).

292. Янчак Я.В. - Талергофская выставка. "Илл. народный календарь на 1935 год", Львов, изд. о-ва им М. Качковского, 1934

293. Янчак Я.В. - (Я.В.Я-К). - Талергофский музей. “Русский Голос”, 1934, №29

294. Янчак Я.В. - Хотіли б стелити дорогу в другий Талергоф. “Земля і Воля”, 1935, №9 (По поводу статьи в польском журнале “Бюллестень польско-украинский” №5/1935 п.з. “Суть москалефильства галицких “старорусинов”).

295. Янчевецкий Дм. - Мариану Феофиловичу Глушковичу “Илл. народный календарь на 1928 год”, Львов, изд. о-ва им. М. Качковского, 1927 (Стихотворение приговоренного австрийским военным судом к смертной казни участника первого венского процесса о государственной измене, пронизано реминисценциями о соучастниках венского процесса).

296. Ястребов Н.В. - Галиция накануне великой войны 1914. Петроград, 1915, 146 стр.

297. Akt oskarzenia przeciw Oldze Hrabarowcji i towarzyszom o zbrodnice zdrady stanu. - Anklageschrift wider Olga Hrabar und Genessen wegen Verbrechens des Hochverrathes. Dodatek do Nru 132 “Gazety Lwowskiej”, 1882. 19 str. Fol.

298. Akt oskarżenia ... 1) Szymona Bendasiuka, 2) Maksyma Sandowicza, 3) Ignacego Hudyme 4) Bazylego Koldre... c.k. Prokuratoria Państwa we Lwowie oskarża przed c.k. Sądem krajowym dla spraw karnych we Lwowie po myсли Art. VI. Ustawy z dnia 23 maja 1875. № 119 dz.p.p. jako przed Trybunałem Sądu Przysięgłych... (o zbrodnie zdrady głównej z §58 c.) u.k... (Lwow, dnia 4. Stycznia 1914. 1914. St. 2530) 12/38 . 190 str. Fol. Параллельный текст на украинском языке. РУССКИЙ ПЕРЕВОД: Обвинительный акт по делу С.Ю.Бендасюка и тов. См. Приложение к “Прикарпатской Руси” ноябрь 1924, Львов, 1914 Дело процессов Ольги Грабарь 1882 года и С.Ю. Бендасюка 1914 года было использовано военным прокурором в обвинительных актах первого и второго процессов перед венским дивизионным судом Д-ра Д.А.Маркова и тов. И Д-ра К.Д. Богатырца и тов. - как обременяющий материал и оба эти дела были в полном комплекте приложены к делам венских процессов.

299. Anklageschrift gegen 1. Dr. Kassian Bohatyrec, 2. Hylarion Zurkanowicz, 3. Dr. Semen Bulik, 4. Gabriel Hnatyszak, 5. Roman Pryslopski, 6. Dr. Alexander Hassay, 7. Dr. Iwan Czerlunczakiewicz, 8. Dr/ Alexander Sawjuk, 9. Dr. Jaroslav Siokalo, 10. Nikolaus Winnicki, 11. Kornel Senik, 12. Johann Maszczak, 13. Markil Rastawecki, 14. Demetr Wislocki, 15. Johann Stranczak, 16. Eustahius Ciuk, 17. Johann Andrejko, 18. Theodor Mochnacki, 19. Alexander Milanicz, 20. Methodius Trochanowski, 21. Theodosius Durkot, 22. Mikola Gromosiak, 23. Luka Staricki, 24. Jakim Gazjuk, Wien, 13 April 1916, G.Z. A 295/14, k.k. Militaranwalt des Militarkommandanten in Wien. 306 S. Fol. Аналогичный обвинительный акт составлен этим же военным прокурором в деле депутатов Д-ра Д.А. Маркова, В.М. Куриловича, адв. Д-ра К.С. Черлюнчакевича, крест. Дьякова, мещ. Мулькевича, публициста Янчевецкого в 1915 году.

300. Balan Teodor, Dr. - Supriniarea miscarilor nationale diu Bucovina pe timpul razboiului mondial 1914-1918. Cernauti, 1923

301. Blumental Hermann. - Galizien. Dritte auflage. 154 S. В очерке “Die Schalcht bei Lemberg” автор рассказывает о повешении 28 крестьян из деревни Потоковец (?) за мнимую помощь русским в нападении на Сокаль. В качестве свидетелей обвинения выступают студент украинец Дмитро Прокоп из Тартакова, который воодушевленный воззванием “Дила” заявляет о своем постановлении поступить в “Сичевые стрельцы”, польский кузнец и еврей-арендатор.(Происшествие имело место перед 19 августа 1914 года). Под датой 19 августа упоминается об эскортировании жандармами массовых партий крестьян-русофилов и о хулиганском выступлении ввиду арестованных уличной толпы. Под датой 30 августа говорится об обращении митр. Шептицкого с предостережением перед насильственным обращением с русофилами, поскольку не исключено временное занятие города неприятелем. Под 31 августа сказано о транспорте заключенных из тюрьмы “бригадок” на вокзал и об нападках толпы. Об “измене” русских крестьян упоминается тоже на стр. 75,76, 84

302. Bobrowski Marjan dr., wiezien thalerhofska. - Z okazji obchodu thalerhowskiego. “Wiek Nowy”, Lwow, 1934, Nr. 9888

303. Cerkiew unicka we wschodniej Małopolsce w czasie inwazyi rosyjskiej (1914-1917) (podr. x. M. St.) Fakty i refleksje. Lwow, 1920. 80 str. (Odbitka z “Gazety Kościelnej”).

В брошюре указано, что австрийцами арестовано не менее 350 русских священников, из чего в самом Талергофе интернировано 300.

304. Co psal cesky tisk o resi poslanse Stribrneho. “Nedelni list”, Praha, 1937, Nr. 163.

305. Daszynski Ignacy.— Pamitniki. T. I. Krakow, 1926. 348 str. Str. 200 “Cesarz bul juz czlowiekieni zgrzybialym (mial 85 lat) i tracil wplyw z kazdym dniem. A naezelna komenda armij austro-wegierskiej od wrzesnia (1914) stawala sie coraz bardziej nierozytalna wobec ciezkich klesk na polu bitew we wschodniej Galicji i w Serbji i wietryla w najglupszy i najnikczemniejszy sposob “zdrade dokola! Juz wowczas rozpoczely sie straszliwe wieszania chlopow, ksiezyc rusinskich, zydow “za wskazywanie drogi Moskalom. Najniewinniejszych ludzi wieszano bez sadu dziesiatkami na drzewach przydroznych. Setki procesow najdzikszych wytaezano roznym nieszczesliwcom. Odznaczali sie pray tem i andytorowie Polacy, jak n. p niejaki Zagorski, adwokat ze Lwowa, dzisiaj podpora miejscowa “narodowego” obozu. Wyroki smierci padaly jak grad. Kleski szly zakleskami, a Polakow i Rusinow winiono o to, ze nedznicy austrjaccy na posterunkach generalskich przegrywali bitwy!.. Niewiele narazie tych wszystkich okropnosci dochodzilo do naszych uszu.” (Vide str. 205, 206, 268-269).

306. Dlugosz Wladyslaw.- Mowa wygłoszona dnia 14 grudnia 1917 r. W komisji wojskowej delegacji austriackiej. Krakow, 1918.

(Vide Lasocki, str. 90). "Lezy przedemna rozkaz krajowej komendy zandarmerji Nr. 5, Exhibit Nr. 403 Res. Do wszystkich komendo, oddzialow i posterunkow zandarmerij, w ktorym komendant zandarmerij, podpulkownik Naganer, wzywa, zandarmow po raz ostatni, ady sic ocneli ze slabosei, uwolnili od skrupulow prawnych i najsurowsza bezwzglednoscia wystepowali przceiw kazdemu podejrzananemu. Ta sama komenda zandarmerji w rozkazie datowanym Lwow, 20 sierpnia 1914, Exhibit Nr. 68 Res. Nakazuje zandarmom, aby podejrzanych o zdrade nie odstawiali do sadow wojskowych, ale aby po krotkiem prezesluhaniu ich i swiadkow i po krotkim protokole w krotkiej drodze podejrzanych rozstrzelivali. Rozkaz tejze komendi zne brzmienie: "Na rodstawie wydanego rozkazy z 16 sierpnia 1914r. Nr. 403 Res. Nalezy wobee wroga kazdego podejrzanego o zdrade w krotkiej drodze zgladzie ze swiata". (Ibid. str. 91). "Jak dlugo ludnose naszego kraju znajdowala sie w tcj strasznej oprcsij, jak dlugo zandarmi micli u nas prawo decydowac o smierci obywatelei, widae z faktu, ze dopiero dnia 7 stycznia 1916r., krajowa komtnda zandarmerji uznala za wskazane wydae nastepujacy rozkaz: "Zawiadomie wszystkie posterunki, ze karae smitrsia bez sadu nie wolno. Uzycie broni dozwolone tylko wedle 19 ustawy i 65 instrukcji sluzbowej".(Ibid.)

307. "Dziennik Ludowy". Lwow, 1924, NrNr. 287, 288, 290, 291,292. (Dr. Stanislaw Zagorski).

308. Едина незнайна Голгота на русския народ в източна Галиція - Талергроф. "Славянски Глас", София, 1934, кн.2.

309. Fida Adolf. — Tragedia Thalerhofu. W 20-ta rocznice powstania "obozu smierci". "Gazeta Poranna", Lwow, 1934, Nr. 10672.

310. Filar Wladyslaw dr. - Wspomnienia wojenne niewojujacego Stryj w sierpniu 1914. "Gazeta Poranna", 1934? Nr.10743, 10744, 10745 i nast.

311. "Grazer Tagblatt", Graz, 7.IX. 1914.

312. Grzedzielski Wl. - Przemysl im Weltkriege. (Dr. Mieczyslaw Orlowiez, Illustrirter Fuhrer durch Przemysl und Uragebung, Ltvbtrg, 1917, S.88-107).

313. Гашек Я. - Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Пер. с чеш. П. Богатырева. М., Гослитиздат, 1956, 751 стр. (В этой едкой сатире на австро-венгерскую военщину имеются тоже интересные эпизоды о полевых судах, вешании людей за руссофильство, о концентрационных лагерях и проч.).

314. Navelka F.J. - Zapisky z vuhnanstvi. Praha, 1920.

315. Navelka F.J.— На итальянские позиции и обратно. Воспоминания из всемирной войны. Прага, 1925. 76 стр. с илл. (На чешском языке). (Эта книга, как и остальные печатные памятники проф. Гавелки ("Записки из изгнания", "Дети-мученики" и др.) об ужасах в австро-венгерских лагерях Талергофа, Геленсдорфа и пр. Содержит много рефлексий на довоенное время и на новые переживания во время войны - она бросает луч света на ужасное положение славянских народов под игом Австрии, а особенности на положение русских и чехов. См. "Русский Голос", 1925, №122).

316. Hold ludnosci ruskiej. "Gazeta Lwowska", 1929, Nr.261.
317. Im Namen Seiner Majestat des Kaisers! K. K. Landwherdivisionsgtrith in Wien, Dst. 70/14/ 945, Wien, 17. Februar 1917.69 S. Fol.
- Приговор по делу Д-ра Кассиана Дмитриевича Богатырца и тов.о государственной измене, которым 16 подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение.
318. Istota moskalofilstwa "starorusinow" galicyjskich. "Biuletyn polsko-ukrainski", Warszawa, 1935, Nr.5(92).
319. Kantineure im Thalerhof. "Neue Freie Presse", Wien, 18/6 1916.
320. Karbulitzki Narion.-Die Henkerein in der Bukowina. Schluss zur Polemik mit Oberst Seeliger aus Anlass der von General Fischer erschienenen Memoiren "Warum Tauzende sterben mussten". Cernauti, 1929, 24 S. (Русский перевод Р. Д. Мировича, 1962).
321. Klein E.-Ulanenritt. "Neue Freie Presse", Wien, 1914, Nr. 18008. (Перевод: "За что?"-см. "Ил. Календарь о-ва им. М. Качковского на г. 1920", Львов, 1919).
322. Kulisova Tana.- Mala pevnost Terezin. Narodnihrbitov Ghetto. Paha, 1961.
323. Karpacki jeniec. "Slowo Polskie", Lwow, 14/xii 1914, Nr. 563. ("Piotr. Ajencia tel. dn. 13/1 b. m. Donosi, ze jeniee austryjacki,podofieer pochodzacy z Galieji, wziety na przelezy Wyszkowskiej, opowiada, .ze podczas ofenzywy Austryjakow na Doline nie byla wioski, w ktorejby oni nie powiesili 2-3 ludzi. Wieszali wegierscy zandarmi polowi wedlug wskazowek miejscowych zydow. Zydzi podezas cofania sie Austryjakow wszyscy uciekli za austryjackimi oddzialami. Opowiadajacyspotykal ochotnikow ukrainskih z posrod Huculow. Przeklinali oni swych przewodcow, ktorzy ich namowili do walki w austryjackich szeregach".
324. Nad hroblem 1767 muceeniku. "Nedelni list", Praha, 1937, Nr. 163.
325. Ku czci b. wiezniow Thalerhofu.Imponujace uroczystosci starorusinow we Lwowie. "Gazeta Poranna", Lwow, 1934, Nr. 10. 673.
326. Lasocki Zygmunt.-Polacy w austriackich obozach barakowych dla uchodzcow i internowanych. (Wspomnienia z czasow wojny swiatowej bylego posle do parlamentu austriackiego), Krakow, 1929. 313 VII str.
327. Lfsocki Z.-Речи в австрийском парламенте 12/7 1917 г. И 12'3 1918 года. Stenographisches Protokoll. Haus der Abgeordneten. XXII Session. 18 Sitzung, S. 919... und 71. Sitzung, S. 3600...
328. Lasocki Zygmunt.-Wychodztwo wojenne. "KurjerLwowski", 1915, Nr. 193.
329. Lipinski Stanislaw.-Rusini (Starorusini). "Wola i czyn", Lwow, 1937,k Nr. 5.
330. Lozynskyj Michael.-Die russische Propaganda und ihre polnisches Gonner in Galizien. Nerausgegeben vom allgemeinen ukrainischen Nationaltat in Osterreich. Berlin, 1914.

331. Orlowicz Mieczyslaw dr.-Jaroslaw, jego prezeszlosc i zabytki. (Przezornik ilustrowany). Lwow-Warszawa, 1921. 140 str. (str. 72: "Entuziazm na rzecz Austrji nie by! Jednak powszechny. Wladze wojskowe austriackie nie robily sobie z malkontentami wielkich ceremonji. Jedenych stawiano poprostu pod murami ratusza, gdzie ich rozstrzeliano na podstawie zaradzenia pierwszego lepszego niemieckiego lub wegierskiego oficera, a slady kul w murach ratusza swiadcza dotyczca o tym rodzaju wymiaru sprawiedliwosci austriackiej. Innych, Przewaznie Rusinow z obozu t. Zw. Moskalofilskiego, wywieziono masowo do obozu internowanych w Thalerhofie kolo Gracu, gdzie wsrod okropnych warunkow higjenczych i moralnych trzymano ich przez lat trzy". Str. 73: "Po zdumieni uwyywolanem przez nadspodziewany oporrosyjski przyszla kolej na paroksyzm wscieklosci. Sztab austriacki, na ktorego czele stal wrogo dla Polakow usposobiony arcyksiaz Fryderyk z Cieszyna, cheac oczyscie sie opinji austriackiej i wegierskiej z poniesionych klesk, rozpuscil wicsci, zc przyczyna nicpowodzen austriackich sa polscy i ruscy szpiegowie w Galicji i zaczeto tych szpiegow szukac. W Jaroslawiu, podobnie jak w innych miejscowościach Galicji, rozpoczęły się masowe aresztowania ludzi najniewinniejszych. Zaprawieni w bezmyslnych okrucienstwach honwedzi wegierscy, którym w historji tej wojny nalezy sie osohna haniebna karta, szukalnych szpiegów ze szczegolnym zamilowaniem. Rozstrzeliali wielu bez sadu, bez najmniejszych nawet indagacyj. Podpalanie wsi, rabunki i gwałcenie kobiet byly na porządku dziennym"...

332. Peklo Solvanu v Thalerhofu. "Nedelni list", Praha, 1937, Nr. 163.

333. Perfecki Vladimir.-Verteidigungsscnrift des k. k. Ldst. Feuerworkers mit Einjahrig-Freiwilligen Abzeichen Vladimir Perfecki fur die Offiziersversammlungen am 21 und 22 August 1918. (Из семейного архива).

334. Prajs Julia.-Krzywe litery. Warszawa, "Czytelnik", 1960.(Автор описывает живо события первой мировой войны на областях восточной Галичине вплоть до развала Австрии. Отмечает тоже злодействия против русских Галичан со стороны австрийских властей и их "украинских" пособников, а также хулиганское отношение уличной толпы к арестованным; арест студента Ореховского, его заключение в Талергофе и затем высылка на итальянский фронт со штрафной маршкомпанией; арест свящ. Гука и рассуждения на этот счет почтмейстера Альтмайера и др.).

335. Reinfluss Roman.-Ziemia lemkowska przed polwieczem. "Kurjer literacko-naukowy", Lwow, 1935, Nr. 6.

336. Rozhovor s J Stribnym o reci thalerhofske. "Nedelni list", praha, 1937, Nr. 163.

337. Ronge Mak. - Разведка и контрразведка. М., Воениздат, 1935 и 1939. (Репрессии, казни, политические процессы русских галичан представлены австрийским офицером-разведчиком, как следствие "государственной измены").

338. Rozwadowski Tad. - Cos o Niemsach i yos j Wegach. (Z pamietnikow jen. Tadeusza Rozwadowskiego). "Karjer literacko-naukowy" 12/6 1933. (Упоми-

настся о повешании в окрестности Криницы на Лемковщине гр. кат. священника за то, что жаловался на грабеж мадьяр).

339. Skizyck Jozef. - Pizeglad ukraainskich opracowan i literatury pamietnikarskiej z okresu lat 1914-1918. "Ziemia Czerwienska", Lwow, 1938, zesz, I, str. 100-106.

340. Sherber Waclaw. - Antomobilem pizez Galicje. Garse wrazen z podrozy specjlnego sprawozdawcy "Ilustr. Kuryera Codziennego do Lwowa. "Ilustrowany Kuryer Codzinny", Krakow, 26/7 1915.

341. Stracenie Sandowieza. "Slowo Polskie", Lwow, 14/27 XII 1914, nr. 582.

342. Straszne sceny w Talerhofie, Wspomnienia z czasow grasowania soldatski austrjackiej. "Ilustrowany Kuryer Codkienny", Krakow, 17/XII 1924 - za "Neues Wiener Journal" 14/XII 1924/

343. Stvana rec velchradec Stribrncho "Nedelni list", 197, 3Nr. 163.

344. Stribrny Jizi. - (Die Rede). Stenograpiisches Protokoll. Haus der Abgeordnnten, XXII. Session. 6, Sitzung, 14. Juni 1917. S. 240-250.

345. Stribrny Jizi. - Interhellftion des Abgeordnetn Jizi Stribrny und Genossen an den Herrn Ministerratspräsidenten sowie den k.k. Minister des Innern, den k.k. Minister der Justiz und den k.k. Minister fur Landesverteidigung, betreffend unbegrundete Verhaftungen vom freien Staatssburgern. Hads der Abgeordneten. 7. Sitzung der XXII. Session am 15 Juni 1917. Anhang II. Interpellationen, 198/1. Wien< 15 Mai 1917. Jizi Stribrny, Slavicek, Roman Czaykowski, Karel Exner, Dr. Baxa, Lizy, Dr. Hubschmann, Stransky, A. Konecny, Bohumil Bradas.

346. Swieto Talerhofu. "Hustorowany Gonitc Wieczorny", L. 1931, Nr. 20.

347. Sxydlowski Tadeusz dr. - Ruiny Polski. Opis szkod wyrządzonej przez wojne w dziedzinie zabytkow sztuki na ziemiach Malopolski i Rusi Czerwonej. Z 227 rycinam i marka oryginalna. Krakow, 1919. 215 str.

348. "Talergof". "Z okazji jego 25-lecia". P.W.P. Nurt. Po udniowo-wschodniaagencja prasowa. Lwow, 1939, Nr. 23. (Перепечатка в польском переводе - одноименной статьи В.Р. Ваврика из газеты "Русский голос", Львов, 1939, № 118).

349. Torquemeda z Thalerhofu. (Czyrowski). "Slowo Polskie", Lwow, 1922, Nr. 98 i 99.

350. Jeszeze.Torquemada z Thalerhofu. "Slowo Polskie", Lwow, 1922, Nr. 100.

351. Uroczystosci thalerhofske we Lwowie. "Kurjer Lwowski", Lwow, 1934, Nr. 142.

352. Wielka uroczystosc Thalerhofcow we Lwowie, Ilustrowany Kuryer Codzienny", Krakow, 1934, Nr. 151.

353. Wolfgang Bruno. - Przemysl 1914/15. Wien, 1935, 186 S. (S. 23-27: "Einzelne Falle von Verrat mogen gewiss vordekommen sein. Aber fast unmoglich

erschcint es, dassruthensche Bauern militarische Aufgadtn gelost haben sollten, die auch erfahrenen Truhhenoffizieren sehr schwer gefallen waren... Das Schreckgespents des Verrates starrt der erhitzen Phantasie aus allen Winkeln entgegen. Unzahlige werden verhaftet und der Schatten eines Vardachtes genugt als Beweis. Angeberei und Verleumitung bluhen. Viele der Verhafteten werden ins Innercder Monarchic gebracht. In den ruthenischen Doren Ostgaliziens hangen die Leichen dutzendweise auf den Baumen. Hunderte wurden kurzerhand nirdergechosen....

Durch die Strassen der Festung zienen taglich unter strenger Bewachung Gruhlen von Verhafteten Manner, Weiber, Greise selbst Kinder. Ihre Mienen sind duster und hart. Sie wissen dass sie kein Erbarmen zu erwarten haben, dass ihr Leben nicht von der Gerechtigkeit, sondern vom Waten cines entfesselten Sturmes abhangt. Ein solcher Transport begcgnet ciner Abteilung ungarisher Husaren. Plotzlich ertont der wildt Ruf: "Schufte, Verrater, ihr auf uns geschossen". Die Reiter sturzen sich die Wehrlosen, ein kurzes, wutendes Ringen und die Gefangenen werden bis auf den letzten Mann niedergemarht. Die Magyaren galoppieren davon...."

354. Z dzialalnosei "Armee Oberkommando" w Galicyi. "Znicz", organ Polskiego Komitetu Powiatowego w Stanislawowie, 1918, Nr. 9. ("Z ogloszonych tajnych archiwow oslawionej A.O.K., ktorej naczelnikiem byl Fryderyk cieszynski, wynika, ze liezba niewinnych ofiar powieszonych i rozstrzelanych w Galicyi dochodzi do 70 tysiecy ludzi").

355. Zjazd Talerchofcow, "Kurjer Lwowski", Lwow, 1934, Nr. 142.

Послесловие

В предисловии мы упомянули в нескольких словах об авторе.

Справедливость требует отметить автора библиографии Р.Д. Мировича, который положил много труда при собирании литературы относительно событий, связанных с Талергофом.

В его труде, кроме русских авторов и газет, приводятся тексты украинских, польских, чешских, румынских, сербских и немецких авторов и газет.

Типография, в которой печатали этот очерк, не имела польских, чешских, румынских и немецких матриц. Поэтому пришлось ограничиться латинским шрифтом. Читателю, знающему вышеупомянутые языки, не трудно будет разобраться в производимых текстах.

Издатель.

Сведения об авторе

Василий Романович Ваврик, уроженец села Яснище Бродского уезда, родился в 1889 году в крестьянской семье. В Бродах окончил немецкую гимназию и уже на школьной скамье принимал живое участие в культурно-общественной жизни гимназической молодежи. Свирепый 1914-ый год не позволил ему продолжать учебу на юридическом факультете Львовского университета. Свой “народный университет” прошел Василий Романович в застенках австрийских концлагерей Терезина и Талергофа, где сочинял стихи, посвященные подневольной жизни карпато-русского народа, и редактировал подпольные листовки с разоблачением лагерных жестокостей. Первые послевоенные годы посвятил пополнению своего высшего образования; в 1926 году он окончил философский факультет Карлова университета в Праге с научной степенью доктора славянской филологии. Одновременно в студенческие годы принимал участие в общественной жизни возрождающейся Подкарпатской Руси. Вернувшись на родину во Львов, В.Р. Ваврик был принужден поступить в Львовский университет, который и окончил в 1929 году с научной степенью доктора славянской филологии. В этом же году Василий Романович посвящает себя народной службе как писатель, как секретарь Ставропигийского Института и как научный сотрудник Галицко-русской Матицы. При Советской власти Василий Романович, после кратковременного занятия в Львовском университете в качестве преподавателя русского языка, поступает на работу в Исторический Музей как старший научный сотрудник и на этом посту остается вплоть до выхода на пенсию в 1956 году.

Писательский диапазон В.Р. Ваврика обширный. Он учений, поэт, писатель, публицист и при всем этом горячий патриот Родины, общественный деятель.

Из научных, научно-популярных, филологических и исторических трудов приведем главнейшие: “Яков Федорович Головацкий, его деятельность и значение в галицко-русской словесности” (1925), “Львовское Ставропигийское Братство” (1926), “Львовский Ставропигион в освящении исследований И.И.Шараневича” (1927), “Денис Ив. Зубрицкий и его труды о Ставропигийском Институте” (1928), “Основные черты деятельности И.И.Шараневича” (1929), “Галицко-русская литература “Слово о полку Игореве”” (1930), “Материалы, относящи-

еся к истории Львовского синода в 1891 году” (1931), “Старейшины и члены Ставропигийского Института” (1932), “Русская тройца (Вагилевич, Головацкий, Шашкевич)” (1933), “Жизнь и деятельность Ивана Николаевича Далибора-Вагилевича” (1934), “Слово о полку Игореве”, “Литература и перевод на галицко-русское наречие” (1937), “Члены Ставропигиона за 350 лет” (1937), “Галицкая Русь Пушкину” (1937), “Школа и бурса Львовского Ставропигиона” (1938), “Суд над Гоголем” (1959).

Особое место в творчестве В.Р. Ваврика занимает мартирология карпато-русского народа в первую мировую войну 1914-1918 г.г. Здесь следует отметить его сотрудничество при издании “Талергофского Альманаха” (Львов, 1924-1934) и при его переиздании “Военные преступления Габсбургской монархии” П.С. Гардым (США, 1964); затем его монографии “Талергоф” (1934) и “Терезин и Талергоф” - “к 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа” (1966); кроме того ряд отдельных произведений по этой тематике в художественной обработке, как повести: “В водовороте” (1926), “Изверг” (1927); рассказы: “Калинин сруб” (1926), “Атаман” (1932), “Маша” (1933), “Урша”, рассказ о расстреле галичанина в Альпах (1928), “Суд и расстрел”, рассказ о расстреле крестьян в Мацаеве, Зборовского района, украинско-немецкими террористами (рукопись), “Нравоучитель”, рассказ о жизни и подвигах В.Ф. Марущака (рукопись), “В кольце штыков” (1928), “В перекрестных огнях”, в 5-ти частях (1929-1938), “Жертва австрийского террора о.Игнатий Гудима” (1930); драмы: “Одна невеста, два жениха” (1928), “Талергоф”. Драматические картины, (1933), “Русины-партизаны в Карпатах” (рукопись); поэмы (18): “Анастасия Чагровна” (рукопись), “Крещение Руси” (1938), “Слово о полку Игореве” и др.; научно-популярные очерки: “Григорий Семенович Малец” (1936), “Дмитрий Андреевич Марков” (1938), “Николай Павлович Глебовицкий” (рукопись), “Народно-славянская Галицкая Русь” (рукопись), “Обзор галицко-русской письменности” (рукопись). По теме “Талергофа” поместил В.Р. Ваврик много статей публицистического характера в галицко-русской печати, как вообще и на злободневные вопросы, которыми живо интересовался. Сюда следует отнести также документальную публицистическую монографию п.з. “Черные дни Ставропигийского Института” (1928).

Поэтическое творчество В.Р. Ваврика очень богато. Его поэзии, напоминающие народную лирику, проникнуты горячим патриотизмом, особенно любовью к родным Карпатам; рассеяны по

всем карпато-русским изданиям. Назовем здесь только вышедшие сборники. Это: “Трембита” (1921), “Стихотворения” (1922), “Красная горка”. Третий сборник стихотворений (1923) и “Гаивки”. Четвертый сборник стихотворений (1925).

Особую статью в творчестве В.Р. Ваврика занимают литературные портреты выдающихся культурных деятелей Руси. Назовем некоторые: “Дмитрий Васильевич Залозецкий” (1922), “Иван Григорьевич Наумович” (1924) и монография “Просветитель Галицкой Руси Иван Гр. Наумович” (1926), “Яков Федорович Головацкий” (1924), “Богдан Андреевич Дедицкий” (1927), “Иссидор Иванович Шараневич” (1929), “Федор Федорович Аристов” (1933), “Владимир Андреевич Франецев” (1937), “Игорь Эммануилович Грабарь” (1945), “Мариан Феофилович Глушкиевич” (1960), “Проф. Тит Иванович Мышковский” (1962), “Семен Юрьевич Бендасюк” (1962), “Антоний Степанович Петрушевич” (1963), “Иван Федоров, первый русский печатник и его пребывание во Львове” (1963), “Иван Степанович Шлепецкий (1963), “Андрей Васильевич Карабелеш” (1965), “Иван Степанович Шлепецкий - добрый пастырь” (1968) и много других.

В. Р. Ваврик скончался 5 июля 1970 года во Львове.

Литература: “Талергофский Альманах”, вып. IV, стр. 87-89; “Карпаторусский календарь Лемко-Союза на 1963 год”; газета “Вестник” за 1913 1969 г.

Р.Д. Мирович.

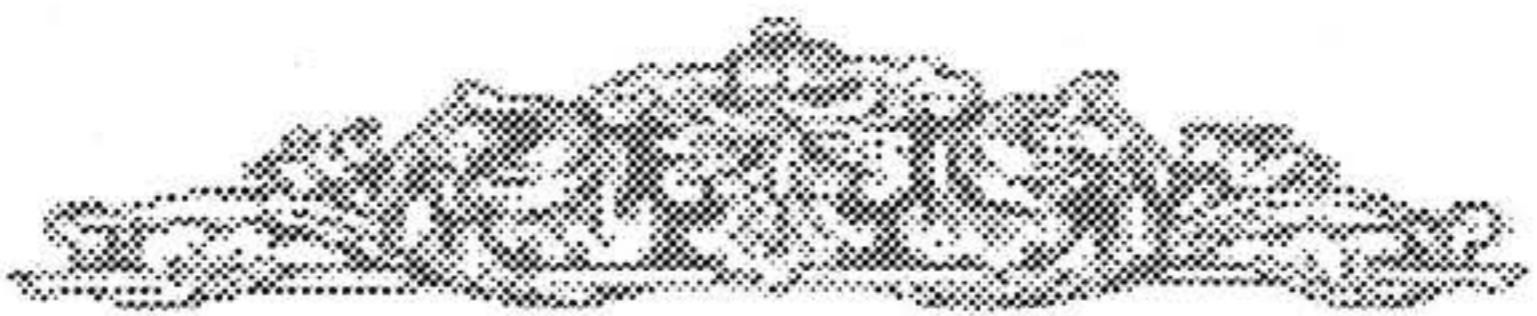

Выдающуюся роль в сбережении карпаторусского наследства сыграли: проф. Ф.Ф. Аристов (14 октября 1888 года - 5 ноября 1932 года) - автор центрального труда по данной проблематике - трехтомника "Карпато-русские писатели", основатель Карпаторусского музея в Москве, насчитывавшего около 300 тыс. экспонатов (музей уничтожен большевиками) и его дочь - доктор исторических наук Т.Ф. Аристова, сквозь десятилетия официальной советской историографии, стоявшей на "украинских" позициях, пронесшая свечу исторической правды, и продолжающая дело своего отца.

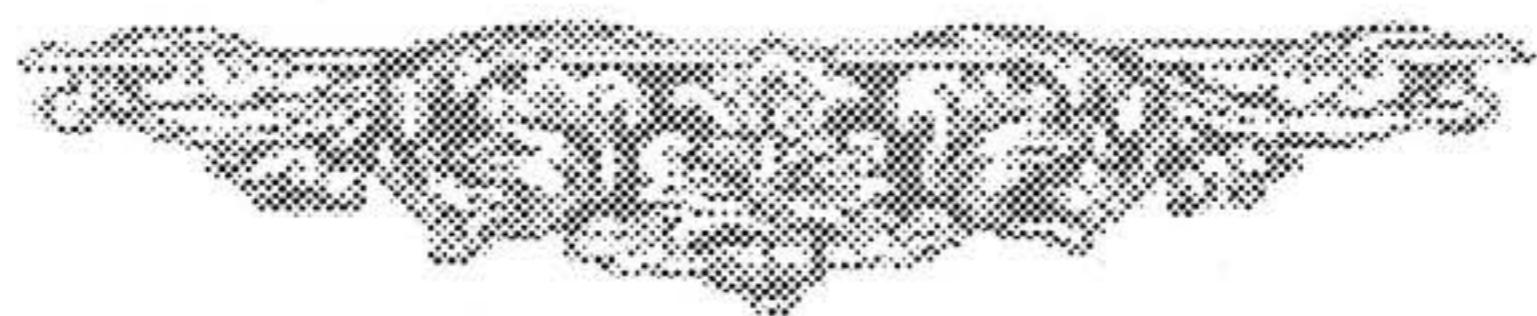
*К.Ф.Фролов
(Институт Стран СНГ)*

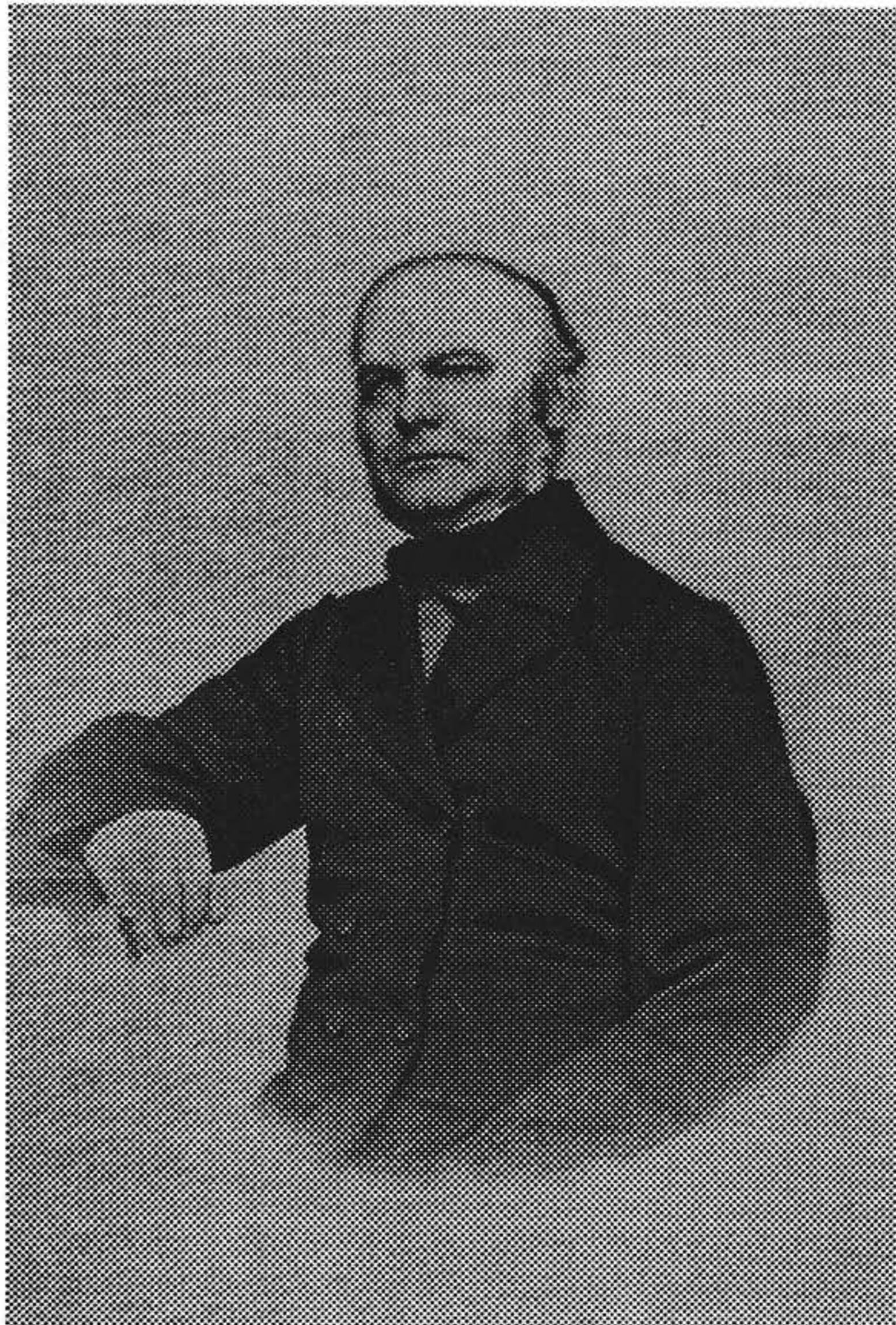

илюстрации

Федор Федорович Аристов (1933 г.)

Яков Федорович Головацкий (1867 г.)

Александр Васильевич Духнович

Адольф Иванович Добрянский-Сачуров (1866 г.)

дяюшихся діятелей Галицької Руси въ государственной измѣнѣ походу Россіи.

Пропозиція „нової ери“ (1890). Въ 1890 году было сказаноъ новый матисъ на русско-народную партію и вообще на общерусское движение въ Галичинѣ. „Українські філії“, по соглашению съ польскими и австрійскимъ правительствомъ, пригласили во Львовскомъ сеймъ такъ называемую „новую эру“, сущность которой сводилась: 1) къ преданности Австрії, 2) къ приверженности унії и вообще Риму и 3) къ союзу съ польскими.

Въ томъ же 1890 году было наложено распоряжение о введениі въ школы и официальной переписку вместо этимологического правописанія вновь сработанной фонетики, которая должна была затруднить русскимъ галичанамъ пользованіе книжами, изданными въ Россіи и еще болѣе отдалить ихъ отъ влиянія общерусской культуры. Русско-народная партія не могла, конечно, примириться съ такимъ антирускими распоряженіемъ правительства, и подана въ Вінницкій парламентъ противъ фонетического правописанія протестъ, собравъ подъ нимъ 50 тысячъ подписей.

ХХ вѣкъ ознаменовался въ жизни Галицкой Руси борьбой въ Львовской университете (1901 г.) и за улучшеніе экономического положенія галицко-русского крестьянства.

Рѣчъ д-ра Д. А. Маркова въ Вінницкому парламентѣ на русскомъ языке (1907). Въ 1907 году было введенено всеобщее избирательное право. Галицкая Русь послала въ числѣ другихъ своихъ депутатовъ стойкаго и убѣжденного защитника русскихъ интересовъ д-ра юриспруденціи Дмитрия Андреевича Маркова, который 27 июня (9 юла) 1907 года произнесъ въ Вінницкій парламентѣ рѣчъ на общерусскомъ литературномъ языке. Этимъ передъ всѣмъ культурнымъ міромъ было заявлено, что Галицкая Русь считаетъ языкъ Пушкина и Гоголя своимъ роднымъ языкомъ. Когда въ отвѣтъ на рѣчу Д. А. Маркова австрійскій министръ внутреннихъ дѣлъ баронъ Бинертъ отъ лица правительства заявилъ, что въ Австрії нетъ русского народа, то со всѣхъ концовъ Галицкой Руси было прислано въ парламентъ сто тысячъ петицій стѣндающаго содержанія:

„Высокая палата! Галицко-русский народъ по своему историческому прошлому, культурѣ и языку стоитъ въ тѣсной связи съ заселяющими смежныя съ Галицією земли малорусскими племенемъ въ Россіи, которое вмѣстѣ съ волинорусскимъ и бѣлорусскимъ составляютъ цѣльную этнографическую группу, т.-е. русскій народъ. Языкъ этого народа, выработанный тысячелѣтиемъ трудомъ всѣхъ трехъ русскихъ племенъ и живущий въ настоящее время одно изъ первыхъ мѣстъ среди остальныхъ мировыхъ языковъ, Галицкая Русь считала и считаетъ своимъ и инымъ лишь искажительное право быть языкомъ ее литературы, изуки и вообще культуры. Доказательствомъ этого является тотъ фактъ, что за права этого языка у насъ въ Галичинѣ боролися такие выдающиеся діятели, какъ епископы Іоакимовичъ и Йосифъ Сембраторичъ, ученые и писатели Зубрицкій, Наумовичъ, Площанский

Добранські, Устяновичъ, Дъянцій, Головацій, Петрушевичъ, Гушакевичъ, інші младшихъ же — Золотецькій, Свистунъ, Хилякъ, Мончаловский, Іванъ Левицкій, Дудыкевичъ, брати Маркови, Вергунъ, Яворська, Сватитскій, Гатбовицкій, Грушкевичъ, Полянскій і многіє другіє. Общерусський літературний языкъ у насъ въ Галиції въ посемѣтствомъ употребленій. Галицко-руссія общественныя учреждения и студенческія общество во Львовѣ, въ Чернівцяхъ, въ Прагѣ, въ В'язі ведуть пренія, зрити якъ и перекину на русскомъ літературномъ языкѣ. На этомъ же языкѣ у насъ създава издавались и теперь издаются ежедневныя современныя издания, таки: „Слово“, „Прогомъ“, „Червонна Русь“, „Галицкая Русь“, „Галичанинъ“, „Бесѣда“, „Страхопугъ“, „Издание Галицко-Русской Матицы“, „Русская Бібліотека“, „Живое Слово“, „Жизнь Мисль“, „Славянскій Вѣдъ“, „Издание Общества имени Михаила Чаковскаго“, расходяща въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Ссылаясь на вышепомянутое, высокая палата изволить признать законодательную порядкомъ за общерусскимъ языкомъ права гражданства въ предѣлахъ королевства и земель, представленныхъ въ В'инскомъ парламентѣ, ввести русскій языкъ какъ преподавательный, въ начальныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и прочихъ ученицахъ русской части Галиції, что будетъ содѣйствовать поднятю низкаго уровня образования въ этихъ школахъ; приступить къ разработкѣ вопроса относительно основания русского университета во Львовѣ, безотлагательно же черезъ при Львовской университетѣ кафедры русского літературного языка, русской літературы, русской історіи и історіи русского права».

Къ этой петиції слѣдуетъ добавить, что со времена ея подачи (1907 г.) и вплоть до великой войны 1914 года въ Галицкой Руси издавалось на русскомъ літературномъ языкѣ еще исключительно повременныя издания, изъ которыхъ особенно должны быть отмѣчены: ежемісячная большая газета „Прикарпатская Русь“ и студенческій журналъ „Новая Жизнь“.

Въ 1908 году состоялся Пражскій славянскій съездъ, на которомъ русские какъ изъ Россіи, такъ и изъ Галицкой Руси образовали одну ассоциацію. Этимъ было подчеркнуто общерусское национально-культурное единство, причемъ славянскіе представители признали, что объединеніе единства возможно только на основе единаго русского народа. Послѣ съезда часть русскихъ delegatovъ, во главѣ съ графомъ В. А. Бобринскимъ, отправилась въ Галицкую Русь, чтобы на жестѣ ознакомиться съ жизнью галицко-русского населения. Поставивъ Галичину, графъ В. А. Бобринскій издать несъмъ интересную книгу, а также прочесть въ многихъ городахъ Россіи рядъ лекцій по галицко-русскому вопросу, тѣмъ весьма способствоваль ознакомлению русского общества съ историческимъ прошлыемъ и современнымъ состояніемъ этой забытой и забытой русской земли.

Австрійское правительство, видя ростъ общерусского национального самосознанія въ Галицкой Руси, рѣшило его задушить при помощи несанк. Бендинська.

въ 1908 г.

Галицкой

Русі гр.

В. А. Бобринскій

содержание

Предисловие. Юго-западная Русь: историческая правда и сепаратистская пропаганда. К. Фролов.....	3
Галицкая Русь в 1914 г.	63
Кровавый террор.....	65
Бешеный погром в Перемышле.....	73
Расстрелы священников на Лемковской Руси.....	75
Терезин.....	82
Великдень в Терезине.....	84
Талергоф.....	86
Литература. Р.Д. Мирович.....	105

ISBN 5-93876-003-8

9 785938 760035 >